

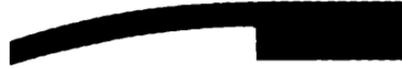
САША ФИЛИПЕНКО
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОСТРОГ

роман

серия
«самое время!»

москва 2020

САША ФИЛИПЕНКО
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОСТРОГ

РОМАН

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
Ф53

Художник

Валерий Калныньш

Филипенко, Саша

Ф53 Возвращение в Острог: роман / Саша Филипенко. — М. : Время, 2020. — 224 с. — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1939-0

В своём предыдущем романе («Красный Крест», 2017) Саша Филипенко широко использовал реальные исторические документы. В его новом произведении сама изображённая реальность претендует на роль документа эпохи. Для самых недоверчивых: тут нет ничего придуманного. Есть городок, где градообразующее предприятие — тюрьма. Есть детский дом, в судьбах обитателей которого мелькнул проблеск счастья. Ситуации, герои, диалоги и даже способы полицейских пыток — всё взято из жизни. И проклятый вопрос о цене добра, которое почему-то оборачивается злом, тоже поставлен жизнью. Точнее — смертью. «Саша Филипенко относится к тем молодым авторам, которые сразу стали серьёзными писателями. Хотите узнать, о чём думает современная молодая Россия, читайте Филипенко» (Светлана Алексиевич).

ISBN: 978-5-9691-1939-0

9 785969 119390

ББК 84(2=411.2)6

© Филипенко А. А., 2020

© «Время», 2020

Маше и Ромке

ПРОЛОГ

Начнём с чистого листа. Еле-еле, будто Сизиф, минутная стрелка взбирается к двенадцати. В маленькой карельской деревушке, где заканчивается осень и эта история, с самого утра идёт снег. Плюс-минус один, температура водит нулевой хоровод, и небо выплёскивает рассвет.

На краю большого озера стоит дом. Коричневый и двухэтажный. В нём, сидя за расшатанным столом, мужчина смотрит на бумагу, но за карандаш не берётся. Несмотря на то что страну заполнили литературные мастерские, несмотря на то даже, что любой уважающий себя писатель теперь ведёт курсы креативного письма, вырванная из тетради страница остаётся пустой — Александр не знает, что написать.

В доме тихо. Едва слышно под ногами пожилой женщины поскрипывает пол. Обернувшись, Александр видит теперь, как его мать поливает цветы, переходя от горшка к горшку, а отец собирает пазл. Сидя на ковре, высыпав на лист ватмана фрагменты двухтысячной головоломки, старик сортирует кусочки по цветам и первым делом отбирает белый.

Утро медленное и сырое. Так бы и провести его в тишине, но Александр встаёт вдруг и, не сказав ни слова матери, мимоходом поцеловав лишь отца, выходит в сени. Натянув неуместные здесь туфли, он толкает дверь и оказывается на крыльце. Закурив, через запотевшее окно сын бросает взгляд на родителей и, съёжившись, казалось бы, собирается вернуться в дом, но уже спустя мгновение, затушив напоминающий крохотный саксофон окурок, идёт совсем в другом направлении. Александр шагает к озеру, где несколькими минутами позже в небо отскакивает оглушительное эхо выстрела...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Ковыряясь в ухе ватной палочкой, участковый смотрит на клетку с попугаем и печалится. Мужчина думает теперь, что птица эта чрезвычайно ярка. Всё в этой комнате — и выгоревший флаг, и потускневший герб, и даже недавно заново перекрашенные в бледно-коричневые тона стены — не соответствует её насыщенному оперению. Попугай до того яркий, что клетку с ним хочется немедленно перенести в другой кабинет.

Участковый грустит. Полицейский знает, что наступают тяжёлые времена. В этих краях зима не склонна флиртовать — климат здесь резкий, как люди. Разглядывая попугая, мужчина понимает теперь, что вот-вот затрещат холода. Уже через несколько дней, думает он, обледенеют провода и дорожки превратятся в каток. Как и в любой другой год, начнутся перебои с электричеством, и какой-нибудь пьяный мудака непременно уснёт в сугробе. Обсасывая его нелепую смерть, родственники будут требовать тщательного расследования, и никто здесь даже не порадует за счастливого скота, чья бессмысленная жизнь наконец закончилась. Так думает участковый, и всё это

время напротив него сидит Петя Павлов. Не смея прерывать размышления полицейского, парень смотрит в окно и ждёт, когда у неба закончится снег.

— Слушай, Петак, — внезапно, возвратившись к самому себе из долгого путешествия, спрашивает капитан, — вот ты же у нас разбираешься в птицах, да? Этот попугай у меня уже неделю тут торчит, можно мне его начать выпускать по кабинету?

— Рано. Сперва птица должна запомнить, что клетка — её дом.

— Хорошо, а если я его потом просто выпущу на улицу, он вернётся?

— Вряд ли. Скорее всего, замёрзнет или птицы заклюют.

— Понятно... Знаешь, жаль мне его. Такой он беспомощный здесь, лазает весь день с жёрдочки на жёрдочку, клювом за прутья цепляется, а как по мне, так лучше бы его сразу прибить. Вот зуб тебе даю, если бы не подарок дочери — придушил бы! Шею свернул бы да и выкинул во двор собакам!

— Собакам птичьи кости нельзя — не переварят.

— Тоже верно...

Согласившись с Петром, участковый вновь погружается в размышления. Так они и сидят ещё минут двадцать, пока участковый не засыпает. Поняв, что лучше зайти в другой раз, парень аккуратно встаёт, однако нечаянно задевает и роняет стул. Хлопок будит участкового, и, потерев глаза, мужчина вспоминает теперь, что Павлов, вероятно, пришёл не просто так:

— Слушай, Петь, а ты чего припёрся-то?

- Хочу написать заявление.
- Это-то я понял, не дурак, а случилось-то что?
- Я шёл мимо «Бастилии», а мужики какие-то неместные курили в неподобающем месте.
- И?
- И я подошёл, чтобы сделать им замечание...
- Так...
- И они обматерили меня.
- Как обматерили?
- Я не хочу повторять.
- А что же я им предъявлю?
- Грубость!
- Грубость? Господи, Петак, ты специально припёрся сюда, чтобы написать заявление на мужиков, которые тебя послали подальше? Сунул бы им в табло, и дело с концом!
- Если все будут друг друга бить — что же из этого получится?
- Мир получится, Петя, мир! Только если дерёшься за свои убеждения — можно прекратить войну! Люди, Петь, потому так безответственно себя ведут, что чувствуют свою безнаказанность. Если б ты им сразу по щам надавал — поверь мне, сразу бы свернулись!
- Но так же нельзя! Есть же закон!
- Ох, Петька-Петька... — участковый тяжело вздыхает и, встав из-за стола, открывает форточку. Потерев переносицу, он закуривает самокрутку и, сплюнув попавший на кончик языка табак, с усталостью говорит: — Понарожают вот таких, как ты, Петь, а нам потом разгребай. С самого детства людям вроде тебя следует объяснять, что мир

этот — говно! Ничего здесь уже не изменить! Вот ты посмотри вокруг — ты что здесь хочешь перестроить? Горизонт? Облака? Как-то живём — и то хорошо! Не мужиков этих нужно воспитывать, а тебя!

— Но я же прав!

— Ну локально, может быть, и прав, Петя, а глобально нет!

— Значит, не будете принимать заявление?

— Не-а.

— Ясно, хорошего вам тогда дня!

— И тебе, Петюня, не хворать!

Натянув шапку, Петя выходит на улицу. Если приглядеться, несложно заметить, что всё в этом неуклюжем человеке имеет некоторый перебор. Губы его чуть больше, чем нужно, уши кажутся слишком оттопыренными. Если вы попытаетесь нарисовать точный портрет Пети Павлова, вас либо сочтут гением, либо поставят двойку за неумение соблюдать элементарные человеческие пропорции.

Снег усиливается и встаёт стеной. Парень смотрит теперь на расставленный по горизонту городок. Угрюмыми декорациями открываются Пете асимметричные деревянные дома частного сектора и гротескно выпячивающие себя панельки, где сосед соседу и сокамерник, и надзиратель. Справа лес, слева кладбище и железнодорожный перегон. Несколько раз в день, встав здесь, грузовые поезда перегораживают единственный въезд в мир мёртвых.

Подойдя к старенькому «Москвичу», Петя подпирает коленом дверцу и лишь с третьей попытки открывает ма-

шину. Когда загорается скупая гирлянда приборной панели, парень понимает, что желудок автомобиля пуст и надо бы заправиться.

«Москвич» этот куплен не просто так. Здесь, в Остроге, с общественным транспортом беда. Усилиями мэра плодятся частные маршрутки, однако большинству жителей они не по карману. Наслушавшись жалоб острогчан, Петя решает сделать бесплатное такси и три раза в неделю, аккурат после работы, собирает горожан, чтобы развезти их по нужным адресам. Водителей маршруток такие фокусы, конечно, злят, и время от времени они поколачивают Петю, но он не особенно злится.

«Хорошие люди, беспокоятся о своих семьях», — думает он.

Уже заправившись, Петя трогается с места, но, услышав хлопок, понимает, что в очередной раз из-за забывчивости своей вырвал шланг. Подобное с ним уже случалось. Достав из кошелька последние деньги, парень покорно шагает к кассе. Петя готовится, что, как и в прошлый раз, на него будут кричать, однако, опустив глаза и протянув купюру, к собственному удивлению, слышит вдруг добрые интонации:

— Ладно, Петька, у тебя это только второй. Ты себя не вини! У меня тут один коммунальщик уже четыре раза со шлангом уезжал. Ну вот ты скажи мне, как такому человеку канализацию доверять?

Заезжая во двор, Петя улыбается и думает теперь, что нужно бы как-нибудь вымыть в благодарность бензоколонку. Впрочем, дело это может и подождать, а вот то, с чем откладывать нельзя, — так это плакат.

Пройдя в кухню, Петя открывает холодильник. Все полки пусты. Он собирался заехать в магазин, однако из-за грубости, что обрушилась на него днём, обо всём позабыл. В надежде перекусить хоть чем-нибудь он роется в ящиках и на подоконнике, однако не находит ничего, закончились даже крупы и китайская лапша.

Накинув куртку, Павлов вновь выходит на улицу и направляется в магазин. Тучи рассеиваются, а пернатые скрываются в темноте. Птиц заменяют созвездия Ориона и Возничего, и звёзды светят теперь так ярко, что Пете становится радостно на душе.

Войдя в магазин, он очень хочет поделиться этим хорошим настроением, а потому, стягивая шапку, со всей добротой в голосе говорит:

— Добрый вечер!

Женщина не поднимает головы и продолжает читать неведомо как оказавшийся в её руках журнал «Яхты и катера».

— Добрый вечер! — ещё раз повторяет Петя.

— Павлов, ты чего орёшь?! Я закрываюсь через минуту — если тебе что-то нужно, выбирай скорей!

— Я не ору, я здороваюсь!

— Я тебе говорю, что через минуту закрываюсь! Тебе что-то надо?!

— Для начала, тётя Галя, я бы хотел, чтобы вы со мной поздоровались!

— А с чего ты взял, что я обязана с тобой здороваться? Это где-то, что ли, написано? Ты мне за это платишь? Ну давай мне десятку за «здрасьте!». Ты за продуктами при-

шёл — вот и покупай! А если тебя кто-то обидел, Петечка, то ты на мне свою злость не вымещай!

— Да при чём тут злость? Никто меня не обидел! Я просто хочу, чтобы вы со мной поздоровались, а потом я бы вам про звёзды рассказал!

— А если я этого не хочу?

— Что значит — не хочу? Как это — не хочу? Это же элементарные правила приличия!

— А ты у нас весь такой приличный, да? А разве прилично других людей поучать? Ты вообще представляешь, сколько мне тут приходится людей каждый день обслуживать?! Мне что, со всеми здороваться?

— Если вам, тётя Галя, не нравится ваша работа — увольняйтесь! Я не требую от вас ничего сверхъестественного, но можно же хотя бы поздороваться с человеком, который пришёл к вам за покупками?!

— Слушай, Петя, ты меня уже достал! Хочешь покупать продукты — покупай! Не хочешь — проваливай отсюда!

— Хорошо, дайте мне, пожалуйста, книгу жалоб!

— Чего?!

— Книгу жалоб!

— Да у нас её отродясь не было! Ты первый человек, которому здесь что-то не понравилось!

— Хорошо, тогда дайте мне, пожалуйста, четыре пачки макарон, пачку сушек и вон ту тетрадь в клетку.

— А тетрадь-то тебе зачем?

— Сделаю вам книгу жалоб!

Тётя Галя манерно медленно выкладывает на прилавок заказ. Купив не только тетрадь, но и шариковую ручку,

Петя выводит на зелёной обложке четыре красных слова: «Книга жалоб и предложений». Открыв первую страницу, на глазах изумлённой продавщицы Петя оставляет внушительный отзыв. Клиент требует уважения и соблюдения элементарных правил приличия. Дописав, Петя отдаёт продавщице тетрадь и, переложив продукты в сетку, выходит вон. Убедившись, что Павлов ушёл на безопасное расстояние, тётя Галя вырывает первую страницу, но саму тетрадь не убирает. Продавщице кажется теперь, что «Книга жалоб и предложений» придаст её магазину ещё больше статусности.

Когда ужин приготовлен и съеден, Петя переходит к делу. Прижав лист ватмана четырьмя книгами: «451 градус по Фаренгейту», «Над кукушкиным гнездом», «1984» и «Незнайка в Солнечном городе», парень берёт в руки кисточку и, намочив её в воде, аккуратно пишет придуманный ещё утром лозунг:

«Завод — смерть дятлу!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Отсидев в Острожской зоне семь лет, человек-комбинация Аркадий Кичман в шутку берёт себе эту фамилию, однако городок в поисках новой жизни не покидает. Напротив, долгие годы разглядывая зарешёченную степь, мужчина однажды решает, что весь этот край, весь до самого горизонта будет принадлежать только ему. Так и случается. Решив поэкспериментировать, бывший зэк засаживает гектары бесхозных полей хлопком, и, пока острогчане утверждают, что ничего путного из этого не выйдет (как-никак район рискованного земледелия), Кичман получает хлопок четвёртой категории, и дела его резко идут в гору. Собственно, дела идут до того хорошо, что Аркаша открывает завод по производству предметов гигиены и со временем приобретает едва ли не всю недвижимость Острога. Однажды, сам того не замечая, Кичман становится мэром провинциального городка, сперва серым, а со временем и вполне себе легитимным. Острогчане Кичмана любят, и теперь, когда на месте мёртвого леса он собирается возвести ещё один завод, все очень рады, и только Петя — нет.

Старые трухлявые деревья служат приютом многим птицам. Дятлы выдалбливают в них дупла, помогая обустроиться синицам, лазоревкам и сычам. Прекрасно понимая, что фабрика нанесёт природе непоправимый урон, Павлов собирает на заводе митинг и пытается объяснить рабочим, что начинать строительство на месте старого леса ни в коем случае нельзя. К собственному удивлению, Петя замечает вдруг, что судьба птиц никого не волнует.

— Слушай, Петь, ты чего? У нас тут люди десятилетиями с трудом выживают! Зэки, откинувшись, годами без работы сидят! Сам же знаешь, что таким, как ты вот, детдомовцам, совсем некуда работать идти. В кои-то веки за территорией зоны появляются новые рабочие места, а ты предлагаешь о мёртвом лесе подумать?!

— Неужели вы забыли, что здесь заканчивается линия гнездования трёхпалого дятла?!

— Кого?

— Трёхпалого дятла! Это же очень редкий вид!

— Это ты у нас, Петя, редкий вид! Иди-ка ты лучше работай!

Прознав, что утром в субботу Кичман приедет осматривать сухостой, Петя с вечера рисует плакат и, едва рассветает, устраивает на месте предполагаемой застройки то, что в столице принято называть одиночным пикетом.

Заметив парня, мэр ничего не говорит. Бывший зэк Кичман не любит тратить время на лишние слова. Аркаша предпочитает действовать, а не говорить. Человек поступка, в начале разговора он никогда не здоровается, а в конце не прощается. Градоначальник изъясняется пре-

имущественно глаголами и обыкновенно повелительного наклонения. Слова из него либо выпадают (если собеседник Кичмана не интересуется), либо лупят хлестко, словно плетью. Людей Аркаша делит всего на две категории: полезные и нет.

— Покажи! — приказывает мэра.

Взяв в руки лист ватмана, Кичман тотчас разжимает пальцы, и бумага падает на снег. Петино творчество градоначальнику неинтересно. Сухостой давно принадлежит ему, архитекторы уже закончили проект, и в эти самые минуты прорабы рассаживают рабов-строителей по автобусам. Маркиз Карабас уходит осматривать собственные земли и на прощанье бросает парню всего одно слово:

— Свали!

Проводив мэра и его помощников взглядом, Петя понимает вдруг, что блицкрига не будет. Кичмана просто так не одолеть. Разглядывая внушительную группу советников, Петя осознаёт, что стройку удастся заморозить только в том случае, если весь Острог восстанет.

Подняв с земли плакат, Петя отправляется в экспедицию по соседям. Ускоряя шаг в сторону «Москвича», он понимает, что буксовать ни в коем случае нельзя.

«Как же хорошо, что сегодня суббота, — думает он, — как это славно, потому что прямо сейчас я смогу со многими поговорить!»

— Алло, Михаил? Здравствуйте! Да, да, это Петька, да, Павлов! Да! Не отвлекаю? Михаил, послушайте, вы ведь уже слышали, что мэра собирается построить завод? Слышали, да? Ну так вот, я звоню вам сказать, что

делать этого ни в коем случае нельзя! Что? Плохо слышно меня? Что? Почему нельзя? Да потому! Потому, Михаил! Вы поймите, в природе каждый элемент, и жизнь, и смерть имеют значение! Алло! Алло, вы пропадаете! Меня слышно? Я говорю, что каждый элемент, и жизнь, и смерть имеют значение! Нельзя лишать лес возможности умереть так, как ему должно, слышите?! Лес должен засохнуть, начать трухлявиться и стать едой разным насекомым. Что? Чего так плохо слышно? Да я тут на дороге стою, в чистом поле, от сухостоя еду! Михаил, я говорю вам, что лес должен распасться и раствориться, понимаете? Мы не имеем права вмешиваться в природный цикл, иначе быть несчастьем! Замкнутость, самодостаточность и самовозобновляемость — вот что важно для леса! Михаил, вы поймите, смерть леса должна происходить естественно! Вы меня слышите? Естественно! Лучше срубить живое дерево! Что? Да-да, я не путаю, живое! Да, именно живое! Живое дерево и плотнее, и сочнее, а значит, много насекомых в нём жить не может. Мёртвое же дерево богаче на жизнь! Понимаете? Вы сейчас услышали меня? Это очень важно, Михаил! Очень важно! Мёртвое дерево даёт нам такую жизнь, которую ни одно живое дерево нам никогда не даст! Алло! Алло! Что? Что вы говорите? Как нахер?..

Повернув ключ зажигания, Петя даёт старой машине поворчать и спустя несколько секунд трогается в сторону городка. Так начинается его противостояние Острогу. Один бывший детдомовец против нескольких тысяч жителей. Ради спасения леса всех их предстоит переубедить.

Уже следующим утром Павлов начинает не только ходить по домам, но и писать открытые письма. Несколько в областную газету, два в столицу. Петины тексты, конечно, никто не публикует и даже не читает, однако он и не думает сдаваться. Выбрав несколько заброшенных бетонных стен, большими чёрными буквами Петя повторяет собственную мысль: «Завод — смерть дятлу!». Когда надписи начинают бросаться в глаза (а в маленьком городке это не так уж и сложно), участковый вспоминает, что собирався поговорить с городским сумасшедшим.

— Слушай, Петак, вот для чего ты всю эту бучу поднимаешь, а? Уже который день весь город кипятить! Ты же вроде умный парень, всё должен хорошо понимать. Ну что же ты Аркаше палки в колёса вставляешь, а?

— Завод строить нельзя!

— Вот ты странный! Весь такой правильный, борешься за спасение природы, а сам-то ватные палочки производишь! Разве ты не знаешь, как они засоряют мировые океаны?

— Конечно, знаю! Я тоже об этом думаю! Каждый день, когда сажусь к конвейеру, сомневаюсь! Я вам обещаю, что как только найду новую работу — сразу уйду с завода!

— Тьфу ты, Петька, да что же с тобой не так, а? Что же ты такой категоричный?! Я же шучу! Не нужно никуда уходить! Да тебя, дурака, и не возьмёт-то больше никто, кроме Аркаши! Ты бы вот лучше Кичмана взял да поблагодарил! Он-то тебе на хлеб даёт! Да и неплохо даёт! Вот ты высказался, вышел со своим плакатом, и я уверен, что Кичман тебя услышал. Он ведь очень продвинутый человек, долго сидел, много о чём думал. У меня

вот нет никаких сомнений, что фабрика будет построена с соблюдением всех экологических норм. Ну что тебе ещё нужно, а?

— Говорю же вам, дело не в нормах, дело в том, что построить завод нельзя!

— Ты просто бесишься, потому что он нравится людям, а ты нет. Признайся, Петь, тебя просто раздражает, что какой-то бывший зэк может делать людям добро? Ну признайся! Ревнуешь? Ревнуешь же, да? Так а не надо ревновать, Петь! Не надо! И не нужно на Кичмана смотреть свысока. Да, он зэк, да, он за забором кучу лет провёл, но он своё отсидел! Кичман нам всем помогает! Пока ты тут птичек спасаешь, он тёплые толчки в городе делает! Ты понимаешь, что я половину жизни, может, срать на улицу ходил! Да я, может, только в сорок лет благодаря Аркаше себя впервые человеком-то по-настоящему и почувствовал!

— Как вам мало нужно, чтобы почувствовать себя человеком...

— Может, и мало, Петя, только я знаю, каких это ему усилий стоило!

— Поймите, что если начнётся строительство, будет большая беда!

— Это какая же?

— Птица уйдёт!

— Да и чёрт с ней, с этой птицей! — не выдержав упрямства Павлова, кричит участковый и ударяет кулаком по столу. — Могут прямо сегодня все собраться и вальнуть отсюда! У меня вон птица в клетке есть — какая мне хрен разница до той, что в лесу?!

— Зря вы так... — пытается успокоить участкового Петя. — Вот вы знаете, например, что в тех регионах, где больше аистов, — выше рождаемость?

— Очень остроумно!

— А это правда! Учёные провели исследования, и оказалось, что в местах гнездования аистов средняя рождаемость выше, чем по всей стране.

— И в чём связь?

— А нет связи, но факт есть.

— Нет связи, а факт есть. Хочешь факты? Хочешь факты, Петя, да? А факты такие, что на тебя мы только бумагу тратим! Все уже устали от тебя. Ты у нас прямо человек-анекдот. Ходишь всем тут кишки наматываешь на барабан. А факт, Петя, факт, Петя, в том, что даже сейчас, когда ты тут сидишь и жалуешься мне на Кичмана, он всех наших детдомовцев собирает и отправляет на море.

— На какое ещё море?

— На настоящее! Пока ты убеждаешь людей бастовать, Аркаша решил сделать доброе дело и вывезти всех ребят в Грецию!

— Вы серьёзно?!

— Да!

— Но ведь делать этого ни в коем случае нельзя!

— О как! И этого делать нельзя! Я почему-то не удивлён, Петя. Тебе самому-то не смешно, а? Этого делать нельзя, и вот этого делать нельзя! Завод строить нельзя, отправлять ребят на море нельзя...

— Да конечно нельзя!

— А можно мне у тебя, умнички, поинтересоваться — почему?

— Неужели и сами вы не понимаете?

— Нет, представь себе!

— Вот взять, например, лопатня...

— Да какого к херу лопатня?!

— Ну лопатня, птица такая редкая, на Чукотке живёт...

— И?

— И он в России очень плохо размножается! Одно время птица была на грани вымирания, и тогда орнитологи решили перевезти её в Англию, в более, так сказать, благоприятные условия. Учёным подумалось, что там, в туманном Альбионе, лопатню будет комфортнее, но ничего из этого не получилось! Мёртвые яйца, понимаете?!

— Господи, Петя, что ты несёшь?! Какое размножение?! Какие лопатни?! При чём тут это?! Так, всё, нужно и меру знать! Ты, конечно, парень хороший, но иногда мне кажется, что не дружишь с головой. Я тебя долго терпел, да что уж говорить, все мы тебя здесь долго терпели, но пора и честь знать. Ты сейчас пойдёшь домой и будешь там тихо думать над своим поведением, понял?!

— Но я хотел вам объяснить, что...

— Пошёл, сука, домой, я сказал!

И Петя забирает шапку и выходит. Полученная информация Павлова ошарашивает. Замерев посреди улицы, Петя пытается переварить услышанное: «Путешествие... к морю... беда...»

Петю поражает не только сама новость, но и глухота участкового. «Неужели не понимает он, что ни к чему хорошему это не приведёт? Как можно было пропустить мимо ушей мой пример с лопатнем?»

Шмыгнув носом, Петя прикусывает губу. Времени, как он теперь понимает, совсем мало. Похоже, борьбу за спасение леса следует на некоторое время отложить.

«Если уж Кичман взялся за ребят, значит, на море их отправят в ближайшее время... Действовать нужно быстро, уверенно и, вполне возможно, радикально...»

Так Петя и поступает. Несмотря на воспитательную беседу, Павлов не только не останавливается, но даже идёт в контратаку. Петя не сомневается, что поездка к морю непременно обернётся несчастьем, а потому отправляется напрямик к директрисе детского дома, воспитанником которого и сам когда-то был.

— Людмила Антоновна, вы должны отказаться от поездки на море!

— Добровольно отказаться от бесплатного отдыха? Петь, ты сдурел?!

Осознав, что на взрослых не повлиять, Павлов предпринимает несколько попыток переубедить детей. Уводя воспитанников детского дома к сухостюю одного за другим, Петя просит ребят быть мудрыми:

— Что это у тебя за игра, Ринь?

— Angry birds называется... Смотри, дядь Петь, тут нужно запускать птиц, чтобы уничтожить свиней...

— И это интересно?

— Ещё как!

— Ясно. Слушай, я хотел с тобой поговорить...

— О чём, дядь Петь?

— О поездке в Грецию...

— А, так ты уже знаешь, да?

- Знаю...
- Правда, здорово?!
- Да оторвись ты уже от игры, Ринь!
- Эй, дядь Петь, ты чего её вырываешь?!
- Да ничего! Просто пялишься в экран, света белого не видишь!
- Ладно-ладно, психовать-то зачем?
- Незачем, ты прав. И в Грецию тебе лететь незачем!
- В смысле?
- В прямом! Не нужно тебе туда, вот и всё!
- Но все ведь едут...
- Все едут, а ты откажись! Будь первым! Ты откажешься, может, и другие твоему примеру последуют и будут молодцы!
- Это ещё почему? Даже птицы вон улетают на юга.
- Птицы улетают, потому что могут делать это каждый год...
- В смысле?
- В прямом!

Получается ещё хуже, чем со взрослыми. Дети не слушают. Петя вновь и вновь не находит нужных слов. Нет человека более глухого, чем человек счастливый. Человек, переживающий эйфорию, пьян и тугоух, человек такой, как, впрочем, и человек несчастный, не способен слышать ровным счётом ничего. Осознав это, Петя решает, что последний его шанс — Кичман.

«Я не знаю, не знаю наверняка, для чего ему нужен этот широкий жест, я не знаю, что в его голове, но я понимаю одно — лететь в нашей ситуации ни в коем случае нельзя!»

Последнее издыхание надежды. Петя так волнуется, что готов даже пойти на компромисс.

«Ладно, — думает он, — если они так хотят, пусть строят свой завод, но только ребята, только ребята пусть никуда не летят!»

Несколько дней Петя ищет встречи с Кичманом, но свидания, к сожалению, так и не случается. Более того, прознав, что Павлов пробирается в детский дом и разговаривает с воспитанниками, директриса свирепеет и просит своего знакомого, Михаила, вразумить паренька. Мужчина на просьбу откликается, и когда поздно вечером Петя возвращается домой, кто-то бросается на него из темноты и дважды бьёт камнем по лицу, выбивая передние зубы.

Кружится голова, Петя падает замерзая лицом в снег и, прежде чем потерять сознание, успевает подумать только, что «все они очень об этом пожалеют»...

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

В незапланированную командировку Козлов отправляется не один. Балластом выдают новенького, младшего лейтенанта юстиции. Не проработав в Следственном комитете и дня, этот коротко стриженный паренёк уже выглядит среднестатистическим сотрудником ведомства: на нём клетчатые брюки, приталенная рубашка и обязательная в таких случаях тонкая барсетка в руках.

Юношу прикрепляет начальник. Старший по званию вызывает к себе Александра и, изложив суть дела, добавляет, что есть типок, которому нужно помочь впервые возбудиться.

— Будет сделано... — зачем-то отвечает Козлов.

Лететь в Острог Александр не хочет. Во-первых, из-за срочной командировки приходится передавать дела, во-вторых, Козлов не испытывает ни малейшего восторга от перспективы подтирать задницы тамошним оперативникам. К тому же в Остроге он уже бывал. Вспоминая герметичный городок, Александр может с уверенностью сказать, что ничего хоть сколько-нибудь примечательного в этом забытом богом месте нет. Несколько лет назад,

в составе большой группы следователей, Козлов закрывал местного мэра, и приятных воспоминаний это, безусловно, не вызывает. Хотя градоначальника брали по делу (человек, по сути, подчинил себе весь город), Александр прекрасно понимает, что отмашка убрать неудобного мэра случилась только потому, что Москве не нравился бывший зэк. В довершение ко всему Козлов болеет. Вот уже несколько недель он мучается осложнением после ангины. Путешествие в таком состоянии большой радости не сулит. Как результат, Александр чертыхается про себя, но в то же время понимает, что отправлен в командировку не просто так.

— Сан Саныч, — уже в дверях добавляет начальник, — ты и сам прекрасно знаешь, что о тебе в последнее время говорят, так что давай там, покажи им всем!

Ветеран чеченской войны, Одиссей 2.0, в Следственном комитете Козлов на хорошем счету. Нос не задирает, палки в колёса коллегам не вставляет. Правила сложной игры хорошо понимает и, если выпадает щекотливое поручение, лишних вопросов не задаёт. Козлов пунктуален, исполнительен и к тому же энциклопедически подкован. Всякому редкому преступлению он может отыскать брата-близнеца.

«Такое уже однажды случилось, — обыкновенно безэмоционально вспоминает он, — но только не у нас, а в Греции».

Насмотревшись ужасов войны, Александр долгое время занимается исключительно финансовыми преступлениями, однако как раз после возвращения из Остро-

га вдруг просит о переводе в убойный отдел. Ему с ходу удаётся раскрыть несколько многолетних висяков, но со временем Козлов начинает буксовать. День за днём Александр копит ошибки, и пока сослуживцы строят догадки относительно перемен, произошедших с талантливым следователем, сам он прекрасно понимает, что причиной всему стала его развалившаяся в один миг семья.

После возвращения из Острога жена (судья по гражданским делам) вдруг приглашает Александра в кухню и сообщает, что больше его не любит.

— Это случается не вдруг! Я всегда говорила ему, что у меня не осталось никаких чувств, — он просто не хотел этого слышать!

(Приобщено к делу)

Кроме этого, супруга считает нужным добавить, что полюбила адвоката с чрезвычайно богатой и нежной душой. Опытному следователю вменяются чёрствость, отсутствие эмпатии и профессиональная деформация.

— Дана, милая, мы можем это как-то поправить? — совершенно ошарашенный, спрашивает Александр.

— Поздно, — констатирует судья.

Неожиданное заявление супруги Александра обескураживает. Впервые в жизни, к большому удивлению жены, ветеран чеченской войны плачет. Вечером того же дня Козлов собирает вещи и переезжает в маленькую квартиру далеко за Третьим кольцом. Окна спальни упираются в стену рядом стоящей многоэтажки, и Александру кажется, что у него появилась своя собственная тюрьма. За две

недели следователь теряет пятнадцать килограммов веса, и когда становится очевидно, что нужно бежать, он собирает волю в кулак и, отправившись к начальству, просит о переводе в убойный отдел. Козлов надеется, что новая работа поможет ему пережить семейную драму, однако со временем понимает, что обмануть самого себя так и не удалось. Даже теперь, спустя несколько лет, гуляя по аэропорту в ожидании рейса в Острог, Александр чувствует глухую боль. Печаль хотя и даёт следователю некоторую фору, очень быстро догоняет его, чтобы впредь не отпустить уже никогда.

Когда аттракцион взлетающих самолётов повторяется в десятый раз, следователь теряет к нему всякий интерес и решает зайти в книжный магазин. Сделав всего несколько шагов, Козлов останавливается посреди зала и смотрит на корзину, в которой, словно на ринге, сражаются десятки обложек. Всё здесь теперь вперемешку: рядом с «Госпожой Бовари» и «Анной Карениной» лежат два «Гранатовых браслета», а несколько томов Сэлинджера служат фундаментом «Циникам» Мариенгофа и «Ромео и Джульетте» Шекспира.

«И что их всех только объединяет?» — думает Александр.

Взяв в руки «Мифы Древней Греции», следователь тотчас поражается заоблачной цене.

«Вероятно, — рассуждает он, — страх предстоящей авиакатастрофы притупляет в людях жадность, иначе чем ещё можно объяснить тот факт, что путешественники готовы платить полторы тысячи рублей за книгу, которая в городе стоит в пять раз дешевле?»

Положив обратно богов, Александр решает, что платить столько денег за книгу — безумие, а потому приобретает лишь литературный номер «Эсквайра».

«Несколько коротких рассказов в дорогу — то, что нужно», — думает он.

Оплатив журнал, уже на выходе из крохотного магазинчика Козлов замечает театральную кассу и немало удивляется.

«Этот маленький ларёк, — изумляется следовательно, — до того здесь неуместен, что к нему сразу хочется подойти».

Александр так и делает. Пробежав глазами братскую могилу крохотных афиш, к собственному удивлению, он наклоняется к арке окошка и просит:

— На Полозкову, пожалуйста, два самых лучших билета.

— Хороший выбор! — кукушкой показывается женщина. — Все её очень хвалят! Говорят, что молодая, но уже очень известная поэтесса!

— Да мне, честно говоря, плевать — её жена просто любит...

Расплатившись, Александр забирает вложенные в конверт билеты и решает, что по возвращении из командировки во что бы то ни стало вытащит бывшую супругу на концерт. Козлов почему-то верит, что возможность попасть на этот вечер чрезвычайно обрадует Дану.

Аккуратно положив билеты во внутренний карман пуховика, Александр ищет глазами нужный гейт и только в этот момент замечает новоиспечённого коллегу.

— Лейтенант юстиции Фортов для выполнения задания прибыл! — с самодовольной улыбкой чеканит загорелый паренёк.

«Школьник», — думает Козлов и пожимает протянутую руку.

— Ну что, полетим экономом? Я ещё так никогда не летал! — гордясь собственным заявлением, громко, чтобы услышали все собравшиеся у гейта пассажиры, произносит лейтенант.

«Одноклеточное», — решает Козлов, но ничего не отвечает.

Уже в самолёте, пристегнувшись, Александр кладёт литературный журнал на откидной столик, но за чтение не берётся. Следователь вспоминает, что хотел найти в интернете программу, которая и стала причиной его тягостной командировки. Вытащив из кармана телефон, Александр протирает ладонью экран и нажимает на треугольник. Подождав, пока закончится реклама... и ещё одна... и ещё... Козлов наконец начинает просмотр:

«Сегодня с самого утра в Москве идёт дождь. Вместе с нами оплакивая детей Острога, столичное небо не сдерживает слёз...» — уже после этих первых, преисполненных дешёвого пафоса слов Александру хочется свернуть ролик, однако он понимает, что гиперболизированная вульгарность приковывает женщин 55+ к телеэкранам. Несколько секунд ещё звучат дежурные сахарные фразы, и только после этого знаменитый ведущий переходит к сути дела. В короткой подводке роскошный мужчина объясняет телезрителям, что за последние три недели в Острожском детском доме трое подростков покончили жизнь самоубийством. Девочка и два мальчика. Один за

другим с разницей в несколько дней ребята свели счёты с жизнью, не оставив предсмертных записок. Пока стюардесса рассказывает пассажирам, как следует вести себя в случае разгерметизации салона, Козлов слушает то, что знает и так: подростки выбирают смерть, но никто пока не понимает почему.

Самолёт вырывается на взлётную полосу, и известный телеведущий продолжает объяснять опоздавшим телезрителям, что оценки у самоубийц были хорошие и никакой травли со стороны сверстников или воспитателей (кажется) не было. Странно. Страшно. Непонятно. Встык с монологом ведущего идёт наскоро состряпанный сюжет: зрителям по всей стране показывают коридоры детского дома, пустую столовую и соломенные поделки. Операторы поднимают убогую спортивную площадку и пирамидами стоящие подушки. В завершение короткого ролика голос за кадром уверяет телезрителей, что разобраться в случившемся помогут собравшиеся в студии гости: женщина — депутат Государственной думы (аплодисменты), популярная певица (аплодисменты), психолог (жидкие аплодисменты) и известный метеоролог. Первым вступает именно он: пожилой мужчина объясняет собравшимся, что не стоит недооценивать силу природы, ибо весеннее солнце, например, нередко становится причиной самоубийств.

Время от времени камера выхватывает зрителей в студии: все они внимательно слушают метеоролога и одобрительно кивают. Кое-кто против воли главного режиссёра даже позволяет себе бить в ладоши, однако таких выскочек тотчас осаживают. Вслед за известным метеорологом

выступает никому не известная депутат. Женщина советует отбросить в сторону глупости и заявляет: «То, что наши следователи до сих пор не нашли никаких подстрекателей и вербовщиков, что вот уже месяц не названы имена виновных, говорит нам только о том, что работают профессионалы! Я много бываю в глубинке, часто посещаю детские дома и хорошо знаю, что никаких поводов к суициду у наших подозреваемых нет! Наши дети живут в прекрасных условиях! Более того, я вам скажу, что многие сельские ребята о такой жизни могли бы только мечтать! У наших детдомовцев есть всё — красивая одежда, вкусная еда, уютные комнаты. К ним приезжают известные футболисты и актёры, им постоянно дарят подарки! Я лично видела, как один боксёр подарил нашим детям шестьдесят новых смартфонов! Шестьдесят! О чём ещё могут мечтать эти подростки?! В общем, у меня нет никаких сомнений, что за всем происходящим стоят провокаторы!»

«Но зачем им это?» — заглядывая в сценарий, спрашивает ведущий.

«А я вам объясню!» — подыгрывает депутат, но Александр её ответ не слушает. Промотав несколько минут, следователь останавливается в том месте, где начинает говорить известная певица.

— Я бы ей вдул! — заглянув в телефон следователя, вдруг сообщает лейтенант юстиции.

Никак не отреагировав на эту вольность, одним прикосновением Александр даёт исполнительнице вновь заговорить, и пышногрудая девушка тотчас сообщает, что ей часто приходится выступать в провинциальных детских домах. Певица настаивает, что отечественные дети

(она так и говорит) живут лучше всех на Земле. Пользуясь случаем, исполнительница благодарит президента за всё, что он делает для молодого поколения, и предлагает исполнить свою последнюю песню об отдыхе на море. Бабушки в студии радуются. Через мгновение буквально в кадре переключается свет, девушка выходит на импровизированную сцену и начинает петь:

Море, море, ты такое море — одно счастье и никакого горя!

Самолёт разгоняется, и, положив телефон в карман впереди стоящего кресла, Александр тяжело выдыхает, потому что прекрасно понимает, что его ждёт.

Море волнуется раз!

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Как и несколько лет назад, в аэропорту следователей встречает Михаил. Александр хорошо помнит этого добродушного человека. В знак укрепившейся после последнего визита дружбы коллег-москвичей предлагают подвезти не на служебном, но на личном автомобиле. Чтобы пройти к нему, Козлову и Фортову приходится прорваться через оцепление местных бомбил: как Хароны, с протянутыми руками, с брелоками между пальцев, таксисты перетаптываются с ноги на ногу и все как один монотонно мычат: «Другой берег, берём машинку, другой берег...»

Заметив табличку «Туалет», Александр просит дать ему минуту. Зайдя в кабинку, следователь расстёгивает ширинку, но не мочится. Закрыв глаза, Александр сжимает член и думает о жене. Козлов искренне полагает, что если по-настоящему любит Дану, то, даже мастурбируя, обязан представлять исключительно её. В туалет входят школьники, солдаты, но, не обращая на них внимания, левой ру-

кой придерживая щеколду, следователь старается сделать всё быстро и по возможности тихо.

— Ну, как сыграли? — дождавшись Козлова, спрашивает Михаил. Этот вопрос удивляет Фортова, а Александра — нет. Вспомнив эту странную манеру местного следователя изъясняться, Козлов спокойно отвечает:

— Да нормально, Миш, без происшествий.

Михаилу сорок. Некогда надзиратель Острожской тюрьмы, он давно потерял всякий интерес к чему бы то ни было и за годы обнуления ценностей вывел для себя одну-единственную идеальную формулу вопроса: болельщик со стажем, который давно не смотрит матчи любимой команды, всякий раз он интересуется только одним: «Как сыграли?»

«В России прошли парламентские выборы», «вчера были у Петровых»...

— А сыграли-то как?

Свадьбы, похороны, поступления детей в университет, прививки, совещания или выходные дни — о чём бы ни шла речь, ко всему Михаил относится как к игре, и ни к чему всерьёз.

В крохотной «Клио» высокому Александру неудобно. После самолёта болят колени и затекла шея. Пока машина не тронулась, Козлов закапывает глаза. Александр шмыгает носом, и Фортов мажет руки кремом. Лейтенант юстиции немного нервничает, но по всему видно, что он ожидает большое приключение. Фор-

тов волнуется и думает, что попал в интересное место, а Козлов — нет.

По долгу службы Александру нередко приходится бывать в городках, разросшихся вокруг тюрем. Удушающие бесконечностью своих пустырей, неотличимые друг от друга, места эти, как правило, напоминают карцеры без стен. Реальность прописывают без анестезии, ибо всем здесь очевидно, что от повседневности не спастись.

Переведя взгляд на приборную панель, Козлов замечает наклейку, которую видел ещё в прошлый раз, — чуть правее руля красуется герб футбольного клуба «Манчестер Юнайтед».

«У всех теперь свои боги», — думает Александр.

Машина наконец трогается, Михаил делает радио громче, и юным голосом Андрей Макарович поёт:

Полпути позади, и немного осталось.
И себя обмануть будет легче всего.
От ненужных побед остаётся усталость,
Если завтрашний день не сулит ничего...

В городок въезжают после обеда. На одном из перекрёстков Александр замечает ссорящихся в свете фонаря сиамских близняшек. Этих девушек Козлов хорошо помнит, Вера и Любовь — единственная и настоящая достопримечательность Острога.

— Не забыли их, Александр Александрович?

— Разве ж такое забудешь, Миш...

— Вот с тех пор, как вы уехали, рассорились девки вдрызг!

— Почему?

— После присоединения Крыма никак не могут найти общий язык. Одна теперь за Россию, вторая за хохлов. Гавкают каждый день. Любовь ходит с расцарапанным лицом, а Вера с разбитой губой. Мы все думали, что они помирятся, всё-таки как-никак одно целое, но вот третьего дня Люба притащила заявление — хочет отделиться от сестры...

— Долбанутые, — стряхивая пыль с брюк, с улыбкой вставляет Фортов.

— Да это как посмотреть... — почёсывая руку, с мудростью провинциала отвечает Михаил.

Так завязывается разговор. Хотя всем в машине очевидно, что главная новость теперь одна, местный следователь намеренно говорит о других вещах, оставляя череду подростковых суицидов на периферии беседы:

— А помните, Александр Александрович, у нас там на окраине, возле бензоколонки, храм старообрядческий был...

— Что-то такое припоминаю, да...

— Ну такой, с синей крышей, дальнобойщики ещё вечно возле него парковались...

— Кажется, да, Миш, припоминаю...

— Так вот эта старообрядческая церковь третьего дня проиграла суд церкви православной, и теперь приставы

должны забрать из храма частицы мощей святого Афиногена, чтобы передать их в часовенку на территории нашей Острожской тюрьмы, представляете?

— А Кичмана, кстати, туда уже перевели?

— Да! Давно уже этапировали из Москвы. Как и полагается, вашими стараньями присел поближе к дому. Всё-таки грамотно вы тогда всех нас переиграли, Александр Александрович, ой как грамотно! — Михаил лукаво улыбается и смотрит в зеркало заднего вида. Козлов фиксирует эту улыбку и понимает, что здесь его по-прежнему помнят и, судя по всему, обиду всё ещё таят.

— А ещё вот знаете, у нас тут на площади Свободы много лет назад была зарыта капсула времени...

— Нет, Миш, не знаю...

— Ещё в советские времена ссыльные и работники тюрьмы зарыли послание к будущим поколениям, и вот на следующей неделе, аккуратно на День города, новый мэр её будет вскрывать. Узнаем, что там нам деды завещали...

Казалось бы, хорошая тема для разговора, но Козлов не отвечает. Посмотрев в окно, столичный следователь думает теперь, что больше всего на свете желает поскорее вернуться домой. Слушать провинциальные анекдоты охоты нет. Более того, проведя в машине всего полчаса, Александр чувствует теперь, как возвращается всё то тревожное и неприятное, что он уже испытывал здесь несколько лет назад. Пространство, лишённое энергии.

Когда подъезжают к общежитию МВД, Михаил вдруг резко бьёт по тормозам и матерится:

— Сука! Сука! Сука!

— Ты чего, Миш?! — двумя руками ухватившись за переднее кресло, спрашивает Козлов.

— Да вот, только что прислали — четвёртая...

Море волнуется два!

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

На месте очередного самоубийства (самоубийства ли?) оказываются спустя десять минут. Подойдя к лежащему у стены труп, Александр узнаёт от коллег, что мотива, кажется, вновь нет. Записки тоже. Осматривая девочку, Козлов думает теперь, что она выглядит участницей известной детской игры, когда, замерев, вам нужно показать животное или птицу. Шея воспитанницы тонкая и длинная, как у лебедя. Глаза всё ещё открыты, и кажется теперь, что, прижавшись щекой к земле, девочка прислушивается к шагам незнакомцев. На её лице застыло удивление. Вероятно, успела только поразиться тому, как быстро закончилась её жизнь.

Пока Козлов осматривает труп, стоящего рядом Фортова вырывает. Оперативники улыбаются, а новоиспечённый сотрудник Следственного комитета прижимает к губам дорогой шёлковый платок.

— Товарищи, столичную блевотину на экспертизу берём? — шутит кто-то из местных.

— Работай давай! — спокойно отвечает Козлов.

Следователь, оперуполномоченный и судебно-медицинский эксперт. Криминалист и кинолог с собакой. Участковый опрашивает возможных свидетелей и в протоколе фиксирует время суток и погодные условия. Местный следователь подтверждает, что осмотр проводится при искусственном освещении, и, привязываясь к зданию, локализует участок местности. Заканчивается шариковая ручка, и, взяв новую, мужчина начинает описывать положение трупа и одежду на нём. Всё это время эксперт-криминалист производит фото- и видеофиксацию места происшествия: съёмка панорамная и съёмка обзорная, съёмка узловая и съёмка детальная, съёмка масштабная. Старательно ищут улики, ищут всё, что только можно найти. Исследуя двор, кинолог с собакой делают зачистку местности, и судебный эксперт устанавливает приблизительное время смерти.

Разбирая небогатые архивы собственной памяти, Фортвов вспоминает, что теперь следователь должен внести собранные данные в протокол, а после этого с девочки обязаны снять всю одежду. Юный лейтенант юстиции помнит, что вещи полагается аккуратно упаковать в коробки, поверх которых должны быть наклеены бирки, где указаны объект, адрес, дата и фамилия. Следователь, эксперт и двое понятых, вспоминает Фортвов, оставляют автографы на этих бирках, и только после этого труп воспитанницы детского дома можно уносить.

«Так и будет», — думает Лев и вслед за Козловым поднимается на последний этаж.

— А у тебя-то какая версия, Миш? — повернувшись к местному следователю, вдруг спрашивает Козлов.

— Самоубийство...

- Очень смешно! Я про причины...
- Нет причин...
- Четверо детей за месяц — и нет причин?
- Александр Александрович, вы спрашиваете — я отвечаю. Нет у них никакого повода...
- А какие мероприятия проведены?
- Вы предлагаете мне прямо здесь, на лестничной площадке, перед вами отчитаться?!

Козлов замолкает. Московский следователь понимает, что в очередной раз задета провинциальная гордость. Его прошлый визит здесь всё ещё помнят. Рассчитывать, что Михаил вызовется помогать, конечно, не стоит.

— Слушай, дружище, я благодарен тебе за проделанную работу. Нет, правда! Думаешь, у меня нет других дел, кроме как ехать к вам сюда? Ты же умный мужик, сам прекрасно понимаешь, что нас прислали сюда только потому, что народу нужно показать, что задействованы самые лучшие профессионалы...

— Скромно вы о себе, Александр Александрович...

Нет для русского человека вещи более оскорбительной, чем вежливое к нему обращение. Проглотив сарказм, Александр повторяет попытку:

— Миш, думаешь, я не понимаю, что вы и без меня прекрасно стрелочника найдёте и закроете директрису?!

— А не за что её закрывать, — с вызовом отвечает Михаил.

— Выходит, просто так у вас тут дети кончаются?

— Выходит, что просто так! Слушайте, вы же у нас мозги вся Руси — вот и разбирайтесь! Мы люди маленькие, глупые...

— Хорошо, давай мы сейчас все тут успокоимся, и ты просто расскажешь мне, что сделано...

— Да всё сделано! Всё!

— С детьми говорили?

— Да, конечно, говорили! Я лично! Со всеми до одного. И вот с этой, которая лежит, и с предыдущими. Мы даже заставили их написать сочинение «За что я люблю жизнь» — уже после второго случая начали выявлять потенциальных самоубийц, но вот видите, не получается у нас ничего...

— Педагоги?

— Мы их так прижали, что они, если нужно, и убийства Листьева и Немцова на себя возьмут, но по существу ничего...

— Ясно...

Козлов понимающе кивает и по-приятельски хлопает коллегу по плечу. Отойдя в сторону, Александр осматривает подоконник, и, заметив это, уязвлённый лейтенант юстиции вдруг решает вставить свои пять копеек:

— Что же вы окна-то не можете позакрывать?!

Михаил ничего не отвечает, только улыбается. Александр понимает, что вразумлять Фортова придётся самому.

— Во-первых, нет предписаний закрывать окна, во-вторых, к кому обращён твой вопрос? Кто это должен делать? Мы в детском доме, здесь нет маменькиных сынков.

— А сторож? А воспитатели? А нянечки на этаже?

— Первый подросток сбежал и повесился в лесу, — раздражённо отвечает Михаил, — второй бросился под поезд рядом с кладбищем, третья вены вскрыла на свалке. Как ты предлагаешь их всех удержать?

Вопрос в пустоту. На лестнице повисает тишина. Осознав, что говорить здесь больше особенно не о чем, Козлов берёт Фортова за рукав и выводит за собой. Спустившись вниз, Александр встаёт рядом с трупом и рассказывает молодому коллеге о мероприятиях, которые должны быть проведены. Козлов помнит их наизусть, а потому со стороны происходящее более напоминает лекцию в университете.

— Всё из себя выbleвал? Послушать готов?

— Готов...

— Смотри, первым делом мы должны понять, действительно ли она сама упала с того места, с которого предполагается падение. Важно точное положение трупа по отношению к стене. Изучая труп, нам необходимо проследить, имеются ли на нём и на одежде повреждения, которые могли образоваться от соприкосновения с различными предметами на трассе падения. Что такое «трасса падения», ты понимаешь?

— Кажется, нам рассказывали про что-то такое, да...

— «Про что-то такое рассказывали»... Ну вот видишь, как хорошо! Дальше... При осмотре окружающей труп обстановки мы подробно описываем место, откуда предполагается падение: высота от земли, наличие лесов, ограждений, прочность их крепления, присутствие на них легко отделяемых веществ, особенно таких, какие обнаружены на трупе, наличие незащищённых концов электрических проводов, которые могли способствовать потере сознания, твёрдых предметов, которыми могли быть нанесены удары по голове. Понимаешь, для чего мы это делаем?

— Думаю, да... — сдерживая вновь подступающую рвоту, тихо отвечает Лев.

— Дальше отмечается наличие выступающих предметов и легко отслаивающихся веществ на них. Выступающие на трассе падения предметы причиняют пострадавшему телесные повреждения, которые легко могут быть приняты за следы борьбы, а это важно. Для проверки причин образования повреждений на теле производят поиск частиц одежды, волос, крови, частиц мозга, следы свежих повреждений на этих выступающих на трассе падения предметах. Там, наверху, мы смотрели, не выбито ли окно, имеются ли отпечатки на подоконнике, стёклах, шпингалетах и других блестящих частях рамы; мы не просто языками чесали, но проследили, имеются ли на подоконнике следы ног, одежды; имеется ли подставка, чтобы влезть на подоконник, и имеется ли предсмертная записка, пишущий прибор; нет ли следов волочения, а также опрокинутых предметов и других следов возможной борьбы. Всё запомнил?

— Кажется, да...

— Ну вот и отлично! Вряд ли тебе это когда-нибудь пригодится, но так или иначе хорошо бы всё это знать. Ладно, поехали отсюда...

— Значит, на сегодня всё?

— Всё, Фортов, всё.

Покидая двор, Александр замечает, что эксперт-криминалист, используя ватные палочки, делает забор крови. Этот факт московского следователя немного удивляет — всё указывает на суицид и необходимости искать постороннюю ДНК нет.

«Этих ребят до того запугали, — думает Козлов, — что, желая изобразить активную деятельность и произвести на

нас впечатление, они всеми доступными способами перестраховываются».

Когда во второй раз подъезжают к общежитию, Козлов закуривает и будит задремавшего лейтенанта. Даже сейчас этот парень выглядит моделью глянцевого журнала. Верный последователь «Men's Health», апостол «GQ». Достав из багажника чехол с рубашками, сонный Фортов плетётся в сторону вахты. Проводив его взглядом, Козлов не выходит из машины, а дождавшись, когда лейтенант скроется в дверях общежития, спрашивает у Михаила:

— Миш, почему ты не уедешь отсюда?

— В каком смысле?

— Ну тебе же наверняка предлагали перебраться и в область, и куда-нибудь ещё?

— А зачем? — почёсывая ладонь, отвечает Михаил. — Мне и здесь нравится. Тут я могу быть настоящим, а не приговорным алкоголиком. Здесь не нужно ни во что играть. Живёшь себе и живёшь. Да и к чему мне бежать в эту вашу Москву? Я бывал у вас в столице, но вы там все несчастные, все боитесь остаться наедине с самими собой. Здесь, может, и тяжело, я бы даже сказал, наверное — совершенно невыносимо иногда, но потому только по-настоящему и возможно...

— Ясно. А где у вас тут караоке, Миш, напомни?

— Сейчас?

— Нет, Миш, послезавтра!

Как и в прошлый приезд, Михаил отвозит Козлова в «Бастилию». К удивлению Александра, людей здесь те-

перь до того много, что приходится снять вип-комнату. На деле ею оказывается столик за занавеской, однако Козлова это устраивает — петь на виду у налетевших в Острог журналистов он не хочет.

Когда песня выбрана и в колонках начинает звучать проигрыш композиции Кристины Орбакайте, Александр подносит к губам микрофон и вступает:

День ушёл искать рассвет,
И луны холодный свет
Растревожил пустотой
Сон мой.
И, взглянув на небеса,
Одинокая звезда
Вновь напоминает мне
О тебе.
Позови меня,
Среди ночи или дня,
Посреди грозы, если хочешь, позови.
Позови меня,
Я останусь до утра,
Будет ночь любви,
Только-только позови...

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

В камере холодно. Наплевав на охрану, проволоку и решётки, мороз проникает с улицы внутрь. Впрочем, серьёзного дискомфорта Петя не испытывает. Хорошая школа детства. Как и другие бывшие детдомовцы, Павлов давно не замечает перепадов температуры. Обжигающий минус, палящее солнце — всё одно.

С ранних лет во время положенной государством помывки пыталки сажают Петю в ржавую ванну и, не проверяя воды, уходят по делам. Годами мальчишка то парится, то стучит зубами — ни воспитателей, ни даже с определённого времени его самого это особенно не беспокоит. Так — значит так. С первых дней жизни Петя растёт в мире, где бутылочку с молоком протягивают всего один раз, и если ты по какой-то причине не успеваешь за неё ухватиться, завтрак, обед или ужин случается уже только при следующем обходе. В результате перестаёшь обращать внимание на такие мелочи, как дождь, снег, голод или холод.

Петя переворачивается с боку на бок и, поджав ноги, закрывает глаза. Мыслей много, однако среди прочего ему

почему-то вспоминается теперь тот далекий день, когда от него отказалась последняя семья.

«Так, а что писать-то?» — подняв голову, растерянно, но и с надеждой спросила заплаканная женщина.

«Пишите: “Заявление”...»

«Посередке?»

«Да, вот здесь...»

Победа! — этой возможности Петина мачеха добивалась последние полчаса.

Павлов вспоминает теперь, что в тот день в пять утра сели за стол. Завтрак получился особенным, самым что ни на есть прощальным. Мачеха испекла блины и выставила в вазочке остатки малинового варенья.

«Это ещё к чему?» — протирая глаза, спросил отчим.

«Не знаю, — сердито ответила женщина и тотчас добавила: — Майку надень — невозможно на тебя, жирдяя, смотреть!»

В комнате плакал младенец. Та, что последнее утро считалась матерью, сцедила молоко, подошла к бабушке и, взяв её за мочку, шёпотом перелила в ухо старухи планы на день. Пожилая женщина тяжело вздохнула, перекрестилась и, затолкнув в рот целый блин, осколками зубов принялась перемалывать услышанное.

Ехали без остановок. Три с лишним часа. Один раз та, что всё ещё считалась приёмной матерью, молча протянула термос с японским узором. Не вытаскивая рук из карманов, Петя отказался, но это никого не взволновало. Налив чай в алюминиевую кружку-крышку, приёмная мать передала её мужу, и тот с удовольствием выпил.

В покосившееся здание администрации вошли ровно в девять утра. На территорию бюрократии вступили в тишине и оказались первопроходцами — в коридорах всё ещё горел свет, а сонные тараканы только начинали лениво разбредаться по углам.

«Вот тебе и радость — никаких очередей», — воскликнул отчим.

Приказав Пете сесть, взволнованная женщина несколько раз постучала в дверь и, словно под гильотину, просунула голову в кабинет:

«Можно?»

Там разрешили.

Поздоровавшись, с порога принялись объяснять.

«Даже и не думайте!» — строго ответила чиновница.

«Но я так больше не могу!» — обречённо вскрикнула та, чей муж тотчас закрыл за ней дверь.

Полинявшие шапки положили на колени. Жарко было так, что хоть свитер снимай. На лицах выступили первые капли пота, и в паре глаз — одна на двоих — мелькнула общая молния страха.

«Так, а в чём, собственно, дело, мамаша?» — по привычке, чтобы придать значимости собственным словам, пряча взгляд в документах, спросила чиновница.

«Да во всём!» — поперёк жены ответил муж.

Начали разбираться. Чтобы ни в коем случае не проиграть — сразу на повышенных тонах. Петя сидел за дверью, однако всё слышал. Оказалось вдруг, что от него устали, что с ним тяжело и что даже в школе приёмных родителей никто не предупреждал, что будет так.

«Непросто?»

«Да!»

«А чем вы думали, когда ребёночка брали?»

«Головой!»

«А вы мне тут не хамите!»

«А мы и не хамим! Нам, между прочим, никто не оплатит бензин!»

«Так, давайте по существу! Вы на всех лекциях были?»

«Конечно, иначе как же мы диплом получили бы?!»

«Ладно, продолжайте, так что у вас там с ним не так?»

Ответили не сразу. Сперва перекинулись взглядами... Наверное... Во всяком случае, именно так теперь вспоминается Пете.

«Да всё не так! Всё! После рождения девочки, нашей, кровной, стало совсем невыносимо! Он же просто как робот!»

Мачеха начала рыдать. Чиновница цокнула, упёрлась двумя руками в край стола и, как кран на поршнях, приподнялась. Ещё раз сильно выдохнув, тучная женщина медленно подошла к шкафу с личными делами и спросила:

«Как, говорите, его фамилия?»

«Павлов, Петя Павлов...»

«Продолжайте!»

И женщина принялась объяснять. Старый мотив. Такое бывает. Нередко.

Долгие годы пытаются завести ребёнка, но что-то не срastaется. Перепробовав все препараты, отвары, заговоры и методики, отчаявшись уже, идут в детский дом. Когда удаётся усыновить мальчика, все вдруг расслабляются, и (о чудо!) бонусом появляется собственное дитя. Как поступать? Решают, что этого пацана надо бы возвращать.

«Почему?»

«Не полюбили».

«Просто вот так?»

«Ну да...»

«Только ведь есть же, наверное, причины? Наверное, тяжело с ним?»

«Очень!»

«Тогда давайте мы и вашего ребёночка заберём!»

«В смысле?!»

«В прямом! Если вы с приёмным не справляетесь, откуда же мы можем знать, что вам вашего кровного можно доверять?!»

Хороший приём. Этой контратаке чиновниц научили в Москве. Курсы повышения квалификации. В столице с родителями работалось проще, там сирот просто так не возвращали. Авось да небось, возьми да брось — нет, в златоглавой такие фокусы не прокатывали. Всякий раз, когда сюда привозили очередного забракованного пацана, чиновницы с завистью вспоминали о быте столичных коллег.

Повисла тишина. Сидящий за дверью Петя знал, что за такое чиновниц могут лишить премии. По отказникам велась статистика, и время от времени сотрудникам опеки напоминали, что главное, чтобы в этом году вернули не больше, чем в прошлом. Разглядывая закрытую дверь, Петя думал в тот день, что, вероятнее всего, за первые шесть месяцев у несчастных женщин уже перебор.

«Вы хоть представляете, что с ним сейчас происходит?» — бездарно изображая сочувствие, спросила чиновница.

«Взрослые люди, понимаем...»

«От мальчика уже однажды отказались, он всю жизнь прожил в детском доме, мечтал о семье, а теперь вы его обратно возвращаете?»

«Мы его не первые возвращаем! Мы уже третья семья! Слушайте, хватит на нас давить! У вас нет таких полномочий! Мы не справляемся, нам тяжело!»

«А кто говорил, что вам будет легко?!»

«Да он не человек даже! Всё время живёт по каким-то своим странным правилам! Приходит в магазин и требует, чтобы люди соблюдали очередь! Я с ним не могу дорогу перейти! Он согласен только на пешеходный переход, а где я его в деревне высу? Мы иногда километр идём, чтобы дорогу перейти. Он дурак настоящий, понимаете? Совершенно невозможно с ним!»

«А где, кстати, он?»

«Да там, в коридоре, наверное, за дверью сидит...»

«Выходит, уже привезли сюда?!»

«Привезли, конечно, а чего ждать? Мы твёрдо решили!»

«А я не буду от вас заявление принимать!»

«То есть как это не будете? Мы к вам три часа ехали!»

«Да хоть триста три!»

«Слушайте, я не шучу, если вы его не заберёте — я прямо сейчас здесь вот себя убью...»

Взрослые продолжали спорить, а Петя лежал на скамье. И тогда, в здании администрации, и теперь, в местном острожском СИЗО. Суд причастных к его судьбе.

«Сейчас побухтят немного — и разойдутся. Не я первый, не я последний. Вернуть ребёнка в детский дом — дело десяти минут».

«Ну красивый же пацан!» — вероятно, взглянув на фотографию мальчика, зачем-то соврала чиновница.

«Нет!» — спокойно прозвучало в ответ.

В этот момент улыбнулся даже Петя. Он прекрасно понимал, что это неправда. За долгие годы ему объяснили, что он урод. Так же думала и чиновница, но признаться в этом теперь не могла.

Перевернувшись обратно на левый бок, Петя вспоминает теперь, что всё то утро мачеха продолжала рыдать. Тот, кто всё ещё считался его отчимом, вероятнее всего смотрел в потолок.

Слушая, как взрослые ругаются, Петя молчал. Он больше не улыбался и не демонстрировал никаких других эмоций. Петя знал, что сильные чувства — прерогатива взрослых. Едва в детском доме на твоих глазах появлялись слёзы — прилетало наказание. Бывало, конечно, что хлюпали девочки, но и то лишь после краж или драк. Петя на всю жизнь запомнил, как однажды в День аиста (так называли дни открытых дверей для потенциальных родителей/спонсоров/зевак) воспитанников заставили петь. Петру было двенадцать или что-то около того, и, когда вместе с другими ребятами он фальшиво завывал народную песню, растроганные женщины в зале вдруг начали рыдать. Хором. Дети замолкли... Испугав-

шись, сироты подумали, что делают что-то не так, и прекратили петь. Ещё несколько секунд аккомпаниатор продолжала увлечённо месить клавиши старого фортепьяно, но никто из воспитанников больше не вступал. Заметив это, не человек, но бомбардировщик, учительница музыки пошла на второй круг, и лишь выскочившая из-за кулис директриса заставила подопечных детского дома вновь запеть.

Лежа в камере острожского СИЗО, Петя вспоминает, что бьют не только за слёзы, но даже за спрос. Уже в пять-шесть лет каждый живущий в детском доме ребёнок понимает, что лучше всегда молчать. Вот и теперь, когда полицейские привозят его сюда, он предпочитает ни о чём не спрашивать. Во-первых, здесь не так уж и страшно, во-вторых, Павлов прекрасно понимает, что единственную и настоящую опасность в его жизни представляют только врачи.

«Вы ему еду хоть собрали?»

«Нет, только вещи...»

«Ладно, пишите...»

«Так а что писать-то? Несовместимость характеров?» — спросила приёмная мать.

«Нет...»

«Трудности воспитания?»

«Нет, нужна такая причина, чтобы и нам по голове не надавали! Да и вы ведь, наверное, захотите ещё кого-нибудь усыновить?»

«Скорее всего, да», — осознав, что дело сделано, подключился отчим.

«Ну вот, а если хотите потом ещё раз попробовать — нужно сейчас всё сделать по уму! У вас никто, например, не болеет?»

«Чем?»

«Да хоть чем! Главное, чтобы чем-нибудь серьёзным! Онкологии в семье ни у кого нет?»

«Нет...»

«А может, кто-нибудь умирал недавно?»

«Да, отец мой умер полгода назад...»

«Вот и отлично! Пишите, что в связи с потерей близкого родственника ребёнка возвращаете...»

«Спасибо! Спасибо вам большое! Ну чего ты уселась, Тань, давай пиши!»

Пока там, в прошлом, взрослые продолжают оформлять отказ, Петя возвращается в острожскую камеру и закрывает глаза в надежде, что уже завтра ему всё-таки объяснят, за что он задержан.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Лебедя не спрятать в обувной коробке, дельфина не загнать под ковёр. Если первый суицид перепуганные воспитатели провинциального детского дома ещё пытаются скрыть даже от своих подопечных, то уже после второй смерти к сотрудникам государственного учреждения приходит понимание, что заваренную кем-то кашу собственными желудками не переварить. Будто борщевик, уверенно и быстро на север, на запад, на восток и на юг из городка ползут слухи. Кто-то звонит старому знакомому, кто-то пишет сразу всем самым лучшим и близким друзьям. Взрываются социальные сети: телефон, интернет, рынок. На бензоколонке, что стоит на выезде из Острога, простуженная проститутка делится историей с вновь прибывшими дальнобойщиками, и сказанье тотчас переходит из уст в уста. Даже вечно опаздывающие местные почтальоны стараются теперь обойти как можно больше домов, чтобы, вовремя вручив удивлённым получателям заветный конверт, с искоркой в глазах спросить:

— А вы уже слышали?

— Ну конечно да!

Каждый теперь от мала до велика с лёгкостью может рассказать, что жертвы четыре, что бедные дети кончают с со-

бой, не оставив предсмертной записки, и остановить это, кажется, не удастся уже никому. Вслед за острогчанами будоражащие подробности пересказывают жители соседних деревень. К волнующей эстафете подключаются всё новые и новые сёла и города, и ровно так, впрочем, как это обыкновенно и бывает, щупальца слухов добираются до Москвы.

В красивых и не очень нюс-румах, в больших и маленьких редакциях берутся за никому не известный до этого дня городок. Допив положенный утренний капучино на соевом молоке, старые корреспонденты и юные стажёры прыгают к компьютерам, чтобы, предварительно написав что-нибудь весёлое в открытый фейсбук, начать шерстить всю доступную информацию об Остроге. Тотчас выясняется, что дата основания городка такая-то, что никаких более-менее интересных фактов об этом поселении нет, а знаменитые или хоть сколько-нибудь известные люди не рождались и даже не сидели здесь никогда.

Вечно сонные операторы внимательно проверяют выданную технику, а медлительные выпускающие продюсеры, преодолевая вселенскую лень, приобретают самые дешёвые билеты коллегам. В восьмом павильоне начинается съёмка очередной программы о событиях в Остроге, и, когда загораются осветительные приборы, в каждом пятом телевизоре страны звучит знакомый всякой домохозяйке джингл. В кадре появляется известный телеведущий и томным голосом — само сострадание и сочувствие — преодолевая наигранное потрясение, говорит:

— Это Москва, прямой эфир, и мы вновь говорим про Острог... Вчера вечером, уже после того, как закончилась наша программа, по собственной воле из жизни ушёл чет-

вёртый подросток. Не переключайтесь, сразу после рекламы мы попытаемся понять, что происходит в этом заражённом бедой городке...

Между тем в самом Остроге с утра уничтожают санкционные продукты. Как в вестерне, распахиваются двери фуры, и грузчик, который к этому моменту уже забрался внутрь контейнера, обеими руками толкает деревянные ящики в пучину правосудия. Хрустят снег и щепки — санкционные гранаты падают на землю и колобками катятся во все стороны континента. Стоящие за оцеплением зеваки с изумлением и странным восторгом наблюдают, как человек внутри грузовой машины вытаскивает из её чрева всё новые и новые ящики и без сожаления, уверенно и безразлично-небрежно бросает их на землю.

Когда на снегу собирается приличная куча, кто-то из приставов, ни дать ни взять открывая спортивное соревнование, даёт отмашку, и в дело вступает старый бульдозер. Поворотом ключа включаются большие глаза фар, и урчащая, но неподвижная до этого момента машина-пароход пускает в небо чёрный дым. Резко дёрнувшись с места, бульдозер принимается давить гранаты, и по белой земле разливается красный сок.

Горными ручьями, рисующими бронхиальное дерево, бурлящие алые нити разрезают ещё неокрепший снег. Ржавые гусеницы продолжают мять зрелые плоды описанного Гомером растения, и судебные приставы тщательно и скрупулёзно фиксируют процесс уничтожения санкционного продукта на камеру. Кто не работает, тот не ест. Бульдозер дёргается взад-вперёд, и сбежавшие из детского дома вос-

питанники с нетерпением ждут того священного момента, когда вслед за взрослыми можно будет броситься на кучу перемешанных с бумагой, деревом и грязью плодов.

Но нужно потерпеть.

Приставам холодно. От мороза трескаются и багровеют руки. Замёрзшим слугам народа хочется поскорее покончить с гранатами и, забрав ящики, которые предварительно отставлены в сторону, поехать разбираться с мощами святого Афиногена. Впрочем, люди в форме прекрасно понимают, что спектакль должен быть доигран до конца. Бульдозер продолжает давить гранаты, и когда ни у кого не остаётся сомнений в решительности российского государства, полицейские снимают оцепление и, забрав свою часть причитавшегося, покидают свалку. Приставы трогаются вслед за машиной с синими маячками, и техника замирает. Со скрипом открыв проржавевшую дверцу, водитель дряхлого бульдозера идёт навстречу грузчику, выпрыгнувшему из фуры. Понимая свою привилегированность, мужчины важно шагают к месту, которое бульдозер старательно объезжал. Подняв с земли по ящику уцелевших плодов, работяги синхронно думают теперь, что лучше бы продать гранаты обратно в магазин, где они были изъяты.

А вот теперь можно!

Осознав, что никакой опасности в виде полицейских больше нет, вслед за водителем и грузчиком к куче бросаются дети и взрослые. Отталкивая друг друга, они собирают мятые гранаты в пластиковые пакеты, и по рукам течёт гранатовый сок. И каждый пришедший чувствует теперь, что жизнь, как ни крути, удивительная вещь.

Раздел «Русская литература»
Сочинение на тему: «За что я люблю жизнь»

Жизнь — удивительная вещь, которая дарит нам множество интересных возможностей. Уже то, что мы можем ходить, дышать, видеть и слышать, делает нас самыми счастливыми людьми на этой планете. Я благодарна своим родителям (хотя и не знаю их) за то, что появилась на этот свет, за то, что могу наслаждаться каждым новым днём. Я люблю жизнь за её яркость и неподдельность. Каждый день, просыпаясь, я вижу за окном нереальное количество разнообразных цветов: зима поражает своим изящным белым и очаровательным светло-голубым; весна дарит нам все оттенки зелёного; лето же раскрашивает окружающий мир во все возможные цвета радуги, а осень завораживает взгляд своими аристократическими красными и золотыми цветами. Разве это не чудо? Разве это не вдохновляет каждого из нас? Разве вы не влюбляетесь в красоту этого мира с каждым днём всё больше и больше? Лично я — да.

Я люблю жизнь за богатство эмоций и переживаний, которые она мне непрерывно дарит. Это же так прекрасно — любить, мечтать, переживать, верить, улыбаться и даже плакать! Ведь именно в такие моменты чувствуешь себя человеком, понимаешь, что имеешь возможность чувствовать, осмысливать всё и меняться.

Я люблю свою жизнь за то, что она подарила мне самых близких, самых родных, самых лучших людей! Моя се-

мья — это моя опора, поддержка, мои помощники и друзья. Я не знаю, что бы со мной было, если бы не они. Они делают каждое событие особым, помогают в любой, даже самой сложной и непонятной ситуации, дают полезные советы, которые всегда пригодятся, переживают все потери вместе со мной и утешают, когда наступает трудный период. Ещё у меня есть близкие друзья, без которых всё складывалось бы не так сказочно. Эти люди постоянно возле меня, и я за это им благодарна. Они не пускают в мою жизнь разочарование, не позволяют появляться плохому настроению даже на горизонте, именно они делают из простой обыденности яркие, незабываемые дни. Мои друзья — это мои личные защитники, врачи, учителя и тренеры, они мой особый клад.

Я люблю жизнь за возможности, которые передо мной открываются. Я способна самостоятельно выбрать путь, по которому буду идти до своей старости. Я могу выбрать цель, которая будет главным координатором всех моих важных и не очень движений. Я могу и хочу иметь собственное мнение по многим вопросам. Я могу позволить себе быть субъективной. Следовательно, я фактически могу самостоятельно направить свою жизнь в то русло, которое является для меня самым желанным, что не может не приносить удовольствие.

Дорогие школьники (!!!), скачав это сочинение в интернете, постарайтесь хотя бы немного изменить его. В последнее время участились случаи, когда педагоги проверяют скопированные вами работы на предмет плагиата. Удачи!

Кабинет, как и в прошлый раз, оказывается крохотным и убогим. Ни дать ни взять коробок. Впрочем, Козлов знает, что никакой особенной демонстрации в этом нет. Лучшее, что есть в этом городке. Читая приобщённые к делу сочинения, он прекрасно понимает, что местные следователи выделили им ровно то, что смогли. Наверняка потеснились и сами. Из мебели здесь только дистрофики-столы, гуляющие стулья и типовой двуглавый орёл.

Бросив взгляд на коллегу, Александр замечает, что командировка Льва уже утомила — пацанёнку хватило и суток. Объём материала, который предстоит прочесть, ужасает лейтенанта. На каждое самоубийство по два тома, в каждом томе по двести пятьдесят страниц. Лев чувствует себя обманутым. Не детектив, но плешивый библиотекарь, не герой, но моль. Фортов вдруг узнаёт, что ответы ищут не на натуре, но на неведомо когда успевших пожелать страницах. Подперев подбородок рукой, он с трудом продирается через абзацы местного фольклора и, как ребёнок, которого сдали в плохой летний лагерь, грустит.

В отличие от лейтенанта, Козлов читает внимательно. Опытный следователь знает, что порой одна незначитель-

ная деталь может всё перевернуть. Козлов тщательно изучает справки о беседах и рапорты об обходах, объяснения детей и работников детского дома. Затем он знакомится с поручениями о производстве отдельных оперативно-розыскных действий и отчётами по ним.

— Слушайте, — не выдержав скуки, вдруг подаёт голос Фортов, — Александр Александрович, а что если они просто так, от жизни такой это сделали?

— В каком смысле?

— Ну жить-то тут совершенно невозможно! Здесь же некуда пойти! Не городок, а тупик. Везде конец! Я в детстве был в зеркальном лабиринте на Крите, у меня здесь такие же ощущения! Куда ни посмотри — упираешься в зеркало, в котором ты сам.

— А раньше почему не кончали?

— М-м-м...

— А в других городах?

— Ну... потому что...

— Тебе кажется, что большинство сограждан живёт как-то принципиально иначе? Детский дом тот же, педагоги те же. Стены, люди, школа — в этих краях пейзаж не меняется веками, так что же они, Фортов, раньше не повесились все разом, а?

— Ну, накопилось...

— А раньше почему не накопилось?!

— Ну... наверное... наверное, что-то стряслось...

— Боже, Львёнок! Кажется, я знаю, кто у нас победит в номинации «Капитан Очевидность»! Сиди давай и читай!

— А смысл?! Мы что, найдём отгадку в этой куче макулатуры?

— Именно! Лучшего способа пока не придумали...

— И мы даже на места преступлений больше не поедем?

— А с чего ты взял, что это места преступлений?

— Ну, я имел в виду — на места происшествий...

— Не-а, не поедем. Ты же уже вчера был. Хочешь ещё что-нибудь заблевать?

Александр возвращается к изучению документов. В отличие от Фортова он прекрасно понимает, что времени нет. На всё про всё остаётся меньше недели. Уже в пятницу Козлову надлежит позвонить в Москву и доложить начальнику, удаётся ли возбудиться. Александр знает, что у него есть всего четыре неполных дня, чтобы понять, получается ли подвести кого-нибудь под 110-ю статью Уголовного кодекса Российской Федерации — доведение до самоубийства. Из того, что пока открывается, сделать это будет довольно сложно. Так как все эпизоды случились в разных местах, приплести халатность сотрудникам детского дома не составит труда, однако следователь знает, что такой исход вряд ли удовлетворит телезрителей и начальство. К чему было снимать столько программ, если всё так буднично и скучно? Примкнувшие к экранам домохозяйки, эти цепные псы добра, жаждут массивированной и всеобъемлющей справедливости.

Встав из-за стола, Александр подходит к окну. Несмотря на то что курение законодательно запрещено в учреждениях по всей стране, следователь щёлкает зажигалкой и толкает форточку.

— Разве здесь можно? — с удивлением спрашивает Фортов.

— Пока по ведомству не выйдет внутренний приказ — можно!

— Но есть же закон?

— Распоряжение начальника выше закона...

Сделав затяжку, Козлов ещё дальше толкает форточку, и в кабинет тотчас врывается эхо проходящего вдали состава. Кажется теперь, что гремит посуда. Словно во время поминок кто-то нарушает молчаливую трапезу нечаянным стуком вилки о тарелку. Выпустив дым, Александр достаёт из кармана телефон и одним большим пальцем печатает запрос. Дожидается, пока прогрузится страница, и начинает бегать глазами по колонкам таблицы:

*Федеральное статистическое наблюдение
Учёт и устройство детей в возрасте до 18 лет,
оставшихся без попечения родителей*

*Численность детей, оставшихся неустроенными к началу
отчётного года, — 3541*

*Численность детей, выявленных и учтённых за отчётный
год: из них: детей-сирот — 12 579*

*Отменено решений о передаче ребёнка на воспитание в се-
мью — 5329*

Из них:

*— в связи с ненадлежащим выполнением усыновителями
обязанностей по воспитанию детей — 679*

— по причине жестокого обращения с детьми — 54

— по инициативе усыновителей — 3534

Умерли — 229

Из них в результате суицида — 50

«И это без учёта наших», — думает следователь.

Дым ударяется о стекло и серым плющом расплзается по сторонам. Разглядывая грязную улицу и кафе «Бастилия» напротив, Александр пытается представить, что могло стать причиной случившегося.

«Где всё началось? С чего? Весёлая эстафета или смерть как увлечение?»

Следователю очевидно, что работать нужно с первым суицидом. Чтобы понять, почему остальные пошли на этот шаг, следует забраться в голову к подростку, который повесился в лесу.

«Есть ли вероятность, что остальные просто повторили то, что сделал он? Чувствовали ли они сопричастность? Договорились ли заранее? У всех был один мотив или нет? Знал ли первый, что на нём всё закончится, или был уверен, что будут ещё? Хотел ли он продолжения? Нуждался ли в последователях? И будет ли пятая или пятый?»

Возвратившись за стол, Александр перечитывает характеристику первого самоубийцы:

Касимов Ринат

Находится в государственном казённом учреждении для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, «Острожский детский дом» после смерти матери. У Рината вторая группа здоровья, смешанное специфическое расстройство, физическое здоровье среднее.

Успеваемость удовлетворительная, отношение к школе безразличное. Необходима помощь воспитателей по всем предметам. Память и внимание развиты недостаточно. Навыки учебного труда средние, инициативу не проявляет, ленится.

Постоянно требует контроля. Дисциплина низкая. Часто проявляет непослушание и упрямство. Осложняет отношения в коллективе. Проявляет агрессию к педагогам и товарищам.

Уровень этической культуры низкий. Неуравновешен, использует ненормативную лексику. Несдержан. Не контролирует собственные действия.

Правила личной гигиены соблюдает только под присмотром, неаккуратен, неопрятен.

Необходим постоянный контроль со стороны взрослых. Может сказать неправду, свалить вину на другого, замечен в воровстве.

Имеет неудачный опыт проживания в двух семьях.

Отложив характеристику, Козлов думает, что подобный текст составлен едва ли не на каждого воспитанника. Сделанные под копирку, документы эти мало чем отличаются друг от друга. Хороший/плохой, удобный/не очень. Чтобы убедиться в собственном предположении, Козлов наугад открывает ещё одну характеристику и понимает, что предположение его верно. Здесь всё одно. По мнению воспитателей, дети наличествуют сложные, неумные, как правило бесперспективные. Часто хамят, дерутся и постоянно сбегают. Приближает ли это к разгадке? Безусловно, нет. Единственное, что теперь понимает Козлов, что щёлкнуло не вчера. Что-то случилось в жизни этого пацана задолго до самоубийства. Из любимых книг Александр помнит, что Клото прядёт нить жизни, Лахесис отмеряет её длину, а Атропос решает, когда жизнь следует оборвать, — процесс этот длинный и непростой.

Откинувшись на спинку стула, Козлов вспоминает теперь, как на прощанье жена бросила ему, что решила развестись давным-давно.

«Правда?»

«Да, с того самого дня, как родилась наша дочь...»

«То есть семь лет назад?!»

«Да, я всегда была несчастна с тобой...»

«Твою ж мать! Но почему ты никогда не говорила мне об этом?»

«Говорила, ты просто не хотел это слышать...»

Глухота.

Александр резко и широко открывает рот — уши откладывает. Следователь протирает глаза и признаётся себе, что действительно не слышал супругу. Всякий раз,

когда Дана говорила, что несчастна, ему казалось, что большой проблемы в этом нет. Локальный конфликт, не более того. Вот загорелось — сейчас потушим. Постоянно проводя аналогии с собственным детством, следовательно заблуждался, будто хорошо представляет, как выглядят люди, которые по-настоящему несчастны...

Детство Козлова прошло в Карелии, на берегу озера. Когда мать Александра ушла из дома, ему едва исполнилось шесть. Каждый вечер вместе с отцом мальчик садился на скамейку и смотрел на озеро. Большой человек курил, а маленький нет. Отец молчал — и Александр тоже. В день собственной свадьбы Козлов загадал, чтобы детство его никогда не повторилось. Александр хотел создать полноценную и счастливую семью, однако по прошествии нескольких лет понял, что в точности повторил судьбу отца. Обнадёживало теперь только то, что через какое-то время мать возвратилась домой.

«Вернётся ли Дана?»

Александр смотрит на Острог через зарешёченное окно и пытается сосредоточиться. Получается с трудом. На перрон прибывает новый состав воспоминаний.

«Ты ментальный инвалид, Козлов, понимаешь? Твои родители не научили тебя эмпатии. Ты токсичен. Ты думаешь только об этих своих трупах и не даёшь мне свободы. Я задыхаюсь рядом с тобой, мне с тобой неинтересно! Я устала быть донором для тебя и залечивать травмы твоего детства! Если ты действительно любишь меня — уступи и порадуйся за нас!»

Даже теперь, спустя несколько лет после расставания, Козлов не понимает, почему должен радоваться. Он признаёт за Даной право уйти, признаёт право быть с другим мужчиной, но вот почему должен радоваться — уяснить не может. Человек старой школы, в новом веке он всё ещё верит в институт семьи.

— Александр Александрович?

— Да? — не открывая занавеса ладоней, отвечает Козлов.

— Ну а вы что думаете?

— Что?

— Я говорю: вы всё-таки что думаете?

— А я думаю, что нам с тобой, Фортов, пора на обед...

Козлов ничего не думает. Утром они только начали знакомиться с материалами по первому самоубийству, и хотя всё — и осмотр поверхности земли при подходе к трупу, и осмотр наружной поверхности одежды, и осмотр места крепления петли — указывает на суицид, Александр знает, что на данном этапе делать какие-либо выводы преждевременно.

Следы обуви, не принадлежащие погибшему, не найдены. Поверхность под трупом каким-либо легко отстающим веществом не покрыта. Место крепления петли осмотрено тщательно, дважды: до и после снятия трупа. Положение волокон дерева в следе от петли на ветке с бесспорностью свидетельствует о том, что подтягивания тела посторонней рукой не было. Инсценировка исключается.

Вставая из-за стола, Козлов спокойно объясняет Фортву, что наскоком такое дело не решишь, только устанешь и себя изведёшь. Тут нужны спокойствие и терпение.

Переходя дорогу, Козлов рассказывает лейтенанту, что необходимо изучить справки о поквартирном обходе, объяснения учителей и работников детского дома:

— Нас ждут протоколы осмотра мест происшествий, запросы и ответы. Справки о родителях, кто такие, живы ли, почему отказались от детей. Планы местности, связи погибших и их увлечения. В общем, у нас с тобой впереди очень, очень, очень много объяснительных и справок, которые тебе, дружище, придётся прочесть.

— А потом?

— А потом у нас, возможно, появится версия...

*Море волнуется три —
морская фигура замри!*

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Наручные часы отобраны. Который теперь час, Петя не понимает. По ощущениям наступил полдень, но Павлов сомневается. Никаких обвинений по-прежнему не предъявлено, однако Петя не спешит колотить в дверь. Парень хорошо знает местных полицейских и искренне полагает, что в большинстве своём эти добродушные и порядочные люди не стали бы тревожить его просто так. Вероятно, думает он, у них есть какой-то план. Полицейским Петя доверяет. Да, как правило, эти люди не принимают его заявлений, но он очень уважает их уже хотя бы за то, что они всегда находят нужные слова, — Павлов чрезвычайно дорожит человеческим общением.

Расхаживая по крохотной камере, парень вспоминает теперь, как после отказа последних приёмных родителей остаётся в здании областной администрации. Он сидит на скамейке и ждёт указаний. К 19.00 Павлова следует кому-нибудь передать, и сотрудница опеки, конечно, понимает, что сделать это будет ой как нелегко.

Первым делом она звонит в детский дом:

«Алло, это Острог?»

«Да, только что с того?»

«У меня тут ваш... этот... Петя Павлов, шестнадцать лет от роду, его опять вернули...»

«Ну привозите его, только не сегодня, а в понедельник — сегодня у нас карнавал!» — дальше одни гудки.

«Неудивительно, что они тебя вернули!» — плюнув на телефон, для чего-то бросает в коридор чиновница.

Умудрённая опытом сотрудница опеки решает, что за собственный счёт (к сожалению) посадит щенка в автобус и доставит в инфекционное отделение местной больницы. Там он пробудет выходные, а в понедельник, если повезёт, она ещё раз позвонит в Острожский детский дом и вернёт его туда.

«Это идеальное решение!» — думает женщина.

«Вообще-то ты ещё должен меня благодарить. У тебя будет чистая постель и еда. Несколько дней пролежишь почти как в санатории, так что тебе неплохо было бы хотя бы немножко порадоваться!»

О том, что у подростка наверняка развит госпитальный синдром, чиновница, конечно, не думает. По её мнению, такого диагноза вообще не существует. Закрыв папку, она ещё раз смотрит на Петю и с улыбкой выносит вердикт:

«Ну что, гадёныш, поедешь в инфекционку!»

Услышав это, Петя резко меняется в лице, багровеет и бросается в кабинет:

«Тётенька, нет! Нет! Нет!!! Пожалуйста, только не в больничку!» — он тянется к чиновнице, пытается ухватить её за руки, но сотрудница опеки только отмахивается и повторяет: «Отстань, не беси меня!»

Оттолкнув подростка, чиновница с удивлением смотрит на него. Женщина, конечно, не знает, что с ранних

лет этот Павлов чувствует намного больше других. Не знает она и того, что в пять лет мальчик приносил с улицы сосульки и просил воспитателей спрятать их в морозилку, чтобы они не погибли. В шесть он умолял других ребят не съедать подаренных на Новый год шоколадных зайцев, а в семь по собственной инициативе отказывался от мяса. С этого дня воспитатели детского дома не следили за тем, как питаются другие ребята, но очень заботились, чтобы курицу или свинину ел воспитанник Павлов.

Юный толстовец не убивал комаров (даже тех, что пьют его кровь), а всякого дождевого червяка непременно переносил в траву. Он осторожно наступал на асфальт, чтобы никого не раздавить, и даже спрашивал у сверстников и учителей, не влетел ли кто-нибудь ему в рот, потому что очень боялся кого-нибудь съесть. Когда однажды детдомовцы забили камнями кошку, мальчик несколько дней ни с кем не разговаривал, за что впервые отправился в психиатрическую клинику, где, по замыслу уставших от его дуростей воспитателей, должен был вылечиться и стать таким же, как все.

Всего этого чиновница, конечно, не знает и знать не хочет. Единственное, чего она по-настоящему желает, — поскорее вернуться домой. Ей очень хочется посмотреть программу с любимым телеведущим.

Характеристика на воспитанника Острожского детского дома Петра Петровича Павлова

Учёба: учится хорошо, старается. Читает много. Интересов, связанных с будущей профессией, предостаточно. С удовольствием берётся за любой новый предмет.

Поведение: воспитан, слишком дисциплинирован. Чересчур инициативен, при этом мягок, не может дать отпор, не конфликтует с учениками и педагогами, но своим дотошным поведением часто вызывает конфликты. Отрешён, чрезмерно усидчив, воспитуемость нормальная. Общественная активность слишком высокая. Как организатор много берёт на себя, поручения выполняет до странного точно, но при этом лидерских позиций не имеет.

Общение в школе: друзей нет, большинство соучеников к нему безразличны. Необщителен, стеснителен, закрыт, самостоятельность мышления оценить сложно, но, вероятно, присутствует в лишнем объёме.

Личностные особенности: странен, зависим, вегетарианец, уровень самооценки не поддаётся анализу. Не вызывает симпатии педагогов. Отношения с воспитанниками ДД можно охарактеризовать как сложные.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

У входа в «Бастилию» натываются на проходящих мимо сестёр. Бок о бок девушки идут в направлении главной площади и в четыре руки несут полиэтиленовые пакеты. Израненные гранаты оставляют капельки крови на снегу. На местах преступлений Козлов не раз видел такие. Прислушавшись к разговору, Александр понимает, что сёстры спорят о чередности подростковых самоубийств. Мнения девушек прямо противоположны. Любовь утверждает, что виновников не найдут, а Вера настаивает, что в России работают лучшие следователи в мире.

Проводив девушек взглядом, Козлов думает теперь, что сёстрам явно не по пути.

Где-то неподалёку лает пёс. Вслед за ним вступают другие. Хором гавкают собаки большие, маленькие и спустя мгновенье, против устава, подключаются овчарки зоны. Точно колокола в маленьком европейском городке, по Острогу разливается эхо собачьей переключки. Прислушиваясь к нему, Козлов взглядом отпускает Фортова в ресторан, а сам решает покурить.

Осмотревшись, Александр замечает теперь, что улица коротка. Выбежав из-за покосившейся избы, худая дворняга, которая, вероятно, и стала причиной собачьей переклички, с трудом перебирает лапами и несёт в зубах яркого попугая. Глядя на собаку, Александр отчётливо испытывает не присущее ему чувство тревоги. Впервые за последние месяцы страх будущего, который, казалось бы, со временем стал проходить, вновь захватывает его. Мысль, что жена уже никогда не вернётся, корявыми пальцами вцепляется в рёбра.

«Что же это выходит? — пытаясь успокоиться, думает Козлов. — Если я, здоровый мужик, так боюсь будущего, что же тогда творилось в головах этих детей? Не в этом ли причина? Как они вообще выживают здесь, если тюрьма Острожского детского дома, вероятнее всего, лучшее, что когда-либо с ними случится? Как справляются с этой повседневностью, если впереди маячит одна неизвестность? Нужно ли удивляться, что они, слабые и беззащитные, сводят счёты с жизнью, если даже я время от времени поглядываю на дверную ручку и ремень?»

Выбросив окурок, Александр заходит внутрь. Заполненную столичными журналистами «Бастилию» не узнать. Даже вчера ночью она была другой. Теперь ресторан напоминает какой-нибудь модный московский бар, что прикидывается нарочито провинциальным. Людей здесь до того много, что Козлов не сразу находит Льва.

— Неплохо, правда?! — протирая руки антисептиком, с улыбкой произносит Фортов. — Я вам так скажу, Александр Александрович, пока вас тут не было, я провёл пуск и поверхностный, но всё же анализ и скажу со всей

ответственностью, что здесь есть чем поживиться. Я бы лично для начала присунул бы вон той вот!

— Что ты заказал, Фортов?

— Я заказал борщ и котлету по-киевски, Александр Александрович.

Сев против коллеги, Козлов открывает меню, но, прежде чем заглянуть в него, ещё раз оглядывается по сторонам. Небывалый для этих мест ажиотаж. Все столики заняты. Разглядывая ветрозащиты микрофонов, Козлов понимает, что слева от него обедают представители либеральных и относительно либеральных телеканалов, а справа федералы. Посреди зала, судя по всему, восседает братия пишущая. Александр поочерёдно прислушивается ко всем столам.

— Вот говорят, что мы живём в эпоху постправды, — вступает один из репортёров, — но лично я твёрдо убеждён, что мы живём в эпоху правды, просто в действительности она больше никому не нужна! Себестоимость правды стала слишком высока! К чему снаряжать многомесячные расследования, если уже завтра будет новый инфоповод?

Попросив ровно то же, что и Фортов, Александр добавляет к заказу графин водки и, когда официант наполняет первую рюмку, уже было собирается выпить, но в этот момент к следователям подсаживается незнакомая девушка.

— Агата! — протянув руку, представляется она.

Лев руку с удовольствием пожимает, а Козлов нет. Фортову девушка нравится, а Александру не до неё. Меньше всего ему хочется обсуждать оперативную работу с журналисткой.

— В рабочее время выпиваете?

— Ты кто такая вообще? — спокойно, но чтобы сразу обозначить дистанцию, спрашивает Козлов.

Девушка не смущается, улыбается и молча показывает пресс-карту:

— Расскажите мне что-нибудь, а?

— А нам тебе нечего пока рассказывать, — поднеся рюмку к губам, отвечает Александр.

— А какие версии отрабатываются?

— Все версии отрабатываются...

— Но ведь уже есть приоритетные, правда?

— У нас нет, а у тебя?

Агата улыбается ещё шире.

— Не знаю, — вновь заговаривает она, — у меня нет версий. Я много о чём писала, но с таким сталкиваюсь впервые. Меня эта ситуация удивляет, наверное, не меньше вашего. Я присяду?

— Давай! — с радостью отвечает Фортов.

— А вас не удивляет?

— Удивляет ли меня то, что этот охламон позволил тебе присесть?

— Нет, что до сих пор нет версий.

— Нет, не удивляет.

— Да-да, я понимаю, профессиональный бронезилет. Вас сложно удивить. И всё же — это ведь так интересно! Почему ребята пошли на это? Они ведь жизнеустойчивы. Каждый день дерутся, пьют, курят. Я делала материал о девочках из детского дома в Калуге, которых заставляли танцевать в стриптиз-баре, и они не кончали с собой. Вы наверняка знаете, что в Челябинске мужчина приез-

жал в приют, брал ребят якобы на рыбалку, насилует их, и они молчали, но не кончали с собой. Это всего несколько примеров, а тут...

— Ты будешь что-нибудь заказывать? А то мы едим, а ты нет...

— Нет-нет, спасибо, я уже пообедала с коллегами...

— Ну тогда...

— Всё-таки не хотите со мной говорить?

— Послушай, Агата, или как там тебя, нам и правда пока нечего тебе рассказать. Мы только начинаем знакомиться с делом...

— Но ведь местные следователи работают над ним уже месяц, верно?

— Можешь смело написать, что местные следователи пока ничего не нашли...

— А вы найдёте?

— А мы обязательно найдём!

— И расскажете мне?

— И расскажем всем.

Козлов наконец опрокидывает рюмку, которую всё это время держал в руке. За столом вновь повисает тишина. В руках тотчас появляются спасительные телефоны. Хмурые брови, серьёзный вид. Свет в «Бастилии» тусклый, поэтому экраны теперь освещают провалившиеся в тёмное лица. Агата ещё некоторое время сидит тут молча непрощёной гостьей, а потом вдруг резко встаёт и, ничего не сказав, уходит.

Пока Александр молча ест, Фортов дурачится с телефоном:

— Siri, почему дети кончают жизнь самоубийством?

— Это интересный вопрос, — отвечает телефон.

— Так почему дети Острога кончают жизнь самоубийством, Siri?

— Возможно, вам стоит поговорить с кем-нибудь из службы психологической помощи населению, — всё так же спокойно и невозмутимо отвечает персональный помощник. Лев смеётся, и строгим взглядом Козлов приказывает ему прекратить.

После обеда в душный кабинет вызывают директрису Острожского детского дома. Облачённая, как в песне Ларисы Долиной «Я надена всё лучшее сразу», посягающая на стиль, женщина эта ведёт себя нарочито дерзко. По всему видно, что следователей она больше не боится.

— Все эти вопросы мне уже задавали!

— Не мы. Быть может, у вас есть желание что-нибудь добавить?

— Нет, я уже всё сказала. Если у вас закончилась фантазия — я бы пошла работать. В отличие от вас, мне есть чем заняться!

— Людмила Антоновна, — ещё раз заглянув в дело, спрашивает Козлов, — а что лично вы про всё это думаете?

— Я?

— Да, если без ответов на наши глупые, как вы считаете, вопросы. Как вы себе представляете эту историю?

— А вам это правда интересно?

— Конечно!

— Вы не производите впечатление человека, которому можно доверять...

— Моя бывшая жена тоже так говорит. И всё же?

— Я это себе представляю так, что вы ищете совсем не там, где нужно...

— А где нужно, Людмила Антоновна? Направьте нас!

— Вам нужно понять, что дети на всё способны! Вы тут пытаетесь выяснить, не обижали ли мы их, но правда заключается в том, что мы сами боимся этих детей. Вы ищете какие-то примеры насилия, но воспитанники сами бросаются на учителей. Вы и представить не можете, как запуганы мои подчинённые. Они боятся слово сказать этим волчатам. Те, что постарше, могут сразу кинуться и даже ударить! Вам необходимо осознать, что это особенные подростки, часто больные. Это не домашние дети, у них у половины родители — убийцы! У одних насильники, у других алкоголики — это вам не столичная детвора. Вы ищете ответы снаружи, а вам нужно шерстить внутри — это же очевидно!

— Почему очевидно?

— Потому что я вам объясняю: эти дети сложные!

— Что значит «сложные», Людмила Антоновна?

— То и значит! Вы приехали сюда и думаете, что можете что-то про них понять. Вы полагаете, что вот так возьмёте и нахрапом найдёте ответ, а я работаю с ними двадцать лет и знаю, что от этих элементов можно ожидать всего! Убили себя, а могли бы и всех нас!

Козлов проходил и это. Директриса оправдывается и указывает путь. В её руке маленький фонарик, освещающий смыслы. Она только и делает теперь, что твердит: «Посмотрите сюда, я знаю, куда вам идти!»

— Так что очень зря вы их жалеете! — после короткой паузы добавляет она.

- Я никого не жалею...
- И правильно, потому что вы, полицейские...
- Следователи Следственного комитета не полицейские, — перебивает Козлов.
- Ну, может, я неправильно выразилась. В общем, вы пытаетесь найти логическое объяснение произошедшему, а его нет! Вы изначально почему-то решили для себя, что эти ребята — бедные овечки, ангелочки, на которых свалилось несчастье, но всё совсем не так!
- А как, Людмила Антоновна? Значит, по-вашему, всё дело в них?
- Конечно! Они живут в тепличных условиях. Государство всё для них делает, у нашего детского дома много спонсоров...
- Да, я это по вашей машине заметил, — вставляет вдруг Фортов.
- На что вы намекаете? — возмущается директриса.
- Да ни на что, Людмила Антоновна, не обращайтесь на него внимания...
- Плохо шутите, молодой человек! Вероятно, ваши родители вас не воспитали, если вы позволяете себе такое говорить незнакомому человеку! Бесстыжий вы!
- Людмила Антоновна, вы сказали, что у этих детей абсолютно всё есть...
- Абсолютно всё! Вот вы когда последний раз были в Греции?
- Несколько лет назад, с женой, когда ей еще было можно...
- Ну вот видите, вы были, и дети были!
- Это хорошо, но какое это имеет отношение к делу?

— Очень даже какое!

Когда заговаривают о Греции, Козлов вспоминает, что уже после расставания жена прислала ему голосовое сообщение:

«Козлов, я сейчас гуляю по фотовыставке, и здесь очень сильные кадры разрушенной войной Чечни. Ты пережил такую катастрофу, так почему ты всё не можешь забыть меня?!»

Для чего супруга написала это, Козлов не понял. Ему казалось очевидным, что любовь помогает перенести любые горести, а расставание делает человека неспособным преодолеть даже ерунду. В тот день Александр ничего не ответил, а неделю спустя Дана позвонила и сообщила, что уедет на несколько дней в Афины. Бывшая супруга предложила Козлову посидеть с дочерью и добавила на прощанье: *«Если хочешь — можешь пожить у нас...»*

Две недели Козлов с нетерпением ждал возможности вернуться в собственный дом. Открыв входную дверь, он с волнением отправился на экскурсию по прошлому. Всё здесь было как прежде: стол, стул, шкаф. Картины, комод, скелеты висящих без его рубашек вешалок. Ему разрешили прожить дома три ночи, и единственное, чего он теперь хотел, чтобы время это никогда не заканчивалось. Если бы только из собственной квартиры на память в съёмную однушку можно было привезти магнитики с видами кухни и открытки с панорамой гостиной.

Три дня и три ночи следователь изучал достопримечательности собственной квартиры и очень надеялся, что, когда жена возвратится, его виза будет продлена... Однако этого не случилось. Дана поставила чемодан и, не сказав ни слова, прошла в душ. Козлов понял, что супруга не выйдет из ванной, пока не услышит, что дверь хлопнулась. Так, собрав сумку, Александр вернулся в настоящее.

— Я вас не отвлекаю?

— Простите, я задумался. Значит, вы полагаете, что мы зря сюда к вам приехали? Думаете, нечего нам здесь делать? Никто детей не обижал, в группах смерти они не состояли?

— Про группы смерти я не знаю — мы воспитанникам предоставляем интернет, но за ними не следим. А вот за то, что их никто не обижал, я могу ручаться. С них пылинки сдувают. У нас здесь везде стоят камеры, вы можете всё отсмотреть.

— Ну вы же знаете, что камеры не всегда всё замечают.

— Это, может быть, у вас в Следственном комитете они не всегда всё замечают, а у нас здесь всё! Я ещё раз вам говорю, мы действуем строго в рамках нашего законодательства и детей этих, хотя порой они этого и не заслуживают, очень оберегаем. Всё, что положено по закону, они получают, и даже больше!

Козлов задаёт ещё с десятков вопросов и останавливается. Следователю становится очевидно, что говорить здесь более не о чем.

Когда директриса выходит, Александр протирает глаза, и, улучив момент, Фортов тотчас задаёт вопрос:

— Александр Александрович, а что это за история с тем, что вы уже здесь бывали? Что вы здесь делали?

— Закрывал их мэра.

— Да, Михаил говорил что-то такое в машине. И как, получилось?

— Ага...

— Ясно...

— Что тебе ясно, Фортов?

— Ясно, что она что-то недоговаривает, Александр Александрович, как и вы...

— И что ты предлагаешь?

— Предлагаю вызвать её заместителя.

— Для чего?

— Вы видели, на какой она тачке ездит? Человек, который мечтает занять её место, обязательно нам что-нибудь да расскажет!

«Этот далеко пойдёт, — думает Козлов, — мыслит правильно. Вроде бы ещё щенок, а уже знает, с кем и как нужно говорить...»

— А ты думаешь, что местные этого ещё не сделали?

Вновь закулив, Александр подходит к окну и решает, что теперь побеседует с детьми и с врачом детского дома.

— Слушай, Фортов, вызови-ка ко мне их главного айболита и какую-нибудь девочку постарше...

— О, девочку постарше — это я могу, Александр Александрович!

— Я не сомневаюсь, Фортов, ты только сделай, что говорят.

— Сегодня? Сегодня же уже, наверное, поздно, да?

— Нет-нет, вези их сюда немедленно, у нас совсем не остаётся времени!

Фортов выходит из кабинета, и, проводив его взглядом, Козлов думает, что поговорить нужно не только с воспитанниками детского дома, но и с местной шпаной. Те, кто продаёт ребятам насвай или спайс, наверняка могут что-то знать. Следовательно вспоминает о барыгах, потому что и сам теперь мечтает отыскать одного. Александру очень хочется найти такого наркодилера, который смог бы продать ему немного прошлого. День счастливой семейной жизни, утро или вечер с женой.

Докурив, Александр выбрасывает окурок и возвращается за стол.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Сидя в крохотном номере провинциальной гостиницы, московская журналистка разглядывает собственные ногти и думает, что нужно срочно сделать маникюр. На кровати лежит записная книжка, и к этому моменту у девушки готово только первое предложение:

Каждый день в России в детские дома возвращают тринадцать детей.

Агате такое начало нравится. Ей кажется, что это хороший кейс. Единственное, в чём она пока сомневается, — расстановка слов.

Может, лучше написать иначе?

Тринадцать — ровно столько детей возвращают в детские дома в России каждый день...

Ещё только разминая первое предложение, девушка чувствует, что этот материал непременно соберёт много лайков. В её записной книжке уже появилось несколько

ко набросков, и журналистка думает теперь, что настало время перенести собственные соображения в компьютер. Короткие фразы, отдельные слова и ещё не выстроенные в абзацы наблюдения о провинциальном городке. Уложив «молескин» на лопатки, Агата принимается читать собственные заметки вслух и по обыкновению спорит сама с собой:

— Начать с того, что здесь хочется покончить жизнь самоубийством? Нет, это проще всего! Меня прислали сюда не для этого. Составить обстоятельный путеводитель для самоубийц — несложно, собственно, Россия для этого идеально подходит. Что у меня есть к этому моменту? Ничего. Что я успела почувствовать? Ну... — просматривая записи, продолжает шептать она. — «Над городком повисло горе...» Не туда... «Здесь легко почувствовать одиночество, бессилие и страх...» Не то... «Замешательство и паранойя, ощущение отдаления...» Охренеть, дайте два!, «Пустые улицы и дезориентирующая людей природа. Горечь вида и бескрайность беды. Безусловная пустота...». Всё это, конечно, звучит неплохо, только... «Птица счастья никуда не летит...»

Перепечатав в компьютер лишь последнюю фразу, Агата откидывается на спинку кресла и вспоминает следователя. Из всех мужчин, которых она видела здесь, этот нравится ей больше остальных. Он кажется девушке вполне приличным и надёжным.

Пока журналистка думает о Козлове, объект её новых желаний начинает очередную беседу. На этот раз напротив следователя сидит семнадцатилетняя воспитанница

детского дома. Едва она входит в кабинет, Александр замечает, что девушка беременна.

— Что вы на меня так смотрите, Александр Александрович, это не я! — острит Фортов, и, взглянув на него, Козлов ничего не отвечает.

— Привет! — обращается Александр к воспитаннице.

— Здравствуйте!

— Ты только что ела, да?

— Это он вам сказал? Он забрал меня с полдника...

— Нет, у тебя просто повидло или что-то такое вот здесь, на щеке...

— А, да...

— Любишь сладкое?

— Да.

— А какое твоё любимое блюдо?

— Роллтон с майонезом.

— А что самое нелюбимое?

— В еде?

— Нет, вообще — в жизни, в детском доме, что самое нелюбимое?

— Сплетни.

— Сплетни?!

— Да. Мне не нравится, что все всё время меня обсуждают и осуждают. Я, когда встречалась с Колей Апехтиным, посылала ему свои голые фотографии, а он их всем показал, и весь детский дом потом сплетничал, и воспитатели тоже.

— Он отец?

— Я не знаю, кто отец, но думаю, что нет. Наверное, Ринат Касимов...

— Ринат? Отец твоего ребёнка покончил с собой?

— Да.

Посмотрев на Фортова, Козлов отмечает, что этот молодой не такой уж и кретин. Он сумел выявить связи и привёл девочку, у которой были отношения с одним из самоубийц. Лев радостно улыбается, он очень доволен собой.

— Расскажи нам о Ринате, пожалуйста...

— А что рассказать?

— Он когда-нибудь говорил тебе, что хочет покончить жизнь самоубийством?

— Это вообще-то детский дом — здесь все постоянно говорят, что хотят покончить жизнь самоубийством...

— Хорошо, а были ли какие-то поступки, которые указывали на то, что он может перейти от слов к делу?

— Например?

— Ну например... он...

— Резал себе вены, что ли?

— Допустим.

— Здесь все себе режут вены по двадцать раз на дню.

— И ты резала?

— Конечно! Первый раз лет в семь. Я смотрела, как старшие девочки это делают, и тоже пробовала.

— Ты хотела покончить жизнь самоубийством?

— Нет, просто резала, как все.

— А ваши воспитатели видели, что вы режете себе вены?

— Конечно, видели! Они всё про нас знают.

— И что они на это говорили?

— Да ничего особенного... ну разговаривали с нами, ругались, к директору вызывали, но только один раз, по-

том просто кричали, — сказав это, девочка натягивает рукава по самые костяшки, но Козлов успевает заметить, что царапины на запястьях действительно есть.

— В следующий раз, когда захочешь покончить с собой, знай, что резать нужно вдоль, а не поперёк — так ты ничего не добьёшься.

— Правда?

— Да. Ладно, скажи мне, пожалуйста, а были ли у Рината какие-нибудь проблемы с учителями, воспитателями или ребятами?

— Откуда мне знать?

— Но ты же с ним дружила, он, как ты говоришь, скорее всего, отец твоего ребёнка.

— Может, и не он... я не знаю... это не важно...

— А что важно?

— Ничего не важно! Мы с ним всего две недели встречались... потом я его послала, потому что он мне изменял.

— Как ты думаешь, а мог он покончить с собой из-за того, что ты его бросила?

— Нет, конечно! Я его давно бросила. Он после этого ещё с Катей Ерохиной встречался.

— Мог он переживать, узнав, что ты беременна?

— Думаете, я от него первая залетела, что ли?

— А были ещё девушки?

— Конечно, были!

— И они уже родили?

— Нет, у них выкидыши случились.

— И он об этом знал?

— Все знали.

— А почему случались выкидыши?

- Потому что девочки не хотели детей.
- И воспитатели знали об этих беременностях?
- Конечно, знали! Говорю же, они всегда всё знают.
- И что они делают в таком случае?
- Ничего, они знают, что мы примем меры.
- Какие?
- Разные. Обычно йод пьём, ну и много чего ещё...
- Значит, если воспитатели знают, что вы беременны, они просто дают вам время урегулировать этот вопрос?
- Да...
- А почему ты решила сохранить ребёнка?
- Потому что я не такая. Мне чуть-чуть осталось. Я скоро выйду отсюда и хочу воспитать сына нормальным человеком, хочу, чтобы у него всего этого не было...

Козлов трёт глаза. Фортвов всё ещё улыбается. В момент этот лейтенанту юстиции кажется, что дело уже распутано. Не обращая внимания на девочку, он даже считает нужным об этом заявить:

— Вот оно, смотрите, Александр Александрович! Очевидно же, что атмосфера здесь нездоровая, понятно же, что во всём этом совершенно невозможно жить! Тут вон дети сами себе аборт делают, а вы ещё спрашиваете, почему они жизнь самоубийством кончают! Нужно же срочно всю эту лавочку прикрывать!

Девочка с удивлением смотрит на лейтенанта, Козлов проводит языком по зубам.

«Не твоё дело, Федосья, собирать чужие колосья», — думает Александр и понимает, что с места до сих пор не сдвинулись. Девочка рассказывает про повседневность,

рутину и установленные правила игры. Толчком к самоубийству стало что-то другое, что-то невероятное, из ряда вон выходящее. Лишь полная капитуляция примерных представлений о жизни могла подтолкнуть ребят к подобному шагу. То, что поведала эта девочка, безусловно, полезно, но не отвечает на главный вопрос: кто или что заставило детей решиться на самоубийство?

Шмыгнув носом, Козлов с сожалением думает, что здесь всё ещё маячит халатность, но возможности возбудиться по 110-й по-прежнему нет.

Несколько раз чихнув, Александр взглядом даёт понять, что девочку можно уводить. Сделав это, Фортов возвращается в кабинет счастливый, как ребёнок:

— Ну?! Как вам такое?! Александр Александрович?!

— Никак...

— А может, другие девочки тоже через всё это прошли?

— Может, и прошли. Только к самоубийству это имеет мало отношения. Важно то, Фортов, чего они боялись...

— Так понятно же, чего они боялись, — боялись, что родят, и что им тогда делать с этим дитём?

— Фортов, они в детском доме живут. Эти подростки лучше всех на свете знают, что нужно делать с незапланированным дитём.

— Я вас иногда не понимаю, Александр Александрович. Вас послушать, так этих детей ничем не удивить. И это их не берёт, и то. Так чего же они тогда решили кончать с собой, если ко всему готовы?

— Вот, Фортов, вот! Наконец ты в свою голову не только пищу кладёшь, но и используешь её по назначению.

Директриса права — это не простой контингент. С этими ребятами что-то совершенно особенное должно было произойти, если они сами на себя решили руки наложить.

— А как их, кстати, хоронят? — вдруг задаётся вопросом золотой мальчик.

— Бесхозов?

— Да каких бесхозов? Этих, сирот!

— Я же и говорю тебе — бесхозов. Алкашей, бомжей, серийных убийц и детдомовцев хоронят одинаково — на заброшенной части кладбища. Детский дом сообщает в полицию о смерти подопечного, и за телом приезжают сотрудники соответствующих служб, которым, как ты понимаешь, на трупиков глубоко насрать. Приобретается самый дешёвый гроб, в него бросают покойного и везут на погост, где ящик сбрасывают в вырытую бульдозером траншею.

— Почему не в могилу?

— А кто станет за неё платить?

— Наверняка же из бюджета выделяют средства на захоронение детдомовцев?

— Конечно, выделяют! Я же говорю тебе, что не в реку выкидывают, не в карьер, а по-божески, в траншею. От области к области, конечно, случаются исключения, иногда хлопочут спонсоры, дальние родственники порой объявляются, но в целом по больнице температура такая: поверх бугорка устанавливают крестик с табличкой, на которой, как правило, написано только имя. Крестик этот стоит год, повезёт — два, да и исчезает под гусеницами бульдозера, которому нужно новую траншею разрыть.

— Да вы гоните, Александр Александрович.

— Не понял тебя, Фортов?

— Да не может такого быть!

— А ты сходи и посмотри, заодно увидишь, как народ твой живёт вдали от столицы.

— Что, и этих так захоронили?

— Первого, уверен, да. Остальных, когда налетела пресса, наверное, наградили венками и цветочками с крайних могил. Впрочем, думаю, сделали это не чиновники, а опытные операторы, чтобы картинка была хороша...

Фортов искренне удивлён. Посмотрев на часы, Козлов понимает, что нужно торопиться и поскорее начинать следующий разговор.

— А врач-то уже здесь?

— Да, должны были доставить.

— Ну так чего стоишь-то? Заводи!

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

В середине дня в камеру входит надзиратель. Петя давно ожидает этого момента, а потому, увидев человека в форме, встречает его доброй улыбкой, точно сын возвратившегося из путешествия отца.

— Какое-то недоразумение, правда?! — шепелявит Петя. — Я уже целую ночь тут, представляете? Всё выяснилось, да?

— Павлов, забейся! Руки за спину и лицом к стене!

Петя немного расстраивается, но подчиняется. Он понимает, что человек этот строг, потому что работает в тяжёлых условиях. Каждый день общаться с убийцами и ворюжками — то ещё удовольствие, надзирателя лучше бы пожалеть.

Ведут знакомыми коридорами. Петя слышит, как где-то неподалёку работает радио. Очень известная исполнительница поёт:

Ветер с моря дул, ветер с моря дул,
Нагонял беду, нагонял беду...

С последней строчкой Петю заводят в медицинский кабинет. Здесь много чужих людей и только один давнишний знакомый — следователь Михаил.

— Здравствуйте!

— Петь, завали хлебало!

— Вы о чём?

Грубость Михаила Петю обескураживает.

«Почему он так говорит?»

Улыбка тает. Вес чужих рук заставляет сесть. Люди в стерильных перчатках приказывают открыть рот и ватными палочками несколько раз проводят у Пети за щекой. После берут кровь и вырывают несколько волос.

— Михаил Леонтьевич, я могу вам чем-нибудь помочь?

— Петя, закройся!

Так же быстро возвращают обратно. Стремительнейшее и единственное событие дня. Усевшись на железную койку, Петя по-прежнему растерян. Парень до сих пор не понимает, что происходит. Всё это напоминает какую-то странную игру. Привели-отвели. В том, что он не нарушил никаких законов, сомнений нет, однако за что же его тогда задержали?

Взглянув на мягкую жестяную дверь камеры, Петя думает, что вполне имеет право подойти к ней и, ударив несколько раз, потребовать разъяснений. Впрочем, через мгновенье буквально он отказывается от этой идеи. Пете не хочется тревожить полицейских. Он знает, что в эти дни у них и без того слишком много работы.

«Нужно им как-то поспособствовать, а не отвлекать. Наверняка меня пригласили, — успокаивается он, — чтобы я мог им как-то помочь. Нужно просто подождать. Совсем скоро Михаил Леонтьевич придёт сюда и всё объяснит...»

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Завершив беседу, Александр решает, что для первого дня вполне достаточно. Всё услышанное и прочитанное нужно переварить. Важно не перегореть.

Ничего интересного врач не сообщает. Понимая, что он входит в круг подозреваемых, на вопросы Козлова медик отвечает развёрнуто и ничего не таит. Серый, безликий, этот мужчина кажется Александру не умным, не хитрым и не злым. Образцовый житель Острога, лишь в конце разговора доктор делает одно интересное замечание:

— Это не моя мысль, но я всё же осмелюсь её высказать: поразительно, как сам факт самоубийства заслоняет собой всю предыдущую жизнь подростка, понимаете?

«Интересно», — про себя соглашается Козлов и сообщает напарнику, что вечер желает провести один.

— Ты прогуляйся без меня, Фортов, местным воздухом подыши.

— Да куда здесь можно пойти?

— Ну хотя бы в ту же «Бастилию» — ты же собирался там кого-нибудь потоптать.

Город остигато. Куда ни посмотри — всё одно и то же. Сплошное нарастание ничего. Гипноз. Оглушительное в своём финале крещендо пустоты и непрерывные вариации безысходности. Любование повторами в месте, лишённом всякого жизненного материала.

По дороге в общежитие, шагая вдоль одноколейки и для чего-то считая заснеженные шпалы, Александр думает теперь, что в нашей культуре чёрный цвет считается символом трагедии и горя, хотя лично ему всегда была ближе культура другая, в которой смерть и траур символизирует цвет белый, точь-в-точь этот снег.

Подойдя к железнодорожному переезду, Козлов видит мигающие красные огни семафора. Следовательно может перебежать, однако останавливается и смотрит, как медленно, под аккомпанемент пугающего звука, синхронно опускаются шлагбаумы. По ту сторону дороги дрожит «Клио». Такая же, как у Михаила, только белая. На крыше автомобиля два обручальных кольца и лебедь из папьемаше. Александр замечает, что в машине сидит только водитель. Молодожёнов на заднем сиденье нет. Следовательно пытается всмотреться в лицо мужчины за рулём, однако поздно — клубом снега пролетает грузовой поезд.

Войдя в номер, Козлов принимает душ и совершает все ежевечерние процедуры: чистит зубы, промывает нос, закапывает глаза и, обмакнув ватные палочки в йод, пытается помочь собственным ушам. Получается не сразу. Две первые палочки ломаются.

«Что-то с ними не так», — разглядывая маленькие, напоминающие вёсла орудия, думает следователь.

Завалившись на кровать, Александр берётся за журнал и, разломив его ровно посередине, решает прочесть первый попавшийся на глаза рассказ.

КАТАРАКТА

Начало конца. Убедившись, что собака уснула, Алексей делает второй укол. Включается смерть. Препарат блокирует работу дыхательных органов, и, жадно хватая воздух, животное задыхается во сне.

Собачье сердце остановится через несколько минут. Чтобы пристав смог убедиться в этом, ветеринар протягивает человеку в бахилах стетоскоп. В последний раз погладив собаку, Алексей подходит к окну и пытается вспомнить тот день, когда животное впервые попало сюда. В этих же числах, три года назад. Документы на развод были поданы. Жена проговаривала последние грубости, и Алексей искал новую квартиру. Едва собаку ввели в кабинет, он понял, что бедолагу привели умирать. После нескольких лет в клинике Алексей безошибочно определял животных, которых не собираются забирать. Хозяин не поздоровался:

— Скока стоит?

— Что именно?

— Сам знаешь.

Алексей действительно знал, но хотел, чтобы хамоватый мужчина проговорил эту просьбу вслух. Собака ветеринару понравилась, а человек нет.

- Усыпить — скока стоит?
- Вы можете спросить в регистратуре.
- Я уже к тебе зашёл, доктор, — там очередь.
- Мне сперва нужно взвесить её. До десяти килограммов — тысяча шестьсот рублей, после — две...
- А какая разница, скока она весит?
- От этого зависит количество препарата, которое я введу.
- Ясно, короче — два косаря?! Нехило ты тут навариваешь, Айболит.

Это был бассет, сука, лет пять от роду. Абсолютная лень как признак незаурядного ума и вековая печаль в глазах, которые теперь, впрочем, напоминали два мутных хрусталика. Сняв ошейник, к которому была приколотта георгиевская лента, ветеринар спросил:

- Как зовут?
- Владимир.
- Я про собаку.
- А... да какая теперь хер разница?! — улыбнувшись собственной остроте, прохрипел человек.
- Давно это с ней?
- Наверно... задрала уже всех... разносит весь дом, слепая дура.
- Почему вы раньше не обратились?
- Не видели.
- Понятно. Я бы на вашем месте не спешил — это катаракта. Думаю, что после операции со зрением всё будет хорошо.
- А скока стоит операция?

— Тридцать шесть тысяч.

— Тридцать шесть тысяч?! Вы чё, бахнулись тут все? Тридцать шесть тонн, чтоб псине глаза новые вставить? Это же собака, а не человек! Я же говорю — усыпить я её хочу...

— Хорошо — ответил ветеринар.

Пристав решает подойти к столу. Алексей даёт понять, что рано. Собака ещё задыхается. Окно открыто. Из музыкальной школы напротив доносится печальная (как осень) соната Скарлатти. Ветеринар слушает грустную мелодию и вспоминает, что тогда, три года назад, решил забрать собаку себе. У жены была аллергия, но с разводом эта проблема решилась сама собой. О бассете он никогда не мечтал. Знал только, что они своенравны, обидчивы и склонны к ожирению. Несколько лечил. Кажется, у всех были проблемы со спиной, но эта — эта ничего, оказалась крепкой.

Взяв две тысячи, ветеринар попросил хозяина подписать договор и отправил мужчину восвояси. Коллегам же объяснил, что усыплять собаку не хочет. Все всё поняли. Пожалели. Ветеринара. «Развод дело тяжёлое, — куря вместе с юными музыкантами на заднем дворе клиники, рассудили они, — человек всегда боится остаться один».

Перезвонив риелтору, Алексей уточнил, что ищет квартиру, «где можно с собакой». Женщина предупредила, что это будет дороже, но пообещала помочь. Вернуться домой Алексей больше не мог — будущая бывшая жена непременно нашла бы это маленькой и мерзкой мстью. Как результат, неделю, вместе с бассетом, Алексей провёл в своём кабинете. Протянув собаке открытую ладонь, он

дождался, пока животное обнюхает руку, и лишь после этого гладил бассета, но не по голове, а под подбородком, потому что так учили кинологи, и это конец начала.

На секунду оторвавшись от журнала, Александр тянется за телефоном и, взяв его, видит посреди экрана пропущенное сообщение от жены:

KOZLOV, PRIVET, KAK TVOI DELA?

Александр не знает, что ответить, а потому, отложив мобильник, продолжает читать.

Во время операции ассистент спросил:

— Как зовут?

Алексей задумался и спустя несколько мгновений, продолжив удалять катаракту, ответил:

— Фемида.

Стали свykаться. Он с её повадками — она с кличкой. Взяв в руки миску, Алексей подзывал собаку, и лишь когда животное отзывалось на новое имя, наклонялся и отдавал ей корм. К квартире Фемида привыкала долго и первое время гадилa в гостиной. Алексей был к этому готов, а потому делал всё, чтобы животное поскорее успокоилось. Если с новым домом возникли понятные проблемы, то двор, оказалось, напротив, сразу понравился собаке. Уже на первой прогулке ветеринар поразился, как уверенно Фемида ориентировалась на местности. Впрочем, спустя несколько лет он поймёт почему.

Зрение вернулось. Жена получила развод.

— Ты даже не представляешь, как я счастлива!

— Отчего?

— Оттого, что в моей жизни больше не будет животных, — чихнув на прощанье, ответила она.

С Фемидой было весело и непросто. Всякое её кормление превращалось в аттракцион. Чтобы длинные уши не оказывались в миске, Алексей закреплял их прищепкой. Ветеринар чувствовал, что собака тоскует по прежнему хозяину. Зачастую во время прогулки Фемида тащила ветеринара в соседний двор, будто там был её старый дом.

Зимой Фемида любила усесться на замёрзшую лужу и ждать, пока Алексей прокатит её. Весной, летом и осенью собака обожала пробежки, которые непременно заканчивались во дворе по соседству. Вечерами животное устраивалось в кресле и, сев рядом и открыв Большой толковый словарь, Алексей читал:

— Фемида — дочь Урана и Геи. Обладала даром прорицания и помогла Зевсу развязать Троянскую войну.

И это середина. Это середина, потому что здесь всё могло бы и закончиться, но однажды Фемида сорвалась и рванула туда, где жила до операции. Догнав бассета, Алексей увидел собаку в ногах мужчины, который, казалось, был ему знаком.

Фемида лаяла и виляла хвостом. Алексей не сразу узнал бывшего клиента, а она сразу. Собака скулила, рвалась к старому хозяину, но мужчина не спешил гладить её.

— Слушай, это же моя псина?!

— Ваша, — вдруг осознав, почему Фемиды так хорошо знала эти места, ответил ветеринар.

— Я же сказал тебе усыпить её!

— Мы с коллегами решили, что лучше вылечить собаку.

— Что, блядь, значит мы решили? Это моя собака!

— Да, но вы же отказались от неё...

— Это не твоё дело! Я тебе два косаря заплатил!

— Я могу вернуть вам деньги.

— Не нужны мне твои деньги — верни собаку тогда!

— Нет! — бывший хозяин попытался взять Фемиду, но ветеринар оттолкнул его и сбил с ног.

— Ну ладно, сука, — стряхивая с себя грязь, прорычал мужчина, — ты у меня ещё попляшешь!

Следующим же утром в клинике раздался звонок. Разгневанный клиент потребовал вернуть собаку и пообещал, «что всех выебет». Коллеги Алексея подумали, что не стоит обращать внимание на сумасшедшего (такие звонки время от времени случались), но спустя несколько недель ветеринар получил повестку в суд.

Написав сообщение бывшей жене, Алексей объяснил, что нужна помощь: «Ты всё-таки как-никак адвокат», — закончил он. Она долго отвечала гифками, но в конце концов согласилась участвовать в процессе. Бывшая жена объяснила, что действовать стоит следующим образом:

— Ты и сам знаешь, что по российским законам собака — имущество. Всякий владелец вправе распоряжаться собственным имуществом, как ему пожелается, вплоть до уничтожения. Если ты сожжёшь собственный шкаф —

тебе никто и слова не скажет. С животными, конечно, несколько сложнее — обращение с ними должно быть гуманным, однако если он будет настаивать на том, что хотел усыпить собаку потому, что она страдала, — мы бессильны. Можно было бы пойти на мировую, но судья этого не предложит, потому что наши судьи вообще не знакомятся с делами до процесса. Думаю, будет всего одно слушание — ни у кого нет охоты заниматься этой ерундой вечно. В общем, я тут подумала: мы начнём с того, что собака наша...

— Как это наша? Он же сможет легко доказать обратное!

— Как? Вызовет суку в суд? У нас, конечно, всякое происходит, но приобщать к делу допрос бассета вряд ли кто-нибудь решится. Пусть докажет, что собака его.

— Но это же легко сделать! Он может просто позвать её по старой кличке.

— Для этого нужно, чтобы судья согласилась вызвать собаку в суд.

— А они заберут Фемиду на время процесса?

— Ага, ещё и подписку о невыезде с неё возьмут.

— Я серьёзно!

— Да никому не нужна твоя собака, кроме тебя!

В ночь перед судом Алексей не мог уснуть. Он злился. Вся эта ситуация казалась ему абсурдной. «Чёрт, ты спасешь собаку, а за это тебя ещё и вызывают в суд!». Алексей сердился на Фемиду. «Как можно было так глупо поступить?!» Впрочем, собака, конечно, не могла знать, что все эти годы мечтала вернуться в руки смерти. Кроме этого,

ветеринара злили идиотские законы, согласно которым он, возможно, должен будет вернуть собаку. До самого утра Алексей ходил по комнате и пытался найти слова, которые, как ему хотелось верить, помогут спасти собаку.

Во время заседания в зале было душно. Судья зевнула и спросила:

— Вы свои права знаете?

Истец для чего-то буркнул «нет», и, цокнув, судья пробубнила права. Ходатайств не было, на мировую истец не пошёл. Словно вновь оказавшись за школьной партой, Алексей внимательно слушал женщину, представляющую интересы пострадавшей стороны. Дама уверенно бубнила:

— Опознав в собаке своё имущество, собственник решил защищать свои права в судебном порядке. Мы знаем, что нарушение прав собственника может быть двух видов: собственника лишают его имущества и он не может им владеть, пользоваться и распоряжаться либо собственнику мешают пользоваться имуществом и распоряжаться им. Мы понимаем, что в данном случае собственника лишили его имущества, а потому, во-первых, он предъявляет требование об изъятии имущества из чужого незаконного владения, а во-вторых, так как деньги были взяты, а собака оказалась живой — выдвигает требование о надлежащем выполнении оказываемых услуг.

Пока адвокат говорила, Алексей разглядывал зал. Он почему-то рассчитывал, что в зале непременно найдётся гипсовая статуя с повязанными глазами, но кроме парт и стульев здесь ровным счётом ничего не было. «Беднее

этого кабинета лишь внутренний мирок мужика», — посмотрев на истца, подумал ветеринар.

— Таким образом, — заканчивала представитель пострадавшей стороны, — мы считаем необходимым удовлетворить наш иск на основании 137-й статьи ГК РФ, согласно которой на животных распространяются общие правила об имуществе.

Когда адвокат истца замолчала, Алексей приготовился отвечать на вопросы. Бывшая жена велела врать. «Если судья спросит, чья собака, — говори, что наша». Для себя же Алексей решил, что лгать не станет, что расскажет правду. «Я отвечаю, — думал Алексей, — что просто захотел спасти животное». Ветеринар не сомневался, что лобой здравомыслящий человек займёт его сторону. Алексей наивно полагал, что ситуация предельно понятна и никаких других решений, кроме как оставить животное у него, быть не может. В отличие от ветеринара, его бывшая жена иллюзий не питала. Женщина прекрасно понимала, что добрая воля не имеет к закону никакого отношения. Взяв слово, женщина заявила, что, подписав соглашение на усыпление, бывший собственник автоматически лишился права владения, а значит, никаких прав на собаку он больше не имеет...

Выслушав обе стороны, судья заявила, что суд удаляется в совещательную комнату. Формально соблюдая закон, женщина встала из-за стола, подошла к двери, открыла её и... вернулась на своё место.

— Ознакомившись с делом, суд постановил, что ответчик не должен возвращать собаку истцу, так как, пе-

редав собаку клинике на усыпление, истец действительно потерял право обладания имуществом, что было прописано в договоре, который истец подписал. Это первое. При этом суд согласился с тем, что услуги по усыплению животного были оказаны ненадлежащим образом, и обязует ответчика выполнить возложенные на него обязательства в полном объёме. Хорошего дня.

Конец. Сердце Фемиды останавливается. Ветеринар даёт понять, что теперь можно. Пристав подходит к столу и, приложив стетоскоп к собаке, убеждается, что маленький насос больше не качает кровь. Животное мертво. Пристав положительно кивает, и, резким движением стянув синие резиновые перчатки, Алексей бросает их в корзину. Вероятно по велению педагога, где-то там, в музыкальной школе, ученик или ученица начинает играть сонату Скарлатти заново. Круг замыкается, и справедливость торжествует.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Сёстры сидят на ковре. Волнистые волосы, песчаного цвета платье и бирюза в глазах. Обе в наушниках. Любовь в позе лотоса, Вера с ноутбуком на коленях. Прислушиваясь к воздуху, что щекочет ноздри, Любовь старается контролировать собственное дыхание, а в это время, бок о бок с сестрой, Вера смотрит политическое ток-шоу.

Вере беспокойно. Эксперты, которым девушка всецело доверяет, в один голос утверждают, что вот-вот начнётся третья мировая война. Американцы нападут на Россию, и от Острога, если всё будет так, как рассказывают в программе, ничего не останется. Вера волнуется, а Любовь нет.

Любовь медитирует. Любовь медитирует, и Вера не сомневается, что Россия сможет ответить.

«Когда американцы запустят свои ракеты, наши ментально полетят в их сторону».

Вера знает, что Чикаго и Вашингтон будут стёрты с лица земли, но особого спокойствия и уверенности это почему-то не придаёт. Вера тревожится, а Любовь нет.

Любовь медитирует и старается сосредоточиться на собственном животе. В её наушниках звучит умиротворяющая музыка, и девушка не думает о войне; и очень зря! — уверена её сестра.

«Из-за таких, как она, — не сомневается Вера, — Россия и превратилась в то, во что превратилась. Она всё принимает. Вся эта её доброта наносит нам только вред! Нам всем, — твёрдо убеждена Вера, — нужно не добро, а элементарный патриотизм. Если бы мы почитали свою родину, если бы ценили по-настоящему, всецело и горячо — не было бы у нас никаких проблем. Всё дело только в том, что мы просто не хотим принять себя такими, какие мы есть. Всё смотрим на Запад, всё хотим подражать им, а мы не такие — у нас своя судьба, свой особенный путь. Да, мы вот такие, совершенно особенные и ни на кого не похожие!»

— Для чего ты это делаешь? — со злостью, вдруг выдернув наушник из уха сестры, спрашивает Вера.

— Что именно?

— Ну это — сидишь с закрытыми глазами! Тебе что, мало нашего спокойного городка?

— Нет, дорогая, мне его, пожалуй, даже слишком много...

Фыркнув, Вера отбрасывает наушник сестры, но к токшоу не возвращается. Вера смотрит на висящую в углу комнаты старообрядческую икону и разрешает себе признать, что думает о самоубийстве.

Вот уже несколько недель Вера опасается, что сестра нанесёт удар первой. Ей кажется теперь, что Любовь добьётся в суде права на разделение и сделает операцию. В этом случае Вера погибнет, потому что все жизненно

важные органы находятся в теле Любви. Принять этого Вера не может. Такой исход кажется ей несправедливым, а потому Вера решает, что должна сделать первый шаг: «Всё это спокойствие и медитация, вся эта её притворная доброта говорят только о том, что Любовь уже решилась, что эта гнида вот-вот убьёт меня».

Выход из сложившейся ситуации Вера видит только один — отравиться первой.

«Раз уж сестра уготовила мне такую участь, — подводит итог Вера, — я заберу её с собой. Вместе мы были рождены — вместе и умрём!»

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На Острог опускается зловещее молчание. Осознав наконец, что где-то рядом поселилась настоящая беда, местные жители стараются не покидать дома. В повисшей тишине не будят лихо, и большинству острогчан кажется теперь, что эпидемия подростковых самоубийств вот-вот перекинется и на обычных детей.

Повстречав на улице прохожего, здороваются едва заметным кивком и всё же, преодолевая страх, заговаривают, чтобы продлить жизнь слухам. Наткнувшись на подвыпивших и весёлых журналистов, сперва говорят сухо и напряжённо, однако уже спустя несколько минут, расслабившись, подобно выпущенному из баллонов газу, дают страхам и самым абсурдным предположениям вновь и вновь расплзаться по всей стране. Оторопь будоражит, а ужас пьянит. Перед камерой или диктофоном шепчут теперь, что появился серийный убийца, что жертв на самом деле не четыре, а двадцать и что многие лично видели подозрительного человека, и даже не одного! Молнией журналисты рапортуют об этом в Москву, и, быстро составив

фоторобот подозреваемых, Михаил угадывает в преступниках Фортова и Козлова. Местный следователь плюёт от злости и просит острогчан прекратить балаган, потому что у него уже имеется разгадка, о которой, впрочем, он до сих пор предпочитает молчать.

С восьми утра Михаил ждёт столичных коллег возле общежития. Припарковав «Клио» мордой к зданию, он читает подборку смешных газетных заголовков в своём телефоне. Закончив, набирает Козлова:

— Александр Александрович, вы выходите? Мы со Львом вас в машине давно ждём.

— Езжайте! Я пройдуся.

Выйдя на улицу, Александр тотчас возвращается в белый Острог. Возле общежития припаркована битая «девятка», и в её тонированных стёклах отражается местная агора — отделанный сайдингом мини-маркет. Рядом со входом висит афиша предстоящих матчей острожского «Шанса». Козлов переступает через хребет замёрзшей грязи и идёт вдоль заборов, поверх которых наклеена одна и та же аккуратно выписанная от руки реклама: «Качественный солярий без последствий». То и дело под ногами оказывается какой-нибудь мусор, пачки сигарет, упаковки таблеток. Даже заложенный нос улавливает запах сероводорода.

«Край мира, — вновь думает Козлов, — обрыв земли».

Заброшенный дом, ничего, покрытый снегом борщевик, ничего, борщевик и опять ничего. Ржавая бочка как

событие, одинокий почтовый ящик и нелепо торчащий здесь рекламный билборд. Остановившись перед ним, Александр поднимает глаза и видит, что сверху вниз на него смотрит бывший, выгоревший теперь мэр. Плакат изрядно потрепался, порвался сразу в нескольких местах, однако различить уверенное лицо экс-градоначальника несложно.

«Почему его до сих пор не сняли?» — удивляется следователь.

Пересекающий весь плакат предвыборный лозунг гласит:

«Аркадий Кичман — делаю добро!»

Вспоминая свой предыдущий визит, Александр ещё некоторое время смотрит в потускневшие глаза человеку, который теперь за решёткой, и только после этого продолжает ход.

Всю первую половину дня Александр продолжает изучать собранные местными следователями материалы.

Евсеев Алексей Петрович

прибыл в 2011 году. Мать, Евсева Наталья Анатольевна, лишена родительских прав, отец, Евсеев Пётр Михайлович, ЛРП.

Физически Алексей развит слабо. Худощавого телосложения, движения несколько заторможены. Быстро утомляется.

Отношения с одноклассниками сложные, зачастую злится, психует, может разорвать книгу, разбросать,

разжевать карандаш, не способен критически оценивать свои поступки.

Нет адекватного понимания, что такое хорошо, что такое плохо. Играть в коллективе не может и не хочет, создаёт конфликтные ситуации.

Со стороны взрослых требуется постоянный контроль.

У Алексея не сформированы санитарно-гигиенические навыки, грязный, неопрятный, за собой не следит и к своему внешнему виду равнодушен, он изжёвывает края одежды и постельного белья. Нужен постоянный контроль за внешним видом, чистотой одежды, рук, причёской.

Поведение неустойчивое, легко поддаётся влиянию окружающих, чаще всего негативному. В контакт входит легко, старается показаться лучше, навязчив. Не может усидеть на месте, беспокойный и вертлявый, неусидчивый, характерны забывчивость, сексуальная расторможенность, суетливость, излишняя подвижность, лживость. Плохо владеет своими чувствами, легко впадает в истерику, быстро переходит от радости к грусти, неуравновешен.

У Алексея неконтролируемое передвижение по комнате, преобладает бесцельное хождение; неорганизованный, не способен закончить начатое дело. Не умеет сконцентрироваться на одном занятии, с трудом может выбрать что-то одно.

Одновременно могут возникать взаимоисключающие желания: играть в футбол, курить, драться, играть на компьютере; поэтому ничего не доводит до конца, и, как правило, отсутствует результат.

Время от времени Фортов задаёт идиотские вопросы, но Козлов не считает нужным на них отвечать. Александр неважно себя чувствует, к тому же совсем не выспался. Полночи следователь думал о самом важном деле в своей жизни: показания жены и теперь, спустя несколько лет, не устраивают его. Версия «Я просто разлюбила тебя» кажется следователю совершенно несостоятельной. В его картине мира так быть не может. Опыт подсказывает Александру, что ответ нужно искать где-то ещё. Раз за разом с самого начала прокручивая отношения с супругой, Козлов пытается найти одну-единственную причину, которая могла бы всё объяснить. Ему очень хочется, чтобы всё стало ясно, прозрачно и понятно, чтобы дело, дело разрушения его семьи, даже если на скамью подсудимых придёт сестра самому, можно было довести до конца.

«Дане сорок, — глядя в потолок и положив руки под голову, полночи шепчет он. — Она устала, устала от жизни, от отношений, от работы, а я был холоден и ничего не замечал. Ей хочется опять пожить. У неё кризис, кризис, конечно, кризис среднего возраста, да ещё и столько забот кругом! Она просто желает сбежать, спрятаться, и ничего особенного в этом нет... Это нужно принять, нужно принять, Козлов, а ты...»

Когда в четыре утра ему всё же удаётся уснуть, приходят сёстры. Козлову снится, что Любовь и Вера оказываются в его квартире. Сперва девушки в красивом вечернем платье, затем, резко сорвав его, остаются в нижнем белье. Как это всегда бывает во сне, всё происходит стремительно, и Александр едва успевает улавливать смысл происхо-

дящего. Весь сон на шаг позади. Спросиесь в районе живота, Люба и Вера не выглядят теперь отталкивающими, и даже наоборот — они возбуждают. Козлов видит перед собой два идеальных тела, которые будто бы специально сшиты друг с другом. Следовательно снится, что, пока Вера расстёгивает лифчик себе и сестре, Любовь засовывает руку в его трусы. От восторга и возбуждения перехватывает дыхание. Происходящее Козлову нравится, и он целует одну из сестёр. Девушка делает всё так, как он любит. Первой сверху оказывается Вера. Она постанывает, впрочем, делает это негромко, но завораживающе. Всё это время Любовь продолжает гладить его и целовать то в мочку уха, то в шею, то в плечо. Козлов тяжело дышит и видит, что над головами сестёр висит герб России. Следовательно удивляется, потому что не понимает, для чего же после развода Дана повесила двуглавого орла в их спальне... Впрочем, она же судья...

Сон странный, но приятный, тревожный, но сладкий. Козлов получает удовольствие, но вместе с тем боится, что в спальню вот-вот войдёт супруга. Александру страшно, что он не сможет оправдаться. Осознав это, Козлов пытается остановиться, но сёстры не дают. Эринии, вцепившись в него, они продолжают оргию. Александр пробует оттолкнуть девушек, но они оказываются гораздо сильнее. Одна теперь держит его, другая продолжает оставаться сверху и, покачиваясь взад-вперёд, зло смеётся и царапает его. Козлов просит сестёр остановиться, но девушки и не думают, продолжая терзать. Когда спустя мгновение Дана действительно входит в комнату, Александр кричит и от собственного крика просыпается...

Читая очередное донесение, Козлов время от времени смотрит на покосившийся герб и размышляет теперь над тем, как двуглавый орёл пробрался в его сон.

Больше другого Александра впечатляет теперь не само сновидение, но мысль, что приходит к нему с пробуждением. Козлов понимает вдруг, что его сны есть продукты автономной работы мозга. Пока он живёт, раследует, печалится, какая-то часть его головы, не привлекающая внимания, занята собственными делами, готовя постановку, в которой аккуратно описаны страхи. Никогда раньше Александр не задумывался над тем, что мозг его, подобно жене, может жить своей собственной, свободной жизнью.

«Быть может, и с ними так? — теперь рассуждает следователь. — Что, если мысль о самоубийстве зародилась в этих ребятах сама собой, в глухой и неподконтрольной провинции сознания? Что, если они даже не фиксировали её, не думали о суициде, но однажды во сне к ним пришло осознание неминуемости этого поступка?»

Погружён в свои мысли и Фортов. Работать в таком режиме он не привык. Каждые пять минут Лев отвлекается на какое-нибудь видео и теперь смотрит очередной клип:

Отдыхать, конечно, приятней в Греции или Ницце. Не поеду на Форос, говорят, там перебои с электричеством. Но если кто меня спросит: иметь бизнес тут или за границей — То тут я сторонник российских традиций.

Кого надо, допросим, порешаем, кирпич вовремя уроним, Рыбам скормим, кто не нужен — того похороним.

Слишком резвых мы на зоне трудоустроим. За своих мы до конца стоим, понял?

— Александр Александрович, а этих сиамских близняшек разъединят, да?

— Нет.

— Почему?

— А на каком основании их должны разъединить?

— Но ведь Михаил говорит, что одна из них подала заявление...

— У них общие органы, Фортов. Если проведут операцию, одна из сестёр умрёт. Какой врач на это пойдёт без решения суда? Правильно, никакой! А в суде им откажут, потому что случай не предусмотрен действующим законодательством. Для разрешения принудительного медицинского вмешательства нет оснований. Решение суда первой инстанции они, конечно, смогут обжаловать в суде апелляционной инстанции в течение месяца, но никто этого, поверь мне, делать не станет. Помирятся и будут жить себе, как раньше.

— А я вот тут прочёл, что в Британии была похожая история и одна из близняшек сумела-таки доказать, что вторая истощает её органы, — и их разделили!

— Фортов, а откуда у тебя время всё это читать? Ты что, уже ознакомился со всеми томами?

— Александр Александрович, давайте серьёзно! Сколько бы страниц мы ни прочли — нам же всё равно не удастся найти ответ!

— Удастся, Фортов, обязательно удастся! В пятницу утром мы должны сообщить, как поступаем с делом, и, значит, к этому времени у нас с тобой будет решение!

- Прочитав все эти беседы с детьми, вы найдёте ответ?
- Да, Фортов, найду! — резко сказав это, Козлов прерывает разговор и вновь погружается в документы.

Похрустывая пальцами, Фортов злится. В американских фильмах, которые он вспоминает второй день подряд, детективы вечно висят на телефонах, закидывают ноги на стол, а затем вдруг вскакивают и куда-то едут по живописной местности. Пончики, взрывы, двадцать выстрелов из одной обоймы. Фортов хочет хоть какого-то соотвественствия жанру, но в этой глубинке нет ничего из того, что он себе представлял: ни красивого «Форда», ни слегка поворачивающегося то вправо, то влево руля. Льву кажется, что только он по-настоящему похож на детектива. На нём чиносы и оксфордская белая рубашка с закатанными рукавами. Не хватает только жетона и кобуры, и это тоже немного расстраивает. Лейтенант юстиции мечтает о кабинете, где есть жалюзи и большое окно, через которое можно следить за допросом. Он хочет пить кофе из белой кружки с эмблемой NYPD и давить на подозреваемых, как это обыкновенно делают его любимые герои:

- Послушай, детка, я знаю, что ты вляпалась по полной...
- Вы, фараоны, вечно несёте чепуху!
- Лучше бы тебе не играть со мной в эту игру, малышка.
- У вас ничего на меня нет, тупые копы!
- Думаешь, ты крепкий орешек?
- Я больше не буду говорить без моего адвоката!
- Спрятать бы тебе свои коготки...

Пока Фортов мечтает, Козлов продолжает думать о подростках. Александр признаётся себе, что по-прежнему ничего не понимает про этих ребят. Будто автор, который решил написать роман о череде детских самоубийств и тщательно описал всех персонажей, Александр не знает, как подступиться к самым важным героям — воспитанникам детского дома.

«Что у них в головах? Что теперь чувствуют те из них, кто (пока?) остаётся в живых? О чём продолжают мечтать эти ребята, если четверо уже предпочли смерть?»

Чтобы ответить или хотя бы попытаться ответить на этот вопрос, Козлов приглашает на беседу сразу несколько воспитанников разных возрастов.

Картина передвижников. Группой они входят в кабинет и на протяжении битого часа так и держатся друг другом, оставаясь единым целым.

Первое, что бросается в глаза, — эти дети избегают разговоров о собственных буднях. Всякий раз, когда Александр спрашивает их о быте, когда задаёт вопросы вроде: «А чем вы здесь занимаетесь?» — подростки уходят в себя. Как и в случае с беременной девочкой, речь этих ребят отрывиста и коротка. Только сухие односложные предложения. На всё у них есть хлёсткие, но вместе с тем нейтральные ответы. Чаще всего только «да» или «нет». Стоит только Козлову копнуть чуть глубже, дети теряют к нему и без того весьма поверхностный интерес. О себе они говорить не хотят.

Беседы не получается. Напуганные или безразличные, дети эти так и не открываются. Второй день работы в Остроге не приносит ничего нового. Когда Фортов выво-

дит ребят, Александр думает о дочери и только расстраивается, что лишний раз потревожил и без того затюканных детдомовцев.

Попрощавшись с живыми, Козлов возвращается к мёртвым. Он всё ещё не понимает их, но теперь довольно хорошо знает. Александр может с лёгкостью назвать группу, которую любила слушать Оксана Цветкова, и марку пива, которую предпочитали мальчишки; Козлов помнит цвет, в который обыкновенно красила ногти Оля Гагарина, и все команды, которым симпатизировали пацаны. Александр с закрытыми глазами может описать лица покончивших с собой детей и, если бы только понадобилось, ничего не путая, пересказал бы их биографии, что в общем-то не так уж и сложно, ведь все они остаются довольно схожими: непутёвые родители и бесконечные детские дома.

На приобретение этих знаний уходит несколько часов. Теперь, перекладывая документы, Александр вдруг натывается на чистый лист. Разглядывая бумагу, следовательно впервые в жизни задумывается, как сложно порой выразить то, что чувствуешь. Как непросто, осознаёт он, найти нужные обороты. Не идти на поводу у собственного словаря, не потакать случайности, но попытаться найти единственно правильные слова.

Александр решает, что пора заканчивать. Как и днём ранее, Козлов предпочитает ужинать один.

По данным Росстата, в 2017 году в России в результате самоубийства погибли 14,4 тысячи человек — в два раза больше, чем от убийств или отравления алкоголем.

Статистики по суицидам среди сотрудников МВД нет, её не публикуют, однако специалисты говорят о сотнях случаев в год.

В 2003 году автор журнала «Психопедагогика в правоохранительных органах» главный научный сотрудник всероссийского НИИ МВД Гульшат Човдырова пишет, что «в последнее время ОВД ежегодно теряют от 200 до 400 лиц рядового и начальствующего состава, покончивших жизнь самоубийством».

Другой исследователь, Александр Сухинин, в 2011 году, ссылаясь на данные того же отдела суицидологии московского НИИ психиатрии, утверждает, что ежегодно из-за самоубийств органы внутренних дел теряют от 200 до 430 сотрудников. Профессор Сухинин, обобщивший и проанализировавший сведения о 2341 зарегистрированном случае завершённых и незавершённых суицидов среди личного состава МВД, выделил пять наиболее типичных конфликтных ситуаций, становящихся причиной самоубийства.

Во-первых, это конфликты, обусловленные «специфической служебной деятельностью и взаимодействия в коллективе органа внутренних дел», — к ним относятся неудачи в исполнении того или иного задания, межличностные конфликты с сослуживцами, проблемы в отношениях между начальниками и подчинёнными.

Второй по распространённости причиной самоубийств среди полицейских профессор Сухинин называет личные и семейные конфликты. По его подсчётам, на эту причину приходится от 40 до 60% случаев суицидального поведения полицейских — в том числе из-за ревности, супружеской измены, несчастной любви и других личных неурядиц.

В-третьих, причиной суицида часто становится «антисоциальное поведение» самого полицейского, указывает исследователь: «страх перед возможным наказанием за правонарушение, опасение уголовной ответственности, боязнь позора за свои негативные поступки».

Четвёртой причиной суицида, по классификации Сухинина, становятся материальные трудности.

Последней причиной в классификации Сухинина названы конфликты, обусловленные состоянием здоровья сотрудника полиции: «психические заболевания, хронические соматические заболевания, физические недостатки — дефекты речи и особенности внешности, воспринимаемые как недостаток».

В большинстве случаев после самоубийства полицейского Следственный комитет возбуждает уголовное дело по статье 110 (доведение до самоубийства), однако вскоре расследование прекращают за отсутствием состава преступления.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

«Бастилия» по-прежнему набита журналистами. Им бы вернуться домой, но народ продолжает с удовольствием смотреть шоу, а потому командировки продлевают.

Сев за барную стойку, Александр прислушивается теперь к разговору двух корреспондентов. Молодые люди спорят о лучшем месте для летнего отпуска. Первый настаивает, что отдыхать нужно только и только на Корфу, второй утверждает, что летом и Миконос неплох.

Козлов берёт в руки меню и, быстро пробежав его глазами, заказывает отбивную с рисом и графин водки. Достав капли, Александр собирается закапать глаза, но в этот момент с ним вдруг заговаривает бармен:

— Дети потому так делают, что у нас здесь старообрядцы живут, а они в любом веке массовыми самоубийствами грешат. И жгли себя, и топились, и в землянки с голодудохнуть уходили.

Журналисты тотчас прекращают спор и превращаются в слух. За несколько проведённых в Остроге дней подобной версии никто не выдвигал. Козлов смотрит сначала на них, а затем на бармена:

— А тебе-то это откуда известно? Дед рассказывал?

— Нет, дед мне ничего не рассказывал. Это я у Акунина прочитал. Там тоже следователь, вроде вашего, самоубийства расследовал, только его, это, Фандорин звали.

Теперь уже журналисты с интересом разглядывают Козлова.

— А, ну раз Акунин, тогда понятно! Слушай, а ты откуда знаешь, что я следователь?

— Вы что, смеётесь?! Да тут все знают, что вы приехали разобраться.

— И как думаешь — получится у меня?

— А чего же не получится? Говорю же вам — у этих детей самоубийства в крови, здесь и расследовать-то особенно нечего.

— Хорошая версия. Может, тебе это... оставить свои бокалы — и к нам, в Следственный комитет?

— Нет уж, спасибо, я уж как-нибудь лучше здесь...

— Только ведь, старина, дети эти неместные, со всей страны собраны, нет у них ничего общего...

— Дети, может, и неместные, а горизонт традициями уложен. К тому же священник-то наш, отец Каземат, в детский дом на беседы не единожды заживал. Уж наверняка он им что-нибудь и про гари, и про крещение огнём рассказывал...

— Но из детей-то никто так не поступил, — вдруг вставляет один из журналистов.

— А зачем им именно так поступать? — переведя на него взгляд, отвечает бармен. — Так-то поджигать себя страшно и больно — они же просто из жизни уйти хотели, а не мучиться.

— Здесь, в «Бастилии», бывали эти ребята? — не обращающая внимания на журналистов, спрашивает Козлов.

— Нет, конечно! Откуда же у них деньги на ресторан? Они бухло в ларьке покупали.

— Ясно. Похоже, и мне придётся, если ты наконец не нальёшь...

Бармен принимает упрёк и не сходя с места правой рукой тянется к холодильнику «Атлант». Журналисты возвращаются к спору о Греции, и пока бармен наливает водку, Козлов записывает в блокноте, что завтра же нужно поговорить со священником.

— Я вам не помешаю?

— А, это опять ты... Садись, только я всё ещё ничего не нашёл...

— Я понимаю... — сев по левую руку от Александра и поставив на барную стойку бокал с дешёвым белым вином, с доброжелательной улыбкой отвечает Агата.

— Всё думаете о самоубийстве, да? — сделав глоток, спрашивает журналистка.

Вопрос этот ставит следователя в тупик.

«Откуда она может знать? Неужели я действительно выгляжу как человек, который собирается покончить с собой?»

Козлов признаётся себе, что идея последнего поступка время от времени действительно проскальзывает в его голове. Теперь он живёт с ней сообща, стараясь, правда, отодвигать подальше. О самоубийстве Козлов думает много, но теперь склоняется к тому, что поступок этот будет слишком простым и навсегда оставит отпеча-

ток на жизни жены и дочери. Опытный следователь знает, что люди, имеющие самоубийц среди родственников, чаще и сами решаются на этот шаг. В его семье таких нет, и Александр не хочет становиться первооткрывателем. Порой где-нибудь на мосту он смотрит вниз и думает, что прыгнуть сейчас было бы самым славным решением, однако что-то останавливает его, и в такие моменты, сдерживая самого себя, он даже специально отходит подальше от края.

В первые месяцы после расставания Козлов действительно посматривал на пистолет. Заглядывался он и на крюки, и на окна, и, конечно, на ремень, который можно закрепить на ручке двери (любимый способ большинства следователей). И всё же надежда на возвращение жены хранит его. Козлов верит, верит искренне, что всё будет хорошо. Лишь в реконструкции семьи Александр видит теперь смысл собственной жизни.

— Почему вы задумались?

— Потому что не знаю, что тебе ответить...

— Вам не нужно кончать с собой — вы красивый.

— Ого...

— Да, а что здесь такого? Мне кажется, что вы очень красивый мужчина, но вот только я до сих пор не знаю, что вы за человек...

— А зачем тебе это знать? Чтобы потом написать об этом?

— О господи! Да кому вы нужны?!

— Никому, это верно...

— Почему вы выбрали эту профессию?

— Не знаю... Хороший вопрос... В детстве я любил разгадывать загадки. Мне нравилось, когда вечерами вместе с папой и мамой мы читали что-то вроде чехословацких комиксов, в которых вместе с детективом Шукой нужно было распутывать преступления. Потом я, как и все мальчишки, читал Конан Дойля и твою тёзку Агату, так что ничего особенного — всё как-то само собой получилось.

— А есть дела, которые вам до сих пор не удалось раскрыть?

— Есть, конечно...

— И они мучают вас?

— Нет, не то что мучают... разве что только одно...

— Расскажите?

— Не-а...

Козлов замолкает и смотрит в сторону дверей, из которых официанты выносят еду. Следователя в очередной раз не удаётся разговорить, и журналистка думает теперь, что этот мужчина нравится ей. Она не врёт, когда говорит, что находит его красивым, к тому же ей кажется, что он сдержан и умён. Возможно, для неё он слегка старомоден и простоват, но, с другой стороны, в отличие от всех её слащавых коллег, кажется по-настоящему сильным и спокойным.

— Ладно, вижу, что вы не очень рады моей компании...

— Если ты не против, я бы просто поужинал и пошёл спать.

— Да-да, исчезаю! — с пораженческой улыбкой отвечает Агата и, на прощанье погладив следователя по плечу, встаёт из-за стойки.

Когда журналистка уходит, Козлов не провожает её взглядом, но остаётся верен своим словам: он быстро направляется с ужином, допивает водку и расплачивается.

Выходя из «Бастилии», Александр окидывает зал взглядом, но решает, что петь (хотя ему теперь очень этого хочется) на этот раз не будет — журналисты наверняка заснимут его даже в так называемой вип-комнате.

Возвратившись в номер, Козлов принимает душ, валится на кровать и, пролистав в телефоне с сотню фотографий дочери и жены, решает, что пора засыпать.

Вместе с Александром в царство открытых дверей отправляются детдомовцы.словно тюремные надзиратели, по коридорам снуют воспитатели. Строгими головами они объявляют, что скоро отбой. Ночные нянечки заглядывают в спальни и следят за тем, чтобы все воспитанники надлежащим образом отходили ко сну. Дабы исключить саму возможность следующих самоубийств, за подростками теперь постоянно следят. 24/7. Каждый день здесь проводят воспитательные беседы и, внимательно всматриваясь в лица детей, пытаются вычислить тех из них, кто собирается последовать примеру четвёрки. Получается плохо. Настоящий саботаж. Директриса рассказывает Михаилу, что во время прогулки мальчики и девочки только и делают, что смеются. Развлечений здесь не так уж и много, поэтому даже шестнадцатилетние ребята не считают зазорным играть в «покойников» с малышами. Правила простые: мёртвые догоняют живых. Каждый, кого коснулись «покойники», переходит на сторону смерти. Выигрывают два последних человека,

которым в награду выпадает честь начинать следующий круг мертвецами.

— И им нравится?

— Очень! Они даже в компьютерные игры так много не играют!

Напуганные и озабоченные, воспитатели детского дома делают (как им кажется) всё, чтобы у следователей и журналистов не осталось вопросов. Детей всячески развлекают. Вне плана. Только на этой неделе их дважды ведут в местный кинотеатр, где показывают «Одиссею».

Чудеса заботы и анимации. Что ни день, то баловство. В срочном порядке на детей обрушивают добро. Собрав их в одной комнате (всех до одного), и большим и маленьким воспитанникам читают «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». Дети узнают теперь, что, пользуясь дудочкой, мальчик выводит крыс из замка и топит. Большие и малые, заколдованные голосом воспитателя, ребята с удовольствием слушают шведскую сказку и восхищаются Нильсом, не подозревая даже, что судьба уготовила им участь крыс.

После чтения перед детьми выступают выпускницы детского дома — Вера и Любовь. Девушки выходят на сцену актового зала и дают полноценный концерт в четыре руки. Любовь исполняет отрывок из переложения квартета Аренского; затем, перехватив мелодию у сестры, Вера играет Грустный вальс Яна Сибелиуса.

После концерта устраивают дискотеку. Благодаря череде самоубийств её продлевают на полчаса. О таком подарке можно только мечтать. Под медленную и лиричную

музыку танцуют девочки, под быструю и агрессивную слэмятся парни. Раньше воспитательницы не позволяли толкаться и размахивать руками, однако главный врач говорит теперь, что это даже полезно, что так подростки избавляются от накопившейся в них агрессии. Время от времени звучат примиряющие хиты, и в такие моменты даже учителя встают, чтобы аккуратно, сдержанно и корректно потанцевать.

В конце дискотеки, как заведено, ставят песню для последнего медленного танца. Мальчики приглашают девочек и тотчас прижимаются к ним вплотную, чтобы немного потереться. И Анжелика Варум поёт:

Ах как хочется вернуться,
Ах как хочется ворваться в городок!
На нашу улицу в три дома,
Где всё просто и знакомо, на денёк.
Где без спроса ходят в гости,
Где нет зависти и злости,
Милый дом,
Где рождение справляют
И навеки провожают всем двором.

Когда звучит последняя нота, в спортивном зале загорается свет. Воспитанников отправляют по комнатам и приказывают счастливо спать.

Прежде чем на пустыни и леса опускают небеса, воспитатели совершают ежевечерний обход. Заглядывая в комнаты, строгие женщины проверяют столы и тумбочки:

первые должны быть абсолютны чистыми, вторые непере-
полненными. В полиэтиленовый пакет собирают мобиль-
ные телефоны, и только после этого официально наступа-
ет ночь. В коридорах гаснет общий свет, но дети не спешат
засыпать. Натянув одеяло до самого подбородка, каждый
теперь думает только об одном.

— А ты тоже сделаешь это?

— Я что, дурак, что ли?!

— А я думаю, сделаешь.

— Почему?

— Потому что тебе незачем жить...

— У меня много планов!

— Не смейся! Какие у тебя могут быть планы?

— Я, когда выйду, уеду отсюда, поступлю в универси-
тет, стану адвокатом и буду защищать права детей.

— В университет? Да ты слово «будущее» не можешь
написать без ошибки!

— Бу-ду-ю-ще-е.

— Ладно, можешь, но всё равно! Ты же понимаешь, что
они сделают с нами.

— Только не со мной! Я знаю свои права!

Дети спорят. Одни верят, что впереди что-то есть,
другие, слишком рано повзрослев, понимают, что ниче-
го хорошего их уже не ждёт. Быть маляром в Остроге?
Не худший вариант. Выйдя из одной тюрьмы, им, скорее
всего, придётся отправиться на работу в другую. Пред-
ложений не так уж и много, и большинство воспитанни-
ков, если только сразу не попадают в ПНИ, идут верту-
хаями в зону.

Ночная воспитательница ещё раз отдаёт приказ, и, виновясь, дети всё же закрывают глаза. Сговора нет, но каждый теперь вспоминает тот чудесный день, когда несколько лет назад всех их собрали в актовом зале и ошарашили невероятной новостью.

«Ну что, дармоеды! — внезапно громко и торжественно обращается к воспитанникам директриса. — Даже не понимаю, за что он вас так любит!»

Сев на край стоящего на сцене стола, женщина засовывает руки в карманы застёгнутого на все пуговицы пиджака и объясняет, что мэр города так впечатлился последним выступлением ребят, что решил отправить их на море.

— Всех?

— Да!

— А это правда?

— Да говорю же вам, да!

Не открывая глаз, чтобы только не разбились самые дорогие в жизни картинки, дети вспоминают теперь, что директор не обманула. В срочном порядке им действительно сделали загранпаспорта, проставили визы и уже через несколько месяцев отправили на отдых в Грецию. Всех до одного. И больших, и маленьких.

Сперва автобус до аэропорта. Путь не такой уж и длинный, но достаточный для того, чтобы каждый почувствовал себя великим первооткрывателем, — по правую руку сидят Колумбы, по левую Васко да Гамы. Будущие герои мифов и легенд, ребята глазекуют в грязные окна автобуса, стараясь досмотреть проплывающий вид до конца: здесь всё тот же бесконечно большой лес, стоя-

щие шеренгой столбы, лесопилки, фонари и провода, провода, провода...

После первого перелёта на ребят обрушивается невероятная Москва.

— Мы уже на море?

— Да нет ещё, вы что?!

Дороги по пять полос в каждую сторону, чёрные машины с мигалками. Шум, гул, гам! Пробки, храм Христа Спасителя и целых десять минут на фотографии у Мавзолея. Боже, сколько там, в этой Москве, людей! Сколько там теней! Человек в костюме телефона, живые Сталин и Ленин в ушанках! Ох, и какая же красивая у нас, оказывается, столица, какая же большая у нас страна! А сколько там детских площадок! И с качелями, и с горками, и даже с футбольными полями, на которых у ворот есть сетки!

Кичман мог бы просто отправить детей к морю, но он решает, что будет славно, если ребята сходят ещё и в «Макдоналдс». Нет, вы только представьте себе: стеклянные лифты, эскалаторы, светофор с человечком, у которого двигаются ноги, а потом ещё и бигмак!

— А картошку фри можно?

— Да, всем можно!

— И кока-колу тоже?!

— И даже хэппи-мил!

— Евсеев, Цветкова, вам что?

Дорога в Шереметьево на аэроэкспрессе, турникеты, через которые нужно проходить, приложив билетик к лазерным полоскам, и выход к самолёту через рукав. Стюардессы и самый настоящий капитан, с погонами и в белой

рубашке! Бесконечная фанта и бесплатная — и очень вкусная — еда! Всё это не в мечтах, не во сне, а по-настоящему, и всё как в кино: пристегните ремни, разгон, взлёт...

Даже сейчас, спустя несколько лет, дети с лёгкостью вспоминают все города, над которыми тогда пролетали. Засыпая в спальнях Острожского детского дома, они повторяют их ровно в той последовательности, как это делал капитан. Новые названия, неизвестные места. Счастье! Счастье! Счастье!

...А потом пляж. Место, где, вместо того чтобы нежиться на тёплом песке, странные люди зачем-то платят за лежаки. Пляж, где продают невероятно вкусное мороженое, которое можно с лёгкостью воровать из незакрытого холодильника, и настоящая гостиница, в которой расселяют ребят.

Отель этот (чему все так рады) занимает здание бывшей тюрьмы. Так как тяжёлых преступлений в местечке больше не случается, сооружение пенитенциарной системы решают перестроить в гостиницу. Дизайнеры сохраняют лестницы, двери и даже откидные койки в некоторых номерах. Ребятам такая идея очень нравится. Едва ли не каждый вечер воспитанники Острожского детского дома играют здесь в заключённых и конвоиров. Как сувениры в гостинице можно приобрести ложки и роботы, но кто станет тратить такие огромные деньги на всякую ерунду?

Отель простой, стоит чуть поодаль от городка, но даже его окна выходят на море, до которого рукой подать — спуск по ступеням, поворот у пальм, белоснежные домики, дорожка вдоль зелёного проволочного за-

бора, возле которого на вечно раскалённый асфальт выскакивают ящерицы, — и вдруг волны, волны, бесконечные волны и солнце. Стоя на берегу, можно увидеть, как ветер рассыпает по воде бриллиантовые крупички блеска, — и это то, что, закрыв глаза, вспоминает теперь каждый ребёнок.

Из одних только бесплатных буклетов, которые воспитанники привозят обратно, можно собрать острожскую библиотеку. Листовки из продуктовых магазинов и аквапарков, объявления о наборе в группы танцев и реклама музыкального фестиваля. Всё это, конечно, на греческом, но зато такое яркое и красивое! Ребята тащат обратно посадочные талоны, одноразовые приборы из самолёта и тонкие пакетики бесплатного сахара, маленькие баночки кетчупа и даже маски для сна, что наконец приходит.

Теперь всем им снится одно и то же. Воспитанники видят — или, как здесь говорят, снят — что Острог окружает большая вода. Изумрудными волнами она поднимается всё выше и выше и в минуту буквально затапливает городок. Ребята, которые всего несколько лет назад научились нырять, готовятся прыгать. Сон только начинается, но море уже стоит выше крыш. Вместе с волнами в Острог приходит грязь. Детям снится теперь, что городок накрывают пластиковые бутылки и целлофановые пакеты, прокладки, тубики, тарелки и ватные палочки...

Пока ребята захлёбываются в собственных сновидениях, всего в нескольких километрах от детского дома

при свете фар бульдозер готовит новую траншею. Работа должна быть выполнена ювелирно, ведь начальник требует, чтобы яма эта напоминала те, настоящие, что могильщики выкапывают лопатами. Дёргая за рычаги, мужчина в кабине клянёт телевизионщиков, потому что прекрасно понимает, что никакой надбавки даже в виде бутылки не будет.

«Суки!» — непонятно о ком думает он.

Старый бульдозер выпускает в морозный воздух чёрный дым, и мужик понимает теперь, что всю жизнь живёт в колонии, единственная задача которой — обеспечивать комфортную жизнь столицы. Водитель чувствует себя рабом. Ему не кажется — он уверен, что, как и его прапрадеды, он всё ещё крепостной. Теперь у него вроде бы есть свобода, но только что с того? Человеку Острога она не нужна. Как дверцу собственного бульдозера, он хочет видеть все двери мира закрытыми. Он готов проглотить все на свете ключи и быть их хранителем, только бы не пришлось ничего открывать. Ему не нужны цветы на могилах детдомовцев и нет никакой надобности в этих отвратительно ровных краях. Подобная картинка его не примиряет, но оскорбляет. Он прекрасно понимает, что здешняя жизнь другая и что, как только самоубийства закончатся, зарывать детдомовцев станут по старинке. В этом месте нет ни денег, ни желания, ни времени с почестями провозжать никому не нужных детей. Чуть-чуть сдавая назад, мужчина думает теперь, что важно просто дожить. С этим разом не повезло, возможно, получится когда-нибудь ещё. Через жизнь или две. Если кто-то по-настоящему верит теперь в перерождение, то не буддийские монахи, но он.

Лишь в вероятности следующей жизни есть хоть какое-то оправдание бедствия в этой.

Водитель бульдозера сидел шесть лет в местной тюрьме, сидит теперь в разваливающейся кабине и понимает, что люди ездят только вперёд или назад. Они либо сидят, либо нет. Третьего не дано. Всё остальное — пустые и бесполезные дела. Прилив за приливом, вновь и вновь к нему приходят мысли о самоубийцах, и теперь он по-настоящему зол, потому что не понимает, какого лешего из-за этих детей поднимают такой шум. У всех, уверен мужик, в этой стране есть срок годности. Мужчины, женщины, шахтёры и солдаты — все обязаны умирать согласно положенным нормативам. Люди, которые по какой-то причине живут дольше, — просрочены. С этими ребятами, не сомневается бульдозерист, никакой особенной беды нет. Отправляясь в ПНИ или даже во вполне себе свободную жизнь, детдомовцы, как правило, растворяются в небытии в восемнадцать. Просрочиваются единицы, так что, если быть объективным, в их смертях нет ничего из ряда вон выходящего. Бульдозерист знает и свой срок и даже немного рад тому, что он подходит вот-вот.

Дёргая за рычаг, он думает теперь, что хорошо бы взять всех да закопать! Всех! Весь этот грёбанный мир! Всех людей на планете Земля. Взрослых, стариков, детей, здоровых и больных, мужчин и женщин — всех без исключения взять бы да зарыть в одной могиле...

Бульдозерист хочет пожить один. Очень. Хотя бы несколько дней. Ему важно пройтись пустыми улицами Острога, сесть в оставленную кем-нибудь машину и чи-

стой дорогой две ночи ехать по вымершей стране, чтобы прогуляться по безлюдной Москве. Ему нет дела, как там будут выглядеть вымершие Афины или что-нибудь ещё, но он очень хочет знать, что на этой хреновой планете больше никого нет...

Выпрыгнув из кабины, в свете фар он медленно бредёт вдруг в сторону кладбища. Переступив через невысокий, кривой и жалкий забор, бульдозерист медленно подходит к могиле жены — единственное место на несколько километров, где ловит телефон. Как Данко сердце, подняв над собой дешёвый кнопочный аппарат, он зажигает звёздочку над уснувшим кладбищем и, когда видит, что телефон ловит сигнал, думает, что теперь вполне может кому-нибудь позвонить, но проблема в том, что звонить бульдозеристу некому...

На всей планете...

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Среда подобна вторнику. Ничего нового: монотонная работа в поисках истины. Чтобы установить причинно-следственную связь, нужны не допущения, но конкретика. Если есть преступник — его следует найти, если нет — можно убираться, потому что изучать социальные проблемы не дело следователей.

Постфактум Козлов продолжает знакомиться с детьми. Наивность без перспектив. Рисунки, открытки и поделки. Изучив их, психологи уже вынесли заключение, но Александра оно не устраивает.

«Склонны к суициду. Не смешите меня...» — следователь знает, что написать подобный вердикт после череды самоубийств — проще всего. Когда смерть есть факт случившийся, нет никакой сложности подогнать тот или иной коллаж под предрасположенность.

Который час, не вставая из-за стола, он рассматривает лучшие образцы автоматического письма. Зарисовки на полях, признания дневникам, даже фотографии надписей на стенах. Искусство аутсайдеров. Застывшая безыс-

ходность, за которую собиратели ар-брюта, без сомнений, многое бы отдали.

Козлов изучает теперь не только собранные местными следователями материалы, но и странички подростков в социальных сетях. В деле уже были выжимки, однако Александр хочет лично рассмотреть осколки разбившихся судеб.

Вопрос всё тот же: кто мог планомерно и систематически склонять детей к суициду?

Александр понимает, что почва добротная: все самоубийцы жили в ситуациях долговременных непереносимых и травмирующих обстоятельств, однако кто или что подтолкнуло их к последнему шагу? Что исключило этих детей из будущего?

Один за другим вводя чужие пароли, Козлов читает переписки девочек и парней. Интересного мало: музыка, фотографии, подколки друг друга в комментариях. Смайлики, гифки и виртуальные подарки. Ничего особенного, никаких предсмертных записок или разговоров о смысле жизни. Максимум — «всё задрало», но такого добра у кого хочешь полно. Пустые статусы, членство в идиотских группах и цитаты рэп-исполнителей:

*Я родился в Москве в семидесятом, на краю города.
Моча рано ударила в голову. В четыре активно ругался матом. Потом школа, вонючая форма, драки, клей. Так я становился сильней. Воровал деньги в раздевалке. В восемь начал курить. В одиннадцать кинул первую палку. Забил на родителей. Стал пропадать с друзьями на свалке...*

Разглядывая фотографию, на которой запечатлены все воспитанники детского дома, Александр видит теперь улыбающихся детей. Подпись под снимком гласит: «День первый, пляж». Несколько сердечек в комментариях, чьи-то глупые шутки по поводу закрытых глаз. Были дети, и вдруг нет. Вывалились из жизни, как молочные зубы. Внимательно рассматривая нерезкую фотографию, Козлов отмечает для себя, что все покончившие с собой подростки стоят врозь. Ничего общего у этих ребят нет. Похоже, эти дети даже не дружили, и всё, что их по-настоящему объединяло, — скорая смерть.

— Александр Александрович, а что, если что-то случилось там? — ухватившись за повисшую паузу, спрашивает выглядывающий из-за плеча Фортов.

— Хороший вопрос!

Разговаривая с местными следователями, воспитанниками и воспитателями, Козлов повторяет его:

— Происходило ли что-нибудь из ряда вон выходящее у кромки моря?

— Нет.

— Происходило ли что-нибудь необычное у кромки моря?

— Нет.

Ответы-близнецы:

— Это был незабываемый отдых, ни одного дождливого дня! Море, счастье, вкусная еда!

— Были ли ссоры или конфликты?

— Конечно нет! Зачем тратить волшебное время на ссоры? Все мы были счастливы как никогда. Такие минуты следует ценить!

Козлов понимает, что суицид не совершается при наличии только одной причины. Их, как правило, несколько. За эти самые «несколько» отвечают проведённые в детском доме годы, — остаётся только понять, что стало щелчком.

В путешествии, кажется, ничего сверхъестественного не произошло. По возвращении в Острог тоже. Привычная жизнь, ровно такая же, как всегда.

— Александр Александрович, признайтесь, у вас появилась версия?

— Нет, Фортов, пока нет...

Во второй половине дня Михаил привозит отца Каземата. Священник думает, что на него продолжают давить в связи с делом о передаче мощей, однако московский следователь вдруг заговаривает о другом:

— Будьте любезны, расскажите нам о массовых самоубийствах у старообрядцев.

— А что тебе о них рассказать, мил человек? Почитай Алексея Толстого, послушай Мусоргского...

— Обещаю! Я и почитаю, и послушаю, только интересно, так сказать, из первоисточника всё узнать.

— А я пока не первоисточник, да и рассказывать мне особенно нечего. Было такое раньше. Предки наши считали, что, коли истинного священства и таинств больше нет, спасти свою душу можно лишь личным подвигом, лишая себя жизни. Занимались самоуморением, только мученическая смерть понималась не как самоубийство, а как способ сохранить веру.

— А вы об этом рассказывали ребятам?

— А зачем мне им об этом рассказывать? Сейчас за веру сражаться не нужно.

— Значит, о самоубийствах вы никогда не говорили?

— Мы, мил человек, обо всех больших грехах говорили.

Задавать вопросы о вере Козлову непросто. Бога Козлов не любит. С этим чувством проходит юность, чувство это укрепляют война в Чечне и работа следователем. Александр уверен, что если на земле и есть главный преступник, то это, несомненно, бог. Создатель крадёт наши жизни, мечты и надежды, без зазрения совести убивает наших отцов и детей, и нет над ним никакого суда.

«Богу всё дозволено», — нередко думает Александр.

Ещё несколько минут Козлов продолжает опрос, но совсем скоро понимает, что старик этот добр и вряд ли мог подталкивать ребят к самоубийству. К тому же никаких причин подозревать его нет. Своему опыту Александр доверяет. Козлов видит, что священник этот и сам переживает, а потому, извинившись за беспокойство, решает лично проводить старца.

— Батюшка, — уже в коридоре спрашивает Козлов, — у меня к вам вот ещё какой вопрос...

— Да, товарищ следователь...

— А как мне так молиться этому вашему непробиваемому богу, чтобы жена в семью вернулась?

— А ты сам-то к этому готов?

— Да, я очень хочу, чтобы она вернулась!

— Не про то я спрашиваю. Молиться-то ты готов?

— Я на всё, кажется, уже готов...

— А коли готов на всё, то и не вернётся она к тебе никогда. Ты про себя сейчас, товарищ следователь, думаешь, а ты про неё подумай. А что до бога, то у него есть дела и поважнее. Ты, товарищ следователь, себя очень любишь. И все мы так. Все мы! Не умеем других любить. Если бы любили этих детей — не ушли бы они от нас, и не ушли бы, сто процентов, коли бы и сами хоть кого-то на этой земле любили, коли бы умели любить. Да они и хотят, очень хотят, они каждый день ждут человека, который мог бы их забрать, как и жена твоя ждала человека такого, потому что тебя любить не могла больше. Не потому она от тебя ушла, что знала, как жить хочет, но потому только, что знала, как теперь жить не хочет. Я вижу, мил человек, что тебе тяжело, и вот, может, только теперь, только теперь, потеряв её, ты научишься её любить по-настоящему, её, а не себя. И она это увидит и обязательно вернётся, но это только начало, товарищ следователь, только начало, мой дорогой...

Отец Каземат выходит на улицу. Посмотрев ему вслед, Козлов протирает глаза и возвращается в кабинет.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Петя всё ещё не представляет, почему задержан. Дни заточения напоминают невесомость. С момента, когда у Пети взяли анализ ДНК, с ним никто так и не разговаривал. Единственной связью с внешним миром остаётся музыка на улице, от которой раскалывается голова.

«Для чего же им могла понадобиться моя слюна?»

Безвкусную, похожую на ту, что всегда была в детском доме, еду, вероятно, специально выдают в разное время. Окошко открывается, окошко закрывается, блюда не называются, надзиратели не представляются. По расписанию только гасят свет. Вертухаи ничего не говорят, и Михаил не появляется. Несколько раз, прижавшись щекой к двери, Петя вежливо просит пригласить к нему адвоката, но никто не отвечает.

Оставшись один на один с собственными мыслями, Петя всё ещё силится понять, когда и чем мог кого-нибудь обидеть. Времени теперь до того много, что в поисках вины Павлов проматывает собственную жизнь на много лет назад.

Петя вспоминает теперь, как в восемнадцать лет впервые оказывается на свободе. Без приёмной семьи. Один на один со всем миром. Лицом к лицу с горизонтом. Чудом избежав ПНИ, куда отправляют многих воспитанников, прошедших курсы лечения в психиатрических клиниках, Павлов получает собственное жильё. Свобода. Удача. Счастье. Комната в общежитии — разваливающимся бараке, бывшем блоке Острожского лагеря. Построенное в тридцатые годы, здание это больше не соответствует нормам содержания заключённых, но для старта выпускника детского дома такая жилплощадь подходит вполне. Как и большинство детдомовцев, на выданные государством деньги Петя покупает себе только тумбочку и кровать — для чего нужна остальная мебель, он решительно не представляет. Ещё одним и самым дорогим приобретением становится ровесник Пети — битый «Москвич». Даже после этого приобретения денег, которые одновременно выдаёт государство, остаётся немало. Несколько месяцев, посещая автошколу, Петя прячет их в матрасе, однако однажды, повстречав на улице директрису детского дома, Павлов узнаёт из беседы с женщиной, как тяжело ей живётся, и решает помочь.

По окончании разговора, возвратившись домой, Петя запускает руку в матрас и достаёт все сбережения.

В поисках работы Петя устраивается официантом в кафе «Бастилия». Уже на третий день случается конфликт со старшим коллегой:

— Петак, ну что ты вот по две печеньки ложишь к экспрессо, а? Я же говорил тебе, что нужно ложить по одной!

— Правильно говорить «класть» и «эспрессо»...

— Слушай, а не пошёл бы ты, а?

Примерно так же Петя вылетает и с других мест. Людям не нравится, что детдомовец вечно умничает. Петю выпирают с бензоколонки, где он рассказывает дальнбойщикам, что плохо изменять жёнам, и с железной дороги, где парень указывает коллегам, что нельзя пить на рабочем месте. Устроившись коммунальщиком, Петя несколько дней кладёт трубы на центральной площади, но в одну из смен предупреждает товарищей, что ремонт идёт с нарушением всех мыслимых и немыслимых правил.

— Вы меня, конечно, простите, — преодолевая волнение, пытается объясниться Петя, — но тут рядом лежит капсула времени, и если мы немедленно не устраним все ошибки — канализацию просто прорвёт и послание к будущим поколениям зальёт... — Петя не решается вслух сказать «дерьмом».

Бригадир всё понимает и принимает решение выгнать Петю.

Больших трат у парня по-прежнему нет, и всё же, для того чтобы содержать бесплатное такси, нужно зарабатывать на бензин. После нескольких неудачных попыток проработать хотя бы месяц на одном месте Петя устраивается на фабрику по производству предметов гигиены. Целыми днями Павлов сидит у конвейера и сортирует ватные палочки. Работа Пете очень нравится: во-первых, здесь почти нет людей, а во-вторых, парень чувствует, что на него возложена большая ответственность, ведь палочками, которые он производит, пользуется вся округа.

В конце каждого рабочего дня парень заводит старый «Москвич» и бесплатно развозит коллег и пенсионеров по нужным адресам.

«Неужели меня арестовали за это? Неужели всё дело в том, что у меня нет лицензии на пассажирские перевозки? Но ведь я и не брал ни с кого денег! Я всегда развозил людей бесплатно, как друзей. Разве товарищey возить запрещено?»

Час за часом, перебирая главы собственной жизни, Петя силится понять, когда совершил ошибку, но получается плохо.

«Что же я сделал не так? Когда и чем я мог кому бы то ни было навредить? Быть может, они написали жалобы, что я долго стоял на железнодорожном переезде? Но ведь нельзя проскакивать, как это делают наши таксисты!»

В попытках найти собственную вину проходит ещё один день. В камере гаснет свет, и, приученный к этому всей своей жизнью, Петя тотчас ложится на койку и закрывает глаза.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Когда кто-то стучится в дверь, Александр думает, что пришёл коллега. Ворча, следовательно слезает с кровати и подходит к двери, однако, открыв её, удивляется собственной ошибке.

— Я пройду?

— А ты чего хотела, собственно?

— Поговорить...

— Приходи завтра ко мне в кабинет, после двенадцати.

— Бросьте, Александр, не ведите себя как ребёнок!

Агата входит, и Козлов успеваает заметить в её руках бутылку вина.

— Как тебя пустили сюда?

— Очень просто, я сказала, что этот тупорылый московский следователь вызвал меня на разговор.

— Неплохо...

— Да? Я молодец, правда? Смотрите, я ещё и бокалы захватила!

— Зря ты это — мне правда нечего тебе рассказать.

— Вы думаете, я пришла выбивать из вас материал?

— Я не знаю...

— Вдруг я просто соскучилась?

— Ты меня совсем не знаешь же...

— Почему? Я видела вас, говорила с вами. Наблюдала за тем, как вы едите. Что ещё нужно знать о мужчине? К тому же мне немного известно о вашей работе. Я вот только одного не могу понять...

— Чего?

— Почему вы до сих пор носите обручальное кольцо?

— Потому что у меня есть жена...

— Но она же давно ушла от вас.

— С чего ты взяла?

— А у вас бегущая строка на лбу не выключена.

— Мне кажется, что моя личная жизнь — не твоё дело...

— Сколько вы собираетесь по ней сохнуть? Век? Два?

Вы же красивый, умный! Что же вы ходите и всё вините себя?

— Ты пришла, чтобы устроить мне сеанс психоанализа?

— Не думаю, что вы к нему готовы. Быть может, к терапии... Вы откроете наконец вино?

— Здесь нет штопора...

— Ну вы же мужчина — придумайте что-нибудь!

Козлов ключом от номера продавливает пробку. Вино бьёт фонтаном, и тёмно-красные капли заляпывают майку. Александр чертыхается, но наполняет бокалы. Вино холодное, и это единственное, что спасает дешёвый напиток.

— И за что будем пить? — немного растерянно спрашивает Козлов.

— За то, что в нашем мире счастливыми бывают только короткие приключения.

Агата улыбается, делает глоток и смотрит в окно. Всё это до того непривычно — Александр забыл, что может кому-то нравиться.

«Сейчас мы немного поговорим, что-нибудь обсудим, будут рассказаны две-три дежурные смешные истории, и после этого кто-нибудь из нас найдёт повод, чтобы приблизиться. Простая игра, знакомая всем с юности».

— Вам не хочется меня поцеловать?

Или вот так, сразу. В лоб. Хороший вопрос, только сложный. Козлов не знает. Может, и хочется, а может, и нет. Александр чувствует, что хочет целовать жену, а что до этой девушки... Возможно. Пока не проведены все следственные мероприятия — кто же может знать наверняка?

«Наверное, — думает Александр, — я должен сделать это, ведь нужно же как-то начинать эту самую новую жизнь».

Козлов волнуется. Он опасается, что девушка может быть знакома с его супругой. Александр хорошо знает, как устраиваются подобные провокации. Влюблённость в собственную жену делает следователя мнительным.

«С другой стороны, — думает вдруг Александр, — прошло уже столько лет...»

Взяв следователя за руку, Агата впивается в его губы. Дыхание её горячее, язык сильный, однако упорный поцелуй Александру не нравится.

«Жена целуется лучше», — констатирует он.

В этом прикосновении теперь нет ничего. Его не возбуждают эти губы, не пленит запах этой женщины. За-

крыв глаза, Александр тотчас представляет, что целует супругу, и Агата чувствует это:

— Посмотри на меня! Нельзя жить прошлым. Нельзя всю жизнь вспоминать то, что было! Ты должен смотреть не под ноги, а вверх! Это как с небом! Некоторых звёзд, которые мы видим, давно нет. До нас доходит лишь их свет, но самих звёзд уже тысячу лет как не существует, потому что они сгорели. Так же и с твоей женой — её давно нет!

— Наверное...

— Неужели ты не видишь, какая я красивая?

— Да, ты, наверное, очень красива...

— Ну так смотри на меня!

Агата стягивает свитер и начинает расстёгивать блузку.

— Забудь её!

Агата внушает, но Козлов не поддаётся. Разглядывая журналистку, он думает теперь, что ему хочется немедленно перенестись в Москву. Все несовершенства Даны, будь то проявившиеся со временем морщинки или потрескавшаяся от мороза кожа на руках, кажутся ему совершенно бесценными на фоне этого чужого тела. Козлов продолжает думать о жене, и, замечая это, Агата принимается с ещё большей страстью целовать его. Кончиком языка она проводит по его щекам, подбородку, кадыку и шее. Стянув со следователя залитую вином майку с Гомером Симпсоном, она целует его плечи и грудь, целует живот и, расстегнув джинсы, запускает руку в трусы. Она гладит Александра нежными длинными пальцами, но никакого результата это не даёт — Козлов по-прежнему не может возбудиться.

— Ты издеваешься?

— Нет, — сев на край кровати, отвечает он.

— Хочешь, я возьму его в рот?

— Не знаю...

— Не знаешь?! Ты больной?! Нет, скажи мне, ты реально больной? У тебя в жизни больше не будет такого шанса, как я, а ты говоришь мне «не знаю»?!

— Не знаю...

— Мудак! Да не вернётся она к тебе никогда!

— Пошла вон...

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В 1997 году в матче между клубами «Манчестер Юнайтед» и «Лидс Юнайтед» ирландский полузащитник Рой Кин получает тяжелейшую травму колена в столкновении с Алфе-Инге Хааландом. Норвежец не только намеренно «ломает» Кина, но и, стоя над скрученным от боли игроком, бросает: «Надо уметь нырять!»

Рой Кин запоминает эти слова и четыре года спустя, когда судьба вновь сводит двух игроков, что есть силы въезжает в колено Хааланду. Ирландец вкладывает в удар всю злость, что копится в нём годами, и наносит норвежцу травму, после которой тот уже никогда не сможет по-настоящему восстановиться. Кин при этом кричит: «Больше не стой надо мной и не ной насчёт нырков!» — на прощанье ирландец плюёт в лежащего норвежца и под свет красной карточки покидает поле.

Михаил обожает эту историю. Когда в его острожской квартире только появился интернет, он часами мог пересматривать ролик, в котором Кин мстит Хааланду. Полу-

чив результаты экспертизы, Михаил ликует, ибо понимает, что наступает время «подкатиться в Козлова».

О том, что за всем происходящим может стоять Петя Павлов, Михаил додумывается не сразу. К этой мысли его подталкивает директор детского дома, с которой у следователя налажено то, что в народе называется «тайными связями». Три раза в неделю любовники встречаются для кратковременных занятий сексом и получасовых разговоров после. Михаила интересует первая часть, директрису детского дома — скорее иллюзорные отношения после. Обсудив ненавистных мужа и жену, уже почти израсходовав квоты на поддельную близость, любовники однажды заговаривают о делах насущных.

— Это Павлов, я уверена! — уже после второго самоубийства заявляет директриса.

— В смысле?! Что ты имеешь в виду?

— Они не сами это делают — это Павлов!

— Да там всё указывает на самоубийства, не носи чепухи!

— Нет, это не самоубийства! Я уверена, что это Павлов их подговорил!

— Ну и почему? — закуривая, спрашивает Михаил.

— Сам посуди: он всегда был очень странным! Он ведь с самого начала выступал против, потому что сам поехать не мог. А знаешь, о чём он вечно спрашивал у нас, когда ещё был воспитанником? «Я никого не убил и не убью?»

— Он в самом деле так спрашивал?

— Да! Всегда!

— Ну и что с того?

— А то, что он якобы боялся наступить на червяка или проглотить муху!

— Якобы? Может, он в самом деле боялся...

— Может, и боялся, но дело ведь не в этом, дело в том, что уже с ранних лет мысль об убийстве поселилась в его голове! Сперва это страх, затем возможность...

— Ну, это я, боюсь, к делу не пришью, — положив руку на грудь директрисы, с улыбкой отвечает Михаил.

— Но ты об этом всё-таки подумай!

И Михаил думает. Не в силах понять, что может стать причиной череды подростковых самоубийств, он всё чаще вспоминает о парне, на которого указывает не только любовница, но теперь и его собственная память. Во-первых, этот Павлов действительно предупреждал, что путешествие на море непременно обернётся бедой, а во-вторых, более других походит на маньяка. Хотя городок и находится в тысячах километров от столицы, люди здесь прекрасно понимают, как должен выглядеть серийный убийца, — благо телевизор теперь есть у всех.

Ни на одном из четырёх мест самоубийств Павлова не видели, однако следователя это не останавливает. Он убеждает сам себя, что за всем произошедшим может стоять Петя, и, оказавшись на месте третьей трагедии, попросит вдруг сделать забор крови. Просьба эта странная (все понимают, что на насильственную смерть ничего не указывает), однако Михаил настаивает и оказывается прав! На месте третьего самоубийства находят ДНК, не принадлежащую жертве. Когда случается четвёртая

смерть, Михаил вновь предлагает провести экспертизу, и чужая ДНК опять «стреляет», причём та же, что и ранее. Теперь, когда не остаётся сомнений, что в последние минуты рядом с детьми был кто-то ещё, Михаил решает, что этот кто-то, скорее всего, Павлов, и опять не ошибается!

Представьте себе человека, который стреляет с закрытыми глазами. Попасть со ста метров в яблочко вряд ли возможно, однако осторожному следователю это удаётся. Подсказка любовницы и собственное чутьё, помноженное на везение, делают невозможное возможным — результат экспертизы подтверждает, что с вероятностью 99,9% Пётр Петрович Павлов находился рядом с детьми в тот момент, когда они совершали самоубийства, и всё, что теперь остаётся, — понять: зачем?

Сонного Петю вводят в кабинет. Здесь Михаил и трое его местных коллег. Павлова сажают за стол и начинают беседу.

— Ну здравствуй, Петак!

— Здравствуйте, Михаил...

— Сам видишь, уже поздно, поэтому ты нам сейчас всё быстро расскажешь, и мы разойдёмся, хорошо?

— Да, конечно!

— Ну вот и славно! Значит, Петя, поведай нам, что ты делал с ребятами.

— С какими ребятами?

— С ребятами, которые покончили с собой.

— А я с ними ничего не делал...

— Петя, ну мы же, кажется, с тобой только что обо всём договорились, верно? Я сейчас ещё раз задам тебе вопрос, и ты мне всё расскажешь, хорошо?

— Хорошо!

— Как ты заставил ребят сделать это?

— Что сделать?

— Послушай, Петя, вот прямо сейчас у меня уже начинает заканчиваться терпение. Ты, наверное, думал, что всех сможешь переиграть, но не в этот раз. У нас есть сто-процентное доказательство, что ты был там!

— Где?

— На местах преступлений, Павлов!

— Когда?

Последний вопрос Пети выводит Михаила из себя. Взяв парня за грудки, следователь начинает разговаривать в совершенно ином ключе:

— Слушай меня, сука, вот результаты экспертизы, и мы знаем, что ты, тварь, был на всех четырёх местах самоубийств. Прямо сейчас ты, гнида, расскажешь нам всё, что делал, расскажешь обстоятельно и по порядку, и поверь мне, ублюдок, это в твоих же интересах!

— Но я не был там! — только и успевает сказать Петя, прежде чем Михаил наносит первый удар.

Вытерев кровь, Петя продолжает стоять на своём. Он по-прежнему не понимает, что происходит. Почему он здесь? За что его бьют?

— Где ты был седьмого числа?

— Сперва на работе, затем дома.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

- Нет, я же один живу.
- А двенадцатого?
- Дома...
- А двадцать второго?
- Кажется, тоже дома...

Алиби у Пети нет. Ни на одну из четырёх дат. Никто его не видел, никто не может поручиться за него. Как назло, все самоубийства выпадают на те дни, когда Петя не развозит острогчан.

— Послушай, Петька, я сейчас тебя последний раз похорошему прошу: расскажи нам, как ты подводил ребят к самоубийствам, и за сделку со следствием я помогу тебе скостить срок, тем более бояться тебе особенно нечего — много за доведение до самоубийства не дают.

- Но я никого не подводил!
- Слушай, сука!..

Впрочем, слушать здесь более особенно нечего. Михаил только требует. Всё, что теперь должен повторять Петя, — «да».

Праздничной скатертью Павлова расстилают на столе. Трое держат, один работает. Михаил вырывает Пете клочок волос, и когда становится очевидно, что парень способен выдержать эту первую и легчайшую из всех пыток, в руках острожского следователя появляется обыкновенный целлофановый пакет. Бывший надзиратель, Михаил применял эту пытку ещё в бытность работы на зоне и хорошо знает, что работает она безотказно. Натянув пакет на голову, Павлову обматывают шнурок вокруг шеи. Михаил знает, что уже после третьего вздоха невыносимо начнёт резать горло и Петя заговорит.

— Я тебя, суку, ещё раз спрашиваю: как ты заставил наших ребят так поступить?!

Но Петя только хрипит в ответ.

Стянув с задыхающегося парня пакет, следователь переходит к другим способам дознания. Так как электрошокер может оставлять следы (проверено), Михаил решает поиграть в «звонок другу». Взяв заранее подготовленный старый телефон, оборудованный динамо-машиной, с помощью коллег следователь присоединяет клеммы к члену Пети и пускает ток. Павлов кричит, и Михаил улыбается. В отдельно взятом человеке начинается гроза, и молнии ударяют по всему его телу. Разряд, разряд и ещё один маленький разряд.

Рот Пети наполняется кровью, и, пыгаясь сдержаться, он с такой силой теперь сжимает зубы, что они начинают крошиться. Михаил не знает, что однажды Петя уже испытывал подобную боль — в целях экономии зубы воспитанникам детских домов нередко лечат без анестезии. Михаил не знает, а потому продолжает.

— Ты думаешь, гнида, что я тут с тобой буду в игры играть? У нас тут, сука, доказательство на 99 процентов — мы знаем, что ты был там!

— Не-е-ет! — сплёвывая кровь, шелестит языком и губами Петя.

Павлов всё ещё не даёт признательных показаний, и, более не в силах сдерживать себя, совершенно забывшись в ярости, вместе с другими коллегами Михаил бьёт Петю по лицу и по почкам... книгой. Чтобы не осталось следов. В руках следователя «Чевенгур». Бьют долго, и когда Петя впервые теряет сознание, чтобы привести его

в чувство, включают электрочайник и спустя минуту в рот подозреваемого вливают кипяток. Петя широко открывает глаза, кричит, и, обрадовавшись, что с подозреваемым всё хорошо, Михаил решает сделать паузу.

Петю заковывают в наручники, подвешивают к решётке за одну руку и, включив музыку на полную громкость, выходят из камеры. Группа «Вирус» начинает очень громко и радостно петь:

Ну где же ручки, ну где же ваши ручки?
Давай поднимем ручки и будем танцевать.
Ну где же ручки, ну где же наши ручки?
Давай поднимем ручки и будем танцевать.

После двадцатиминутного перерыва четверо сотрудников правопорядка возвращаются в камеру. Кто из них теперь кто, Петя больше не понимает. Михаил замечает, что и эта попытка, которую он никогда не использовал раньше, работает. Ставим плюс в уме. От громкой музыки у Пети из ушей течёт кровь. Глаза Павлова теперь закрыты, и, чтобы продолжить допрос, коллеги Михаила снимают подозреваемого с решётки и вновь плескают ему в лицо кипятком.

Понимая, что преступник расколется вот-вот, что в такой момент главное не сдаваться и не дать слабинку, следователи кладут обессиленного Павлова на пол и «играют в парашютистов» — один за другим прыгают на него со стола. Время от времени Михаил ещё задаёт какие-то вопросы, но Петя уже не отвечает, а следователь и не слушает.

Когда наступает время подписывать признательные показания, между пальцев Пете вставляют шариковую ручку, а сами пальцы пережимают в суставах, и Павлов на секунду вновь подаёт признаки жизни, чтобы простонать.

Одним словом, всё получается как нельзя лучше. Уже к четырём часам утра у Михаила имеется подпись Павлова и некогда чистый, а теперь исписанный до конца лист. Признательные показания получены, и круг замыкается.

Справедливость торжествует, и бездыханное тело Пети выносят из камеры.

Следователи решают вымыть руки.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Тёмный лес молчит. Верхушками не играет ветер. Израненный бульдозерами сухостой по-прежнему окружает городок. Идеальная блокада так и не прорвана. Нового завода нет, но и птиц нет тоже. Дятел больше не стучит. Ни утром, ни днём, ни вечером. Жизнь покинула эти места, и редким забором стоят только сваи поверх фундамента и не деревья даже, а засохшие и редкие больные копыя.

Сев рядом с бульдозером, водитель прижимается спиной к колесу. Закуривает и думает, что нужно вырыть несколько траншей впрок.

Бульдозерист прав. В этот самый момент, дождавшись, когда Любовь уснёт, Вера принимает смертельную дозу лекарств. Закрыв глаза, она надеется теперь, что сестра не проснётся от рвоты. Вера начинает чувствовать, как от смешанных препаратов голова идёт кругом, и очень рассчитывает, что сестра уже никогда не откроет глаза.

«Только бы не проснулась Любовь», — шепчет Вера.

Вера знает, что, если её план провалится, у сестры появится ещё один веский аргумент в пользу отделения. Допустить этого девушка ни в коем случае не может, а потому на всякий случай проглатывает ещё десяток таблеток. Впрочем, делать это вовсе не обязательно — смерть уже включилась.

В комнате теперь совсем тихо. Здесь до того спокойно и безмятежно, что в одно мгновение Вере даже кажется, что она уже умерла...

В крохотном городке Острог случается череда подростковых самоубийств.

Под звуки общественного резонанса из Москвы в помощь острожским коллегам направляют двух московских следователей. Один из них уже бывал здесь.

В день приезда происходит четвёртое самоубийство.

Следователь Козлов начинает собственную проверку, пытаясь понять, что могло подтолкнуть подростков к последнему шагу.

Михаил (местный следователь) задерживает жителя Острога, бывшего детдомовца Петра Павлова.

Проживающие в городке сиамские близняшки Вера и Любовь тоже кончают жизнь самоубийством.

Проведённая экспертиза с вероятностью 99,9% указывает на то, что Пётр Павлов был на местах всех самоубийств.

Основываясь на этом знании и желая добиться справедливости (так, как он её понимает), Михаил выбивает из Пети Павлова признательные показания.

*Вы сейчас здесь,
а дальше...*

Московский следователь Козлов понимает, что стало причиной четырёх самоубийств, и возвращается в Москву, но не сразу...

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Оставшись один, Козлов мастурбирует. Кончив, застирывает забрызганного вином Гомера Симпсона и опять ложится в кровать. В уголке окна вместо положенной луны покачивается хворый фонарь. Как сказал бы известный московский телеведущий, «в ванной комнате плачет кран».

Постукивая пальцами по груди, Александр мысленно возвращается к делу. В голове тотчас выстраиваются связи воспитанников. Козлову кажется теперь, что к этому моменту он кое-что понимает, однако следователь всё ещё не может предположить, что же послужило искрой. Козлов чувствует, что он очень близок к разгадке. Не хватает всего одного, последнего осколка. Александру надлежит сделать всего один шаг, протянуть руку и ухватиться — но вот только за что? Сложная задача со множеством переменных, которую ты никак не можешь решить, слово, что крутится на языке, но постоянно ускользает, как партнёрша в танце ча-ча-ча, ответ приближался и тотчас отдаляется, делая два шага назад. Как там назывался этот фильм? «Улица»? В каком это было году? Александр прикусывает

заусенец и заново перебирает всё, что знал к этому моменту:

«Спустя несколько лет после поездки на море четверо подростков покончили жизнь самоубийством... один за другим. Никаких особенных событий, ничего из ряда вон выходящего... Что могло на них повлиять? Что же с вами со всеми, ребята, произошло?»

Повернувшись спиной к окну, Александр смотрит на треснувшие обои с корабликами и вспоминает слова коллеги:

«Вот, например, этот Ринат Касимов — мне рассказывали, что он никогда не пил чай из тёмных кружек. Всегда только из белых! Выходит, он был странный, выходит, с самого начала с ним было что-то не так».

«Фортов, это нормально! Я тоже ненавижу пить кофе и чай из тёмных кружек».

«Ну так вы же тоже ненормальный, Александр Александрович!»

«Фортов, следи за языком».

«Да я просто развеселить вас хотел. Но вообще-то про этого Касимова действительно много чего говорят. На машинах боялся ездить, всё время опасался, что попадёт в автокатастрофу, летать боялся, говорят, что, когда их отравили на море, всё никак не мог войти в самолёт...»

«Фортов, это указывает только на то, что он очень хотел жить!»

Александр понимает, что время заканчивается. Наступает момент, когда ему, отправленному в эту дыру, нужно принять решение. На всё про всё остаётся один последний, завтрашний день. Уже в пятницу утром Козлов должен позвонить в Москву и доложить о результатах провер-

ки. В связи с очередным самоубийством можно, конечно, попытаться продлить командировку, но радости у начальства это не вызовет. Судя по эфирам, которые продолжают идти каждый день, тянуть с выводами больше нельзя. Вариант один: забирать дело в Москву.

Так, разговаривая сам с собой, Александр то и дело забывает о расследовании и продолжает перебирать доводы, которые, как ему теперь кажется, могут отрезвить супругу. В одно из таких мгновений на столе вдруг начинает вибрировать телефон. Взяв его, Козлов видит фотографию Даны и от волнения широко открывает глаза. Впервые за долгое время жена сама хочет поговорить.

Несколько секунд Александр смотрит на экран, но не свайпит. Затем он всё-таки решается «снять трубку» и, как спичкой о коробок, резко дёргает большим пальцем. Включив громкую связь, следователь замолкает, чтобы ни в коем случае не начать разговор первым:

— Козлов, привет!

— Привет...

— Ты в Москве?

— Нет, я в командировке.

— Я писала тебе, спрашивала, как там твои дела.

— Да, я видел, просто не знал, что ответить...

— Я так и поняла. Козлов, слушай, я чувствую, что ты там ждёшь меня и надеешься на что-то, поэтому решила тебе сразу рассказать...

— Что рассказать?

— Козлов, я беременна. У нас с моим молодым человеком будет ребёнок. Так что ты уж отпусти там у себя все свои надежды, хорошо?

— Хорошо, спасибо...

— За что спасибо, Козлов?

В комнате тихо.

Хлюпает кран.

Александр бросает телефон на кровать и закрывает лицо руками.

Где-то там, далеко-далеко, жена ещё что-то говорит на прощанье, и следовательно понимает вдруг, что моря в его жизни больше не будет.

Никогда.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Следующим утром, сидя за столом, Александр чувствует, что дело раскрыто. Взглянув на часы, он несколько раз набирает Михаила, но тот не отвечает — вместо длинных гудков весёлая мелодия.

Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь,
Всё мне ясно стало теперь,
Столько лет я спорил с судьбой
Ради этой встречи с тобой.

Отложив телефон, Александр снова просматривает материалы и в конце концов находит документ, который, как он теперь уверен, подтверждает его правоту:

Министерство по делам семьи,
демографической и социальной по-
литики Острожской области

Государственное бюджетное обра-
зовательное учреждение для детей-
сирот, оставшихся без попечения ро-
дителей, «Острожский детский дом»
Острожская область, г. Острог,
улица Свободы, 6

Главному врачу областной пси-
хиатрической больницы

Ходатайство

Администрация ГБОУ «Острожский детский дом» про-
сит Вас принять на обследование и лечение в психиатри-
ческое отделение воспитанника детского дома (вписать
любую фамилию)

Директор детского дома

Дата

Подпись

В момент, когда Александр переворачивает эту стра-
ницу, в кабинет наконец входит запыхавшийся Михаил.
Местный следователь хмуро здороваётся и молча кладёт
на стол несколько листов.

— Это ещё что такое, Миш?

— А вы прочтите, Александрович...

— Ты от кого бежал-то?

- Да там близняшек нашли...
- А почему ты мне не сказал?
- Ну так а какое это имеет отношение к нашему делу?
- А ты уверен, что никакого?
- Уверен.

Козлов ничего не отвечает. Переведя взгляд с лица Михаила на документы, Александр начинает читать. Увиденное впечатляет. Козлову предъявляют вдруг не только результаты экспертизы, которые подтверждают, что некий Павлов был рядом со всеми самоубийцами, но и чистосердечное признание этого гражданина.

— Вы что, делали заборы?

— Ага...

— Но с чего вдруг? Там же ни хера не указывало на необходимость?

— Ну а мы вот решили проверить, и оказалось, что всё не зря...

«Странно, — думает Александр. — Очень странно!»

Козлов с интересом смотрит на местного следователя. Тот даже не думает скрывать радости. Михаил торжествует. Приняв удар, Козлов ещё раз перечитывает признательные показания Павлова и результаты экспертизы. С одной стороны, факты неопровержимы, с другой — Александр по-прежнему верит в то, что понял ночью. И хотя Козлов не принадлежит к той категории следователей, которые со скрипом отказываются от собственных версий, в этот раз ему почему-то кажется, что сворачивать удочки рано.

— Поехали к сёстрам...

— А вам-то туда зачем, Александр Александрович?

— Поехали, я тебе говорю.

В дороге Козлов в который раз пытается собрать воедино всё, что знает к этому моменту. Плюс ко всему он теперь имеет признательные показания некоего Павлова и стопроцентную уверенность в том, что этот самый Павлов был на местах самоубийств. Александр понимает, что должен похвалить Михаила и собрать чемоданы, однако чувствует, что здесь что-то не так. Собственная версия по-прежнему нравится опытному следователю гораздо больше — она похожа на то, как бывает в жизни, а то, что предлагает Михаил, — нет.

— А этот Павлов, — глядя на лес в окне, спрашивает Александр, — что он вообще за тип?

— Да такой вот наш местный дурачок. Я, если честно, сразу на него подумал, просто не хотел вас, Александр Александрович, отвлекать, пока не было свидетельств, — лукавит Михаил. — Жил в детском доме, был в трёх приёмных семьях. Часто бывал на принудительном лечении, видно там и свихнулся.

— А чем он в последнее время занимался?

— Да протестовал вечно...

— А кроме этого делал-то что-нибудь? Работа у него какая-нибудь была?

— Да какая там работа? Сидел на заводе, ватные палочки штамповал.

В момент, когда Михаил говорит о фабрике, у Александра стреляет в ухе. На секунду зажмурившись от острой боли, Козлов думает, что всё это какая-то ерунда.

В доме сестёр Александру докладывают, что участковый наткнулся на девушек рано утром. Всё указывает на

бытовуху. Похоже, пока одна из сестёр спала, вторая решила закончить с собой и наглоталась таблеток.

— Вряд ли они сделали это сообща, потому что завязалась драка, в ходе которой они выбрались сюда, и вот эта нанесла четыре ножевых ранения этой, а затем ударила в сердце себе. Впрочем, необходимости в этом, конечно, не было — она бы всё равно тоже умерла.

— Сделайте забор крови, — спокойно говорит Козлов.

— Зачем? — удивляется стоящий за спиной Михаил.

— Сделайте, а я пока поеду поговорить с Павловым. Он где, в больничке?

— Да, Александр Александрович, только вы уверены, что вам теперь нужно туда?

— Да! Поехали.

Собственно, ничего другого Козлов увидеть и не ожидал. Павлов прикован наручниками к койке.

— Господи, как он, по-вашему, сбежит?

Одного беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что состояние подозреваемого крайне тяжёлое. Лицо — кроваво-месиво, лежащие поверх простыни руки налиты радужной синяков.

— Хорошо работаете, Миш...

— Александр Александрович, мы его буквально на десять минут в камере одного забыли, и вот...

— Я понимаю, Миш, не первый день по земле хожу. Оставьте нас...

— Так ведь он всё равно сейчас...

— Оставьте!

Козлов берёт дряхлый стул и ставит рядом с койкой. Прежде чем сесть, следователь ещё раз осматривает палату. Нет никаких сомнений, что всю эту больницу нужно немедленно закрывать, но Александр понимает, что она так и будет гнить, пока однажды не рухнет.

Сев рядом с Петей, следователь несколько раз проводит открытой ладонью по губам, шмыгает носом и только после этого начинает разговор.

— Здравствуйте, Пётр. Меня зовут Александр Александрович Козлов, я следователь по особо важным делам, командирован к вам сюда из Москвы.

— Кхшщч кхщ, — противно хрипит Петя.

— Как вам кажется, сможете вы сейчас отвечать на мои вопросы или мне лучше навестить вас через несколько дней?

— Кщ-щ см-х...

— Вы знаете, в чём вас подозревают?

— Д-х...

— Вы понимаете, что результаты экспертизы, которыми мы обладаем, не оставляют у нас сомнений, что вы были на местах самоубийств?

— Кхт...

— Вы можете мне рассказать, что делали рядом с ребятами?

Но Петя больше не отвечает. Опустив веки, которые, как теперь замечает Козлов, ещё и обожжены, парень тяжело дышит.

«Скорее всего, — думает Александр, — этот тип сейчас вообще ничего не понимает. Вероятнее всего, он полагает, что я ему мерещусь или снюсь».

Проводить беседу, пока подозреваемый в таком состоянии, смысла нет. Оставаться и ждать, когда парень придёт в себя, — тоже.

«Думаю, этот Павлов сможет нормально говорить через неделю, а то и две».

Торчать здесь столько времени Козлову лень. Во-первых, формально дело всё-таки раскрыто — того, что есть на руках у следователей, хватит, чтобы закрыть пацана. Во-вторых, во внутреннем кармане пуховика два билета в театр — Александр очень хочет поскорее увидеть жену. Собственная версия хотя и нравится Козлову, если судить трезво — обречена. То, что сделал Михаил, шито плохо, но для суда, конечно, сойдёт. Версия Александра сложная, да к тому же ранит его самого. Теперь ему скорее хочется поверить в то, что раскопал местный следователь, чем принять всю ту цепочку, что выстроилась вчера.

Александр уже было решает, что нужно возвращаться в Москву, однако в этот момент хрип Петра заставляет его обернуться.

Козлов видит парня, с трудом приподнимающегося на кровати и медленным тяжёлым движением руки подзывающего его к себе. Окровавленный, весь в какой-то слизи, Петя выглядит отталкивающе. Александр нехотя делает несколько шагов и в конце концов, сам того не замечая, оказывается на краю больничной койки. Взяв следователя за затылок, Петя тянется к нему, чтобы, сплюнув сгустки крови, что-то прошептать на ухо:

— Сл т... есл т...

— Что?

— Есл... т... н... м... помч...

— Павлов, послушайте, я ничего не понимаю!

— Есл... т-ты... — собравшись с последними силами, с трудом шепчет Петя, — есл ты не можш помч себ... — помоги дугому...

Поняв, что Павлов хочет сказать, Александр замирает. Слова эти поражают его в самое сердце. Услышанное впечатляет теперь не меньше произошедшей здесь невероятной истории. Петя валится обратно на подушку, но Александр не спешит вставать. Он что-то понимает, что-то очень важное и основополагающее, в корне меняющее всё его представление о жизни, о происходящем, о собственной судьбе и жалости к себе.

Так, вдвоём, они долго сидят, самые близкие незнакомые люди. Петя тяжело дышит и, кажется, даже немного улыбается. Александр смотрит в окно и курит. Дятлом боль долбит в ухо, но Козлов больше не замечает её. Напротив, боли этой следовательно теперь благодарен, потому что всё становится на свои места. Дожидаясь результатов новой экспертизы, он почти не сомневается, что и на месте драки сестёр обязательно найдут ДНК Павлова, и теперь понимает почему...

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Утром пятницы приставы доставляют мощи святого Афиногена на территорию тюрьмы. Часовенка, как и бар «Бастилия», украшена искусственными цветами. Настоятель, певчие и алтарники (из числа заключённых, осуждённых не за убийства) ждут внутри. Под пение хора прибывший епископ заносит частицы святого Афиногена, и вслед за ним в божий дом входят секретарь архиерея, отцы-настоятели и духовник епархии. Дальше, оглядываясь по сторонам, с важным видом шагают благодетели: новый мэр, местные депутаты и увешанные собачьими медалями казаки. Замыкают процессию Михаил, Фортов и Козлов.

Раку с мощами ставят на аналой, и начинается молебен. Дьякон провозглашает: «Благослови, Владыко!», и епископ возглашает: «Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков», — и хор протяжно поёт: «Аминь».

Во время пения псалмов и тропарей один за другим осуждённые подходят к раке с мощами и целуют её. Мо-

лебен длится полчаса, и по завершении епископ произносит назидательное слово. Выслушав его, счастливые осуждённые и гости отправляются на праздничное чаепитие, и в громкоговорителях включается музыка. Олег Митяев поёт:

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...

За праздничным столом Козлова сажают рядом с мэром. Случайности в этом нет, градоначальнику не терпится узнать, как продвигается расследование. К удивлению своему, мэр слышит от столичного следователя, что проверка закончена и они возвращаются в Москву.

— Уже?

— Да.

— Значит, Михаил наш хорошо сработал? Мне уже доложили, что во всём виноват некий Павлов?

— Нет, Павлов невиновен, — отвечает Козлов.

— В самом деле? — спрашивает мэр. — А кто же тогда виновен?

— Решит Москва.

Услышав это, Михаил опускает глаза, а Фортвов кривится. Местный следователь понимает, что случилась невероятная ошибка, объяснения которой нет, а лейтенант юстиции не понимает ничего вовсе.

— Москва у нас, конечно, столица, — с улыбкой продолжает мэр, — но как быть с тем, что наши следователи нашли ДНК Павлова на местах всех четырёх самоубийств?

— Вчера поздно вечером мы узнали, что ваши следователи, — вставая, спокойно отвечает Козлов, — нашли ДНК

Павлова и на месте гибели близняшек, однако, думаю, Михаил прекрасно понимает, что Павлов не мог там оказаться, потому что всю неделю провёл в СИЗО...

— Но как же его ДНК могла оказаться там?

— А вот это то, что мне предстоит объяснить Москве. А пока я вам настоятельно рекомендую приставить к Павлову самых лучших врачей, и переведите его уже в нормальную палату!

Сказав это, Козлов выходит из-за стола.

— Александр Александрович, вы куда? — подсказывает Фортов.

— Мне нужно кое с кем поговорить.

— А мне можно с вами?

— Нет, Фортов, сиди и пей чай.

Мэр всё с той же нелепой улыбкой смотрит на собравшихся за столом следователей, лейтенант юстиции не скрывает раздражения, а Михаил по-прежнему прячет глаза.

Вместе с начальником тюрьмы и конвоиром Козлов идёт строгими коридорами. Здесь всё ровно так же, как и в других тюрьмах: бледные двухцветные стены, облупившаяся краска и обязательный запах кислой капусты, которой непременно пахнет любая русская тюрьма.

Спустя несколько минут оказываются в крохотной бетонной камере. Здесь уже ждет бывший мэр. Увидев Кичмана, Козлов сразу отмечает, что человек этот сильно похудел. Лицо его приобрело тот отпечаток, который приклеивается ко всякому, кому когда-либо доводилось сидеть.

- Какие люди... — бурчит Кичман.
- Здравствуйте, Аркадий.
- Чего надо?
- Пришёл повидать вас...
- Нахера?
- Хотел кое-что обсудить...
- Про детей?
- Как вы догадались?
- А хули тут догадываться...
- Значит, вы уже всё поняли?
- Конечно. Я всё думал, крутил, разные версии выдвигал, а потом, когда узнал, что тебя к нам в Острог присылают, всё сразу и стало на свои места...
- Пряма-таки всё?
- Ну а чего тут долго думать-то? Дело-то плёвое! Вместо икса тебя, товарищ следователь, в задачу вписываешь — и есть решение.
- Значит, вы тоже считаете, что я во всём виноват?
- Сложно так ответить... Во всём, не во всём... Сопляков-то уже не вернёшь! Какая теперь разница? Но если говорить о причастности и если тебя, товарищ следователь, это действительно интересует — то лично я, конечно, считаю, что без тебя не обошлось... Но чего мне тебе объяснять? Думаю, ты и сам это прекрасно понимаешь, коли жопу свою сюда притащил...
- Полагаете, я должен доложить об этом в Москву?
- А чего ты меня об этом спрашиваешь, Александр Александрович? Что за блядство? Ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что докладывать тут особенно не о чем... Кто же мог знать, что так совпадёт?! Да и к тому же не мне

тебе рассказывать, что свидетельствовать против самого себя нельзя...

— Но я ведь и в самом деле не мог предположить, что всё так обернётся...

— Не мог! Никто не мог... Но хули теперь об этом молоть? Я доброе дело делал, ты тоже, наверное, считал, что что-то важное совершаешь, хотя я в этом очень сомневаюсь... Так что спишем сопляков на себестоимость вашей профессии... — со злой улыбкой говорит Кичман.

— Я у вас вот о чём хотел спросить, — пропустив мимо ушей оскорбления, задаёт вопрос Козлов. — Ответьте только честно, хорошо?

— Честный ты наш...

— Вы для чего это сделали?

— Что именно?

— Детей на море отравили.

— Ах вот ты к чему! Всё-таки хочешь глубже копнуть? Ну да, разговаривая с тобой, не нужно забывать, что ты же всё-таки крыса, тебе-то спихивать вину на других людей не привыкать! Для чего я это сделал? Дело хотел доброе совершить, представляешь? Может такое уложиться в твоей мусорской голове?

— Или получить голоса на выборах?

— Да что за херня?! Какие голоса? Ты вот, товарищ следователь, всё никак не хочешь признаться, что на тебе вина, да? Послушай, Александр Александрович, я бы эти выборы и так и этак выиграл бы. Меня здесь народ любит, по-настоящему любит. Я здесь такой, как все, я эту землю знаю, я здесь свой. Да ты и сам это пре-

красно понимаешь, иначе стали бы тебя аж из Москвы сюда специально присылать, чтобы меня закрыть? Поездка детей на море никаких политических очков мне не давала, да и сделал я это от чистого сердца, безо всякого расчёта. Порыв у меня такой был, понимаешь? Это случилось в Греции. Я уехал на несколько дней, чтобы перегрузиться от всего этого местного говна, и вот сидел я себе на яхте, смотрел на море, музыка красивая играла, водочка, девочки, туда-сюда, и я вдруг подумал: а какого хера я сижу здесь, сука, а дети эти, у которых я недавно был в этом ссаном детском доме, нет? Я могу это себе позволить, а они нет? Вот я и решил: а привезу-ка я их сюда. И привёз! Понимаешь, начальник? Взял, сука, и привёз! Вот и вся история, и не было в ней никакого злого умысла и расчёта. Я зафрахтовал самолёт, сделал ребятам паспорта и визы, снял целую гостиницу...

— А о том, что будет после возвращения с этими ребятами, вы подумали?

— А какого хера я должен был об этом думать?

— Потому что добро, как и любовь, не одноразовая вещь!

— Да ты что? А откуда же я мог знать, что вы, крысы, меня закроете?

— Можно подумать, вы собирались отправить их на море и после переизбрания!

— Это хороший вопрос! Первый по делу, товарищ следователь. Я, если честно, тогда об этом не размышлял, но думаю, что, конечно же, сделал бы это. Когда меня уже

закрыли в СИЗО, ко мне директриса обращалась и спрашивала, как насчёт моря, и я был готов вновь помочь, но счета мои к тому времени уже арестованы были, дай бог здоровья вашей братии. Так что, Александр Александрович, я на себе вины не чувствую, а вот тебе, сука, с этим как-то придётся жить...

Козлов не отвечает. Следователь отворачивается и смотрит на зарешёченное теперь небо. Боковым зрением Александр замечает, что бывший мэр по-прежнему улыбается. Впрочем, улыбка его не злая, она скорее символизирует осознание шутки, которую сыграла судьба. Кичман уверен теперь, что некогда запущенный следователем бумеранг спустя несколько лет вернулся. Рад ли он этому? Если взвесить все за и против — конечно, нет. Дети-то тут при чём?

«Этот Козлов, — думает теперь Аркаша, — конечно, заслуживает, чтобы жизнь проехала по нему, но уж, наверное, не так...»

— Знаешь, Александр Александрович, по-человечески мне тебя даже немного жаль. Как там говорят в американских фильмах? Преступник всегда возвращается на место преступления? Вот ведь фокус, да? Ты снова здесь! Расскажи, каково это, распутывать череду самоубийств, которые начались из-за тебя?

— С вами тут хорошо обращаются? — не желая отвечать на этот вопрос, вдруг спрашивает Козлов.

— Нормально, не жалуюсь...

— Ну вот и славно... Я, пожалуй, пойду...

— Да и хер с тобой, вали домой!

Выйдя на улицу, Козлов выгаскивает из куртки пачку сигарет, но видит, что она пуста. За спиной остаётся тюрьма. От картинки, что сложилась в голове ещё вчера вечером, тяжело дышится. Странная история. Кичман прав — отправляясь в Острог, Александр мог представить себе всё что угодно, но только не то, что приедет на место происшествия, которое затеял сам.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Собрав сумку, Козлов пытается представить себе путь из аэропорта в Москву. Бесконечные светофоры, пробки и машины, в которых на передних сиденьях, уставившись в телефоны, не разговаривая друг с другом, проживают жизни мужья и жёны, а в детских креслах молча смотрят в окна их дети. Эпидемия одиночества. Козлов вспоминает доминошки многоэтажек, заклеенный рекламой беспроводного интернета подъезд и грязный узкий лифт. Раньше времени в мыслях своих он теперь возвращается в съёмную квартиру и думает, что нужно накачать новых детективных сериалов, потому что многосерийные фильмы о преступлениях снимают для одиноких и несчастных, как он, людей.

Сдав ключ с деревянным брелоком, Козлов без сожалений покидает общежитие и садится в ожидающую его «Клио». Машина делает разворот.

Проехав несколько километров, «Рено» вдруг резко останавливается. Как и в первый день, Михаил ударяет по тормозам, и, как и в первый день, виною всему подросток — перегородив дорогу, перед капотом стоит испуганная беременная воспитанница детского дома. Михаил начинает сигналить и материться, но Александр успокаивает его.

— Погоди, не нужно, — спокойно говорит Козлов. — Я сам...

Выйдя из машины, Александр застёгивает пуховик и подходит к девушке:

— Ты чего здесь?

— Заберите меня в Москву!

— Ну что ты за глупости говоришь?

— Заберите меня в Москву! Если вы этого не сделаете — уже никто меня никогда не заберёт! Если вы меня не заберёте — я убью его!

— Слушай, я не могу. У меня своя дочь и жена...

— Все знают, что у вас нет жены!

— Но как же я тогда тебя удочерю?

— Для этого не нужна жена! По закону вы можете сделать это один!

— Послушай, я не могу удочерить беременную девушку... Посмотри на себя...

— Можете!

— Да не могу! Ты просто веди себя нормально, и всё будет хорошо...

— Заберите меня в Москву! — двумя руками вцепившись в куртку, сурово требует девочка.

— Не дури! Говорю же тебе, что я не могу...

— Если вы уедете — я тоже спрыгну! Я оставлю записку, в которой напишу, что это вы во всём виноваты!

— Я и так во всём виноват...

Падает снег. Работают дворники. Из салона, держась двумя руками за руль, с большим интересом за всем происходящим наблюдает Михаил. И Фортов тоже.

— О чём они говорят?

— Кажется, сыкуха хочет, чтобы Сан Саныч забрал её с собой в Москву.

— Да хер там! Никуда он её не заберёт!

Козлов разжимает руки девушки и спокойно говорит:

— Ладно, садись в машину.

— Правда?

— Да, садись, говорю!

Девочка забирается на заднее сиденье, и, сев спереди, Козлов молча даёт понять Михаилу, что нужно заехать в детский дом. Прочитав это на лицах мужчин, девочка тотчас начинает кричать:

— Нет, пожалуйста, только не туда!

В этот момент подключается Фортов. Взяв девушку за запястье, он приказывает ей сидеть тихо.

— Не вопи! Кричать нужно было, когда сношалась!

Даже после этих слов Козлов не поворачивается и не смотрит в зеркало заднего вида. Он благодарен лейтенанту за то, что тот впервые ведёт себя по-взрослому.

Возвращаются вдоль покрытого снегом сухостоя. Проезжают забор зоны и, свернув у проржавевшего знака перекрёстка, газуют замёрзшей щебёнкой. Девочка всё ещё умоляет забрать её в Москву, и всякий раз, когда воспитанница только открывает рот, Лев сильнее сжимает её руку.

Проезжают мимо занесённых снегом скелетов брошенных комбайнов и дырявых бочек, мимо карьера, свалки и заброшенного коровника. Огибают пруд, колодец, сви-

ноферму и почтовое отделение, в которое редко теперь приходят письма.

Возле детского дома из машины выходят только Михаил, девушка и Лев. Козлов остаётся внутри. Мужская солидарность. Осознав, что следователю, наверное, от такого детского шантажа нелегко, коллеги под руки затаскивают девочку в детский дом и зовут старшего.

— Может, врача? — услужливо спрашивает вахтёрша, но не потому, что волнуется за девочку, а потому, что узнаёт следователей.

— Да нет, ей бы просто отлежаться. Забегалась она.

Михаил передаёт девушку старухе и велит смотреть за ней в оба.

Спустя минуту вновь трогаются. Каждый теперь думает о своём. Глядя на дорогу, Михаил испытывает образцовое чувство грусти. Местному следователю немного обидно, что история подходит к концу. Он не знает, будут ли дети кончать с собой ещё, но что-то подсказывает ему, что, раз Козлов уезжает, самоубийства прекратятся. С одной стороны, в этом, конечно, есть плюс, но с другой — это лишает его всякой возможности для реванша. Впереди маячат лишь похмелье, передозировка повседневностью и жизнь как мозоль.

«Игра закончилась», — с печалью думает Михаил.

Финальный счёт на табло: 2:0. Этот московский сукин сын вновь победил. Михаил понимает, что останется здесь совсем один. Его московский друг больше не приедет сюда, и местный следователь не знает, как признаться Александру, что будет очень скучать.

Трибуны пустеют, и гаснут прожекторы. С ворот снимают сетки, и центральный круг остаётся без мяча.

«Так интересно уже никогда не будет», — думает Михаил. Подняв глаза, он смотрит в небо и видит самолёт, что чертит длинное тире. Нет, он не видит этого, потому что в Остроге уже темно.

В аэропорту местный следователь по-доброму обнимает Александра, и в момент этот Козлов чувствует, что обиды у Михаила больше нет и ещё что он больше не вернётся сюда никогда.

В самолёте, не посмотрев в посадочный талон, Александр садится к иллюминатору и, потеряв нос, уже было собирается закрыть глаза, но Фортов всё-таки осмеливается заговорить:

— Александр Александрович, слушайте, я прекрасно понимаю, как вы ко мне относитесь, и примерно представляю, что вы думаете о моих умственных способностях, но можно я всё-таки спрошу?

— Валяй, Фортов... — не открывая глаз, хмурясь и думая о чём-то своём, отвечает Козлов.

— Значит, мы не будем возбуждаться?

— Не знаю...

— Почему?

— Потому что это не наше дело.

Больше не говорят. Лев встаёт и идёт в хвост самолёта, где сидит Агата. Этот Козлов какой-то странный, а она лёгкая — с ней веселей!

Только в «Домодедово», забирая чемоданы с ленты, Александр хлопает Льва по плечу и говорит:

— Ты молодец, Фортов, хорошо себя проявил. Папе передай, что он может тобой гордиться!

— Да нет у меня отца... Меня дядя воспитывает с детства... — со злостью отвечает Лев и забирает свой чемодан.

Казалось бы, уже попрощались, но на парковке вновь оказываются вместе. Машины подъезжают одновременно: корейский дешёвый автомобиль для Козлова, «Мерседес» для Фортова и Агаты. Кортёжем едут друг за другом. Всю дорогу Козлов теперь смотрит в окно и слушает радио. Фортов и девушка делают то же самое, и сразу в двух машинах Андрей Макаревич поёт:

...Как легко решить, что ты слаб,
Чтобы мир изменить,
Опустить над крепостью флаг
И ворота открыть...

...Как легко знать, что ты в стороне,
Что решаешь не ты.
Пусть другие побеждают в войне
И сжигают мосты...

Открыв дверь, Лев с радостью смотрит на собственную квартиру. Теперь она кажется ему очень стильной. Фортов ловит себя на мысли, что попал в другой год. Здесь не прошлое и даже не настоящее, здесь уже случившееся и пришедшее прекрасное будущее. Окна на Цветной бульвар —

вид очень красивый. Лев понимает, что ему мил пульс этого города. Порадовавшись возвращению, он решает принять ванну и спуститься вниз, в какой-нибудь хороший настоящий ресторан.

Фортов наливает ледяное шампанское и двойным хлопком (технология умный дом) включает музыку. Звучит джаз, умиротворяющий и спокойный рояль. Когда вода наполняет джакузи, Лев забирается внутрь (Агата уже здесь) и расслабляется. Фортов думает теперь: хорошо, что всё наконец закончилось. Несостоявшийся лейтенант юстиции решает, что сегодня отдохнёт, а уже завтра попросит у дяди чего-нибудь ещё — эта профессия, кажется, не для него. Фортов думает теперь, что вполне мог бы попробовать себя в шоу-бизнесе или даже в кино. С другой стороны, теперь, когда он так хорошо и глубоко знает собственную страну, он, наверное, мог бы реализовывать себя в большой политике. Лев улыбается, потому что чувствует: впереди у него фантастические перспективы и будущее, здесь, в прекрасной Москве.

— Агата, милая, давай выпьем за наше возвращение!

ЭПИЛОГ

Острог продолжает морозить и заносить снегом. Горизонт размывает абсолютной белизной и тихо-тихо, неотделимо от земли и неба, кто-то (вполне возможно, бывший мэр) едва слышно поёт песенку во славу пустоты. Жизнь продолжается, жизнь идёт своим чередом. Проходя очередное обследование, беременная воспитанница детского дома заявляет врачам, что хочет отказаться от ребёнка.

— Почему?

— Потому что сперва мне нужно пожить в своё удовольствие. Вот встану на ноги — тогда и заберу.

— Ты сначала роди, а потом отказывайся, — отвечают врачи.

Со всей страны в Острожский детский дом катят равнодушные будущие приёмные папы и мамы. Переполненные эмоциями, люди порыва, граждане с большими сердцами выстраиваются теперь в длинную очередь, чтобы в срочном порядке усыновить хотя бы кого-нибудь из острожских детей. С улыбкой наблюдая за происходящим,

директор детского дома думает, что о таком подарке можно было только мечтать — сложно придумать лучшую рекламу, чем четыре самоубийства.

Каждый день теперь повторяется один и тот же спектакль. В маленькую комнату, где уже сидят взрослые члены жюри, входит ребёнок, который начинает демонстрировать всё, что умеет. Мальчики и девочки берут в руки карандаши и быстро, словно на Дельфийских играх, рисуют. Как правило, маму и папу. Затем, отложив в сторону бумагу, хватаются за пластилин, чтобы слепить никому не нужные волны, пальмы и солнце. Вслед за этим вытаптывают танцы, поют народные песни, читают стихи и со множеством ошибок пытаются исполнить «К Элизе» Бетховена. Припадают на одно колено, чтобы показать, как ловко они умеют завязывать шнурки, и тотчас встают по стойке «смирно» и, дождавшись одобрения воспитателя, демонстрируют потенциальным родителям, что научились в мгновение надевать куртку/шапку/шарф и перчатки. Подойдя к умывальнику, который родители замечают только теперь, дети моют и так вычищенную до блеска тарелку и, тщательно её обтерев, аккуратно складывают полотенце вчетверо. Всё это обычно происходит в абсолютной тишине, и когда ребёнок заканчивает первый тур, с ним начинают говорить. Не раз принимавшие участие в подобных трагикомедиях дети отвечают неохотно, прекрасно понимая, что если кому-то и повезёт, то уж точно не им. В конце концов воспитательница выводит ребёнка за дверь, и директор детского дома спрашивает:

— Ну как, вам понравился ребёночек?

— Да вроде крепенький, — отвечают бывшие приёмные родители Пети.

Выслушав Козлова, начальник на секунду смотрит в бумаги и, опустив очки на самый краешек носа, поднимает глаза:

— Так, Сан Саныч, я что-то ничего не понимаю. Давай-ка лучше ты мне объясни, что здесь написано? ДНК этого Павлова нашли на местах всех самоубийств, он дал признательные показания, однако после вы нашли его ДНК ещё и на месте убийства, где он, как я понимаю, быть не мог? Это что вообще такое?

— Да, всё верно. Как вы знаете, произошло следующее: местный мэр, Кичман, однажды решил сделать доброе дело и отправил детей на море. Первое время все были счастливы, но, когда дети вернулись, их захлестнула повседневность. Месяц, два они ещё как-то справлялись, а потом начали сбегать. Кто куда. Одни хотели посмотреть на море, другие просто вырваться из городка. За то, что ребята сбежали, воспитатели отправляли их на принудительное лечение. Ребята лежали в больничке по месяцу, два и каждый день употребляли запрещённый во всей Европе, но разрешённый у нас аминазин. После этого в приют ребята возвращались не только с покалеченной психикой, но и со справками, согласно которым сразу после выпуска из детского дома в связи со вновь всплывшими диагнозами должны были бы отправиться в ПНИ. И всё же была надежда — каждый жил мечтами о море. Весь год ребята ждали, что путешествие повторится... Когда же дети поняли, что Кичмана посадили, а моря в их жизни больше

не будет, сперва участились побеги, а затем начались и самоубийства...

— А этот Павлов? Как быть с тем, что он был на местах самоубийств?

— Не был...

— Но ведь везде нашли его ДНК!

— Да, но только никто не подумал, что криминалисты сами занесли её туда. Такая история уже однажды случалась в Германии. Никто не вспомнил, что этот Павлов работал на фабрике по производству ватных палочек. Вероятно, в силу рассеянности время от времени он забывал надевать перчатки — не знаю, так или иначе, но ватные палочки, которыми работали криминалисты, с самого начала были заражены его ДНК. Ни на одном из мест самоубийств он не был. Эти показания из него просто выбили.

— То есть закрывать нам некого?

Козлов ждёт этого вопроса, однако, когда он звучит, всё равно на мгновение задумывается. Посмотрев на собственное отражение в зеркале, что висит теперь ровно напротив него, Александр набирает полные лёгкие воздуха и на выдохе говорит:

— Не-а... разве что море...

— Да уж, Сан Саныч... не для того я тебя туда послал... Ну ладно, я подумаю... и решу, как со всем этим быть!

— Можно мне съездить в отпуск на недельку?

— Да-да, конечно, напиши заявление и валяй!

Спустившись на парковку, Козлов закуривает и, позвонив жене, сообщает, что собирается уехать на некоторое время.

— А твоя работа?

— Мне дали отгул. Я бы только хотел повидаться с Асей перед отъездом...

— Это хорошо, потому что вечером у меня как раз очень важные дела.

Вместе с дочерью Александр отправляется в торговый центр. После Острога ему хочется скупить ей весь мир. Пока девочка выбирает себе кукол, Козлов смотрит на людей, глядящих в телефоны. Когда все самые желанные игрушки приобретены, Александр предлагает дочери съесть мороженое, и маленькая Ася с радостью соглашается. Выбирают ванильное, карамельное и фисташковое. Три шарика каждому. Усаживаются возле большого аквариума и тотчас замечают маму. Козлов видит жену первым и мгновенно ещё надеется, что девочка не узнает её, но уже спустя секунду малышка радуется случайной встрече.

— Тише, Ась, давай не будем тревожить маму... Скажи лучше: тебе вкусно?

— Вкусно!

— И мне тоже...

— Пап, почему мама целует этого дядю?

— Ешь мороженое, милая, а то сейчас растает...

— А этот дядя теперь будет вместо тебя?

Козлов гладит дочь по щеке и понимает, что карамельное мороженое нравится ему больше фисташкового. Сле-

дователь делает глоток холодной колы и бурлит напитком. Девочка смеётся, и Александр чувствует, что на языке начинают шипеть тысячи мелких пузырьков, а ещё — что очень колет сердце.

Девочка обнимает отца, и, улыбнувшись от боли, Александр вспоминает теперь, что много лет назад в Греции пузырьки шипели точно так же.

Вечером Александр отвозит дочь, спрашивает у жены, как прошли её важные дела, и решает, что заезжать на съёмную квартиру уже не станет. Сев в машину, он отправляется в сторону маленькой деревеньки на озере близ городка Сортавала, чтобы впервые за долгое время уснуть дома.

Список вопросов для обсуждения романа «Возвращение в Острог» учащимися средних, средних специальных и высших образовательных учреждений

1. Назовите имя девочки, вскрывшей себе вены.
2. Откроет ли мэр Острога капсулу и прочтёт послание к будущим поколениям?
3. Почему Петя с самого начала выступает против поездки в Грецию?
4. Выживет ли он?
5. Будет ли осуждён?
6. Виновен ли Козлов?
7. Каковы последствия добра?
8. Где заканчивается море?
9. И будет ли так всегда?

ПОСЛЕ ВСЕГО

В маленьком карельском городке, где заканчивается осень и эта история, как вы наверняка помните, с самого утра идёт снег. Александр действительно смотрит на бумагу, но за карандаш не берётся. В доме и впрямь по-настоящему тихо, и мать Козлова взаправду поливает цветы, а отец собирает мозаику.

Выйдя на улицу, Александр в самом деле шагает в сторону озера и уже на берегу замечает вдруг одинокого, выбравшегося на сушу лебедя. Несколько минут следовательно пристально смотрит на птицу, а затем спокойно достаёт из куртки пистолет, и над лесом раздаётся эхо выстрела...

...Словно в цирке, в театре или в зале консерватории, гости пляжа рассаживаются по местам. Каждый вечер они приходят сюда, чтобы посмотреть, как исчезает светило. Солнце выкрашивает в цвет заката пробегающие мимоходом облака и, будто за плинтус, плюхается за горизонт. Огненный диск покидает людей, и от этого забываемого ежевечернего представления на душе аборигенов и путешественников становится радостно, спокойно

и тепло. В благодарность за увиденное по набережной разливаются аплодисменты, и работник муниципальной службы, который следит за чистотой вверенного ему пляжа, с грустью улыбается укатывающемуся красному колесу. Специальной сеткой собирая брошенные мимо урн пластиковые стаканчики, он медленно едет вдоль шепчущей воды и вспоминает группу детей из России, которые гостили здесь несколько лет назад. Человек за рулём зелёного трактора перебирает в памяти их лица и думает, что эти ребята были по-настоящему потрясены. В отличие от туристов, многие из которых наблюдают этот спектакль несколько раз в год, русские дети, вспоминает теперь греческий тракторист, как заколдованные, глазели на море. Толстыми протекторами нарисовав на песке петлю, он разворачивается в конце пляжа и трогается в обратную сторону, чтобы, отвлекаясь от монотонной работы, попытаться представить себе, как могла сложиться их судьба...

...Выйдя на сцену, молодая, но уже очень известная поэтесса замечает, что зал полон. Девушка подходит к микрофону, улыбается, здоровается и, дождавшись, пока волна аплодисментов докатится и разобьётся о край сцены, высказывает предположение, что можно начинать.

Публика смеётся, оценивает остроуту, и когда ещё одна рождённая простой шуткой волна оmyвает её ноги, молодая, но уже очень известная поэтесса начинает читать.

Первым делом она дарит публике стихотворение о сиамских близнецах. Дочитав его и приняв порцию положенного восхищения, Вера (так её зовут) осматривает зал и замечает, что два кресла в самом центре партера пусты-

ют. Это лучшие места, в седьмом ряду. Такие обыкновенно резервируют для очень важных персон: директора театра или его любовницы, премьер-министра или какого-нибудь сотрудника ФСБ.

«Важные люди всегда опаздывают», — думает молодая, но уже очень известная поэтесса и продолжает читать.

Она читает про детское и про босанову, про суженое-ряженое и про апрель, про толстых юношей и про счастье, но в перерывах, когда крещендо звучат всё более и более нарастающие аплодисменты, она думает теперь, что два кресла пустуют. Вера пытается представить себе, как выглядит пара, которая не пришла. Кто эти люди? Кем они работают? Сколько им лет? Они не пришли, потому что попали в пробку, или не собирались вовсе? Он депутат или священник, прокурор или простой студент, который всеми силами хотел произвести впечатление на возлюбленную?

Так или иначе, подарив слушателям несколько известных и даже знаменитых стихотворений, поэтесса вновь оглядывает зал и, приблизившись к микрофону, продолжает читать:

край у нас широк, изобилен,
бесконечно сакрален
сколько у нас древних зубодробилен,
вековых душераздирален
перед путешественником, где чёрен,
где ещё промышленно не освоено,
целый горизонт лежит живодёрен
и предателебоен

всяк у нас привит, обезболен,
власти абсолютно лоялен,
это слышно с каждой из колоколен,
изо всех шапкозакидален
и сладкоголосый, как сирин,
и красивый, как сталин,
нами правит тот, кто всемогущ
и идеален
от восторга мы не ругаемся больше матом,
не ебёмся, не курим,
нас по выходным только к банкоматам
выпускают из тюрем
в школе, без вопросов и встречных реплик,
наши детки, краса-отрада,
собирают нам из духовных скрепок
макеты ада
судя по тому, как нас вертухаи обходят хмуро,
и на звук подаются, дрогнув, —
скоро снова грянет большая литература
и кинематограф

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	7
Песнь первая.....	9
Песнь вторая.....	17
Песнь третья.....	28
Море волнуется раз!.....	37
Песнь четвёртая.....	39
Море волнуется два!.....	45
Песнь пятая.....	47
Песнь шестая.....	55
Песнь седьмая.....	64
Море волнуется три — морская фигура замри!.....	81
Песнь восьмая.....	83
Песнь девятая.....	87
Песнь десятая.....	99
Песнь одиннадцатая.....	108

Песнь двенадцатая	110
Песнь тринадцатая	122
Песнь четырнадцатая	125
Песнь пятнадцатая	138
Песнь шестнадцатая	154
Песнь семнадцатая	160
Песнь восемнадцатая	164
Песнь девятнадцатая	169
Песнь двадцатая	178
Песнь двадцать первая	182
Песнь двадцать вторая	186
Песнь двадцать третья	194
Песнь двадцать четвёртая	202
Эпилог	209
После всего	216

БЫВШИЙ СЫН

Несмотря на скромные размеры и белорусскую фактуру, вы держите в руках настоящий большой русский роман – возможно, тот самый, которого литература ждет уже не первый год. Филипенко едва ли не единственный из своего поколения виртуозно воспроизводит речь любого сословия; превращает измученный Минск в современный ответ булгаковскому Киеву «Белой гвардии»; сложнейшая сцена спонтанного массового насилия, вокруг которой вращается сюжет, выписана с поистине пугающим мастерством. Но самое главное и самое редкое в наши дни достоинство «Бывшего сына» – у этого романа есть сердце.

Михаил Идов, главный редактор «GQ Россия»

ЗАМЫСЛЫ

Автор Саша Филипенко умеет писать, этого не отнимешь. Он обращается с читателем как опытная жрица любви: знает, где погладить, где нажать, где пощекотать. Где слезу пустить, где анекдотец вернуть, а где тяжело вздохнуть: эх, жизнь-то какова – такова, какова есть и больше никакова. Прочитаете пару страниц – и пропали: не оторваться. Мастер, чего скажешь.

Главный герой (напомним, зовут его Саша Филипенко) обнаруживает, что некто неизвестный ведет блог от его имени, куда выкладывает такие подробности его жизни, работы, отношений с людьми, что это в реальной жизни героя приводит к разрушительным изменениям. Главный герой пытается найти гадкого блогера, и хотя внимательному читателю подсказка сообщается на первых страницах (убийца – дворецкий), читайте до конца.

*Из отзыва Владислава Толстова на сайте премии
«Национальный бестселлер»*

ТРАВЛЯ

«Травля» Саши Филипенко – блистательный роман. Мне кажется, что в России появился культовый писатель первого двадцатилетия XXI века, сменивший Виктора Пелевина. Виртуальные путешествия в подсознание и словесная магия начинают надоедать, Виктор Пелевин стал от них сам зависим, как наркоман. А Саша Филипенко во многом продолжает литературную традицию Василия Аксенова – новый жаргон, стиль, ирония, реалии, анализ общественных тенденций. Саша Филипенко – это Василий Аксенов новой литературной эпохи в России. Если у редакции есть такая возможность, передайте ему, пожалуйста, слова признательности от профессионала и просвещенного читателя.

Михаил Давидзон, писатель, сценарист, Тель-Авив

КРАСНЫЙ КРЕСТ

Дочитываю внимательно этот роман. Думаю; иногда хочется курить и выпить водки. По-моему, надо снимать. То, о чём нам никогда не расскажут, то, о чём знать необходимо. Чтобы меняться. Чтобы не вернуться к фашизму. Особенно сейчас, когда цена человеческой жизни стоит со знаком минус. Настоятельно советую всем лицам, достигшим осознанного возраста. Саша Филипенко, спасибо.

Анатолий Белый, актер

Литературно-художественное издание

Серия «Самое время!»

Саша Филипенко

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОСТРОГ

роман

Редактор

Татьяна Тимакова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Верстка

Оксана Куракина

Корректор

Татьяна Трушкина

Подписано в печать 22.12.2019.

Формат 70x108/32. Усл. печ. л. 9,8.

Тираж 2000 экз. Заказ № 1203.

ООО Издательство «Время»

117105, Москва, Варшавское шоссе, 3

Телефон (495)954 10 82

<http://books.vremya.ru>

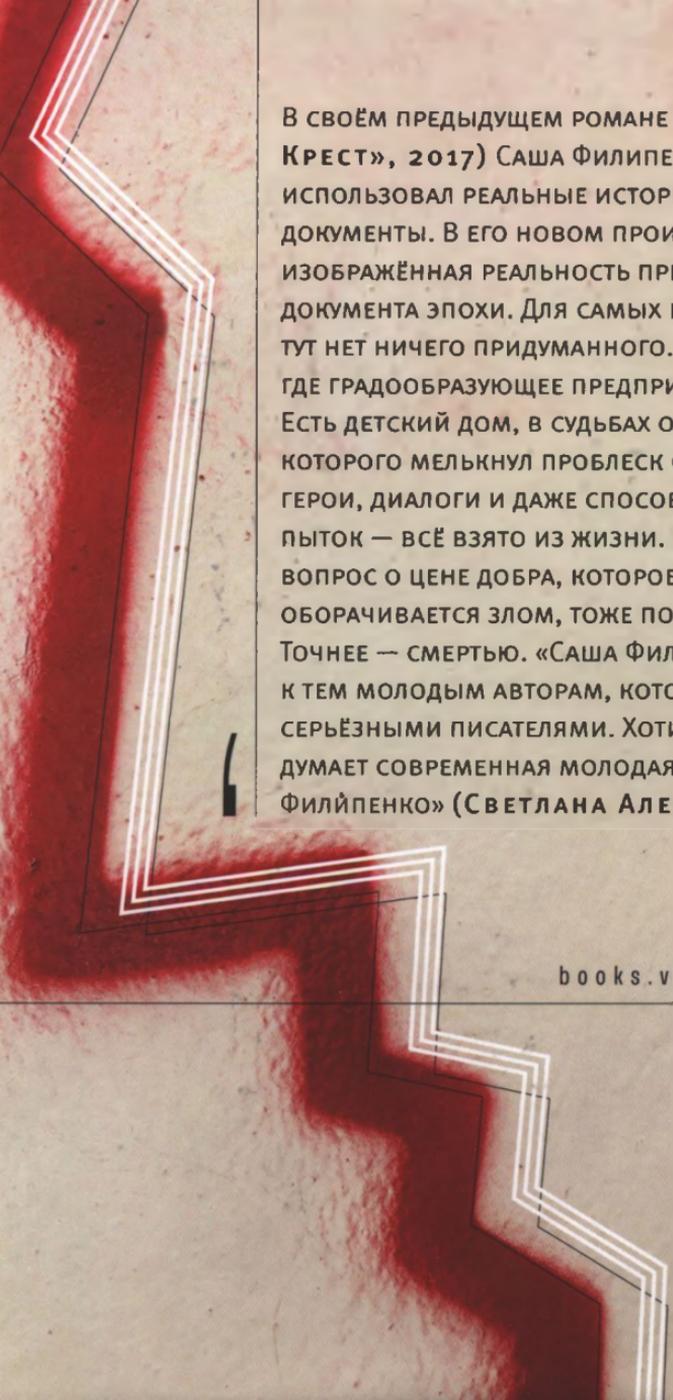
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

В СВОЁМ ПРЕДЫДУЩЕМ РОМАНЕ («КРАСНЫЙ КРЕСТ», 2017) САША ФИЛИПЕНКО ШИРОКО ИСПОЛЬЗОВАЛ РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ. В ЕГО НОВОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ САМА ИЗОБРАЖЁННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПРЕТЕНДУЕТ НА РОЛЬ ДОКУМЕНТА ЭПОХИ. ДЛЯ САМЫХ НЕДОВЕРЧИВЫХ: ТУТ НЕТ НИЧЕГО ПРИДУМАННОГО. ЕСТЬ ГОРОДОК, ГДЕ ГРАДООБРАЗУЮЩЕЕ ПРЕДПРИЯТИЕ — ТЮРЬМА. ЕСТЬ ДЕТСКИЙ ДОМ, В СУДЬБАХ ОБИТАТЕЛЕЙ КОТОРОГО МЕЛЬКНУЛ ПРОБЛЕСК СЧАСТЬЯ. СИТУАЦИИ, ГЕРОИ, ДИАЛОГИ И ДАЖЕ СПОСОБЫ ПОЛИЦЕЙСКИХ ПЫТОК — ВСЁ ВЗЯТО ИЗ ЖИЗНИ. И ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОС О ЦЕНЕ ДОБРА, КОТОРОЕ ПОЧЕМУ-ТО ОБОРАЧИВАЕТСЯ ЗЛОМ, ТОЖЕ ПОСТАВЛЕН ЖИЗНЬЮ. ТОЧНЕЕ — СМЕРТЬЮ. «САША ФИЛИПЕНКО ОТНОСИТСЯ К ТЕМ МОЛОДЫМ АВТОРАМ, КОТОРЫЕ СРАЗУ СТАЛИ СЕРЬЁЗНЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ. ХОТИТЕ УЗНАТЬ, О ЧЁМ ДУМАЕТ СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДАЯ РОССИЯ, ЧИТАЙТЕ ФИЛИПЕНКО» (СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ)

books.vremya.ru